

84/12/02/Р/01/6
С 34

СИБИРСКИЕ
ЗВЕЗДОЧКИ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

ученику учебн

теву Володе

окончания учеб-

да. 2 ю.а" 1961г.

Директор школы

МШБ

Анжелики Космоловой.
Подарено в 2004 году.

3.129
1(Ке)

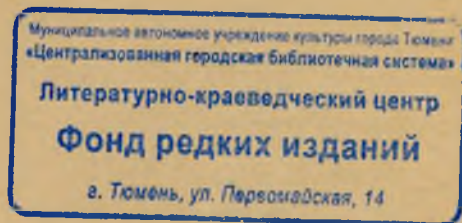
84/2 Рос-Рге)6

с 34

СИБИРСКИЕ ЗВЁЗДОЧКИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВЫПУСК ВТОРОЙ

107 902/2

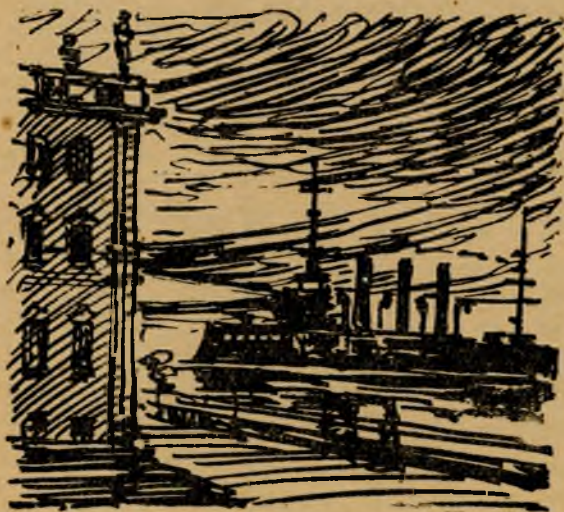
ТЮМЕНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

214

Российская Федерация
Тюменская область
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037885
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3

МЫ-ДЕТИ Октября

Нет, не спалось той грозной ночью
Ни богачам, ни беднякам...
Рвалось стальное небо в клочья
Над Петроградом пополам,
Свинцовые скрестились ливни
В один сплошной гудящий шквал,
Кольцо отрядов сжало Зимний —
И Зимний дрогнул,
Зимний пал.
Над зданьем Смольного, одетым
В огни восстаний, бурь и гроз,

«Земля крестьянам!»
«Власть Советам!»
и «Мир народам!»—

пронеслось.

...Мой юный друг, наш день
рождения

Пришёл поздней на много лет.
Мы знали дым других сражений
И радости других побед.
Но помним, словно очевидцы,
Какой была тогда заря...
Пусть позже нам пришлось
родиться,
Но все мы — дети Октября.

Настоящий товарищ

Пётр Горбунов

После урока, как только вышла из класса Ольга Ивановна, Севка намеревался рассказать ребятам всё как было, объяснить, почему он не выполнил задание. Но ребята начали спорить, кричать, что он подводит весь класс. Кто-то предложил «вытащить» его к директору, кто-то советовал обсудить на классном собрании. И обида на ребят, что они не выслушали и вот так, впопыхах, решают его судьбу, расталась всё больше и больше. Севка готов был крикнуть: «Это несправедливо!» Но подступивший к горлу комок не давал выговорить слова.

Севка сидел на крайнем ряду и, отвернувшись, смотрел в окно. За спиной по-прежнему стоял шум. «Это не по-товарищески... Это не по-товарищески», — без конца повторял писклявый голосок. Севка

по голосу узнал Саньку Моргунова и неожиданно вспомнил, как в прошлом году Моргунок подсек на санках Таню Ведерникову, да так, что она упала на лёд и потеряла сознание. А Санька испугался и убежал.

Вспомнив об этом, Севка хотел обернуться и спросить: «А это по-товарищески — оставлять друга в беде?» Но не спросил. К чему? Всё равно его никто не поддержит.

В конце улицы показался Колька Болотин. Он бежал по дороге, подпывая глызку. Севка смотрел на него и вдруг подумал: «А что если

маму вызовут к директору, как у Кольки?»

Подумав о матери, Севка решительно встал. Он ещё не знал, что он скажет, но чувствовал: надо что-то обязательно сказать, извиниться перед ребятами, попросить прощения, пообещать, что он никогда больше не оставит ни одного невыученного урока, иначе... Иначе пусть назовут его болтуном, и тогда он не будет на это обижаться.

Но вспыхнувшая на какой-то миг решимость тут же исчезла. Севка стоял за партой и молчал. Он разжал пальцы руки, поднятой к поясу, и потёр твёрдые бугорки мозолей. «А почему я должен оправдываться перед ними? — спрашивал он себя. — Что я, хуже их?..»

— Видите, он даже разговаривать с нами не хочет, — проговорил Женька Старостин.

— К директору его! Пусть пропесочат!

— Это не по-товарищески! — продолжал выкрикивать Моргунок.

И снова в классе поднялся такой шум, что трудно было разобрать, кто о чём говорит. Севка понял: ждать больше нечего. Он нагнулся, достал из парты старую потрёпанную сумку и, сгорбившись, точно боясь, что его вот-вот ударят, вышел из класса.

По дороге его догнала Таня Ведерникова, а следом подбежал запыхавшийся Слава Фёдоров.

— Почему ты не объяснил ничего, Севка? — спросила Таня. Она знала, что Севке трудно. Мать у него работает в колхозе телятницей, и обязанности по дому лежат на Севке. Он носит воду, топит печь, заботится о сестрёнке, а иногда даже готовит обед. Таня всегда

за него заступалась. Ей было жаль Севку, и она часто старалась помочь ему, но Севка отказывался — боялся, как бы не назвали его «девчоночьим пастухом».

— Почему ты не рассказал, из-за чего не выполнил задания? — продолжала допытываться Таня. — Ребята правильно беспокоятся. Класс выпускной, а ты за один день по две двойки схватываешь. Как же так, Севка?

— Ты чем-нибудь занят был, да? — вмешался в разговор Слава.

Севка молчал. Надвинув на лоб старенькую шапку-ушанку, запахнув полы фуфайки, он шёл не спеша, точно обдумывал, как же ему поступить, чтобы избавиться от двоек и заслужить доверие ребят.

— Вот всегда ты так. С тобой говорят по-хорошему, а ты молчишь, как бурундук, — обиделась девочка, откинув за спину длинные косы.

— Я дрова ходил рубить, — отозвался наконец Севка. — У нас топить нечем. Председатель только обещает, а дров всё не везут. Маме самой съездить некогда, вот она и послала меня: «Сходи, говорит, наруби сначала, а потом лошадь у бригадира попросим и съездим». Ну, я и ходил вчера.

— А где рубил? — спросил Слава.

— В согре.

— Один? — удивилась Таня.

— А с кем же? Конечно, один. Ольгушка ещё маленькая. Она даже не дойдёт до согры-то. Далекое ведь... Моргунку хорошо кричать «Не по-товарищески», когда им всё готовенькое подвозят, — обиженно проговорил Севка, сворачивая в проулок.

Таня и Слава не отставали. Хотя идти им было не по пути, но они тоже свернули в проулочек, где жил Севка.

— А что если сходить к председателю колхоза и попросить его как следует? — предложила Таня.

— Так он тебя и послушает! Мама сколько раз просила. Он ведь какой, он не отказывает...

— Но и не везёт, — добавила девочка.

— Недаром его Обещалкиным прозвали, — рассмеялся Слава. Он был на голову выше Севки и Тани и смотрел на ребят как бы свысока.

— Так что же делать-то? — не унималась Таня. — За дровами поедешь — опять уроки не выучишь.

Ребята помолчали. Когда стали подходить к Севкиному дому, заметили во дворе запряжённую лошадь и переглянулись.

— Вот что, Севка, — решительно сказал Слава. — Сейчас мы съездим за дровами... Ну, ты и я, значит, а вечером будем уроки учить. Хорошо?.. Только ты подожди меня. Я сбегаю домой, положу книжки и у мамы отпрошусь. Идёт? — И, не дожидаясь, что ему скажет в ответ Севка, он побежал.

— И я вечером приду, — сказала Таня и смутилась. — Если разрешишь, конечно, — добавила она.

Севка посмотрел на Таню и тоже почему-то смутился.

— Хорошо, приходи, — ответил он и заскочил во двор.

Из окна Севка видел, как Таня выходила из проулочка, помахивая своим маленьким портфельчиком, в котором носила книги.

Не успел Севка опорожнить тарелку со щами, как во двор вбежал

Слава. Он на ходу доставал что-то из оттопыренного кармана и жевал.

Увидев товарища, Севка заторопился: отодвинул тарелку, взял со стола ломоть хлеба и сунул его в карман фуфайки.

— Поел бы как следует. Успеешь съездить-то, — проговорила Ульяна Васильевна, жалостно поглядывая на сына.

— Да, успеешь... Далеко ведь.

Заметив в окне Славу, Ульяна Васильевна облегчённо вздохнула: вдвоём-то веселее будет и, подавая сыну остро наточенный топор, согласилась:

— Езжайте. Да только осторожнее, не посекитесь.

— Маленькие мы, что ли? — обиделся Севка. Он нахлобучил шапку, взял у матери топор и вышел во двор.

Слава успел повернуть лошадь и, боясь, видимо, что она убежит, держал её под уздцы.

Удобно усевшись на дровнях, Севка дёрнул вожжами и осторожно выехал за ворота. В проулочке он подстегнул лошадь, и она затрусилла мелкой рысцой. Понукая её и подстёгивая, Севка думал о Тане. «Какая она всё-таки хорошая. Не такая, как другие девчонки». Он представил, как они вечером будут заниматься втроём. «Таню мы посадим в уголок, к печке, чтобы не так холодно ей было, а мы со Славкой сядем к окну. Ольгушку спать уложим, а сами будем сидеть, пока не выучим все уроки... Потом я пойду их провожать. Сначала проводим Славку — он живёт ближе, потом Таню... А когда буду прощаться, скажу ей что-нибудь хорошее и попрошу, чтобы она снова приходила к нам... Скажу, что с ней очень хо-

рошо заниматься... И отвечать на уроках я теперь буду только на пятёрки...»

Почувствовав лёгкий толчок в спину, Севка обернулся.

— Сырнику-то много нарубил? — спросил Слава, прикрывая варежкой нос.

— А что?

— На один воз сложим?

Севка рассмеялся.

— Сло-о-жим, — растянул он. — У меня всего восемь жердочек срублено.

— Какой же это воз — восемь жердочек? — удивился Слава. — Придётся ещё срубить лесинки три-четыре.

— Сру-у-бим, — снова протянул Севка.

Лицо его светилось улыбкой, глаза блестели. Ему было весело. Он

радовался, что Слава вызвался помочь съездить за лесом, что они скоро вернутся и сядут за уроки вместе с Таней. Он никогда больше не будет получать двоек. Эта мысль настолько захватила Севку, что он не заметил, как они въехали в лес и свернули к согре — небольшой низинке с кочкарником, ельником, вереском, с хилыми тощими берёзками, за которыми начиналась дремучая тайга.

Узкая дорожка змейкой вилась между кустами. Лошадь проступалась и шла шагом. Дровни зарывались в снег по копыльям. И только

сзади оставался широкий след полозьев.

Севка поднялся на ноги. Слава, который ни разу не был этой зимой в лесу, смотрел по сторонам и счастливо улыбался. Его радовали высокие тёмно-зелёные ели с могучими ветвями, свисающими к земле, точно придавленные снежными шапками; петлявшие следы зайчишек. Даже глубокий след от саней, тянувшийся красивыми изгибами между припорошенными снегом кустиками, приводил его в такой восторг, что хотелось прыгнуть с дровней и пуститься впереди лошади.

Севка остановился, подъехав к самой согре. Взяв лошадь в повод, он повернул её, вывел обратно на санный след и кинул вожжи на спину.

— Не убежит? — спросил Слава, с опаской поглядывая на лошадь.

— Не-е-е. Я привернул¹ её, — отозвался Севка и взял с дровней топор. — Ты побегай пока, погрейся, — сказал он Славке, видя, что тот замёрз и еле разжимает посиневшие от холода губы. — А я той порой срублю несколько берёзок, чтобы побольше привезти.

Слава взглянул на друга и рассмехался:

— Побегай!.. Тут не очень-то разбежишься. Снежищу — выше колена. Вот если б лыжи были, это да!

Но стоять и смотреть, как Севка подрубает берёзу, — удовольствие небольшое. Славка и сам смог бы так же рубить, только неудобно отнимать у Севки топор. «Небось то-

¹ Укоротил вожжу, обмотав её вокруг оглобли.

же замёрз?.. Пусть пока рубит. Берёзки две срубит, потом попросу и вмиг согреюсь», — решил он.

Чтобы не стоять на месте — так холод чувствовался сильнее, — Слава прошёл сначала в одну сторону, затем в другую. Потом пробрался сквозь чащу и вдруг почти рядом увидел поваленную ветром ель. Подмяв под себя упругие деревца, она лежала на них, словно подвешенная, и только крайние от комля разлапистые ветви её касались земли.

Слава остановился. Взглянув на мёртвые корневища, торчащие из-под снега точно щупальца, он испугался и хотел было вернуться к Севке, но припорошенная снегом ель с пушистыми от инея корнями заворожила его.

Мальчик осмотрелся. Кругом было тихо. Неподдалёку звенел топор: дзень... дзень... дзень... И тут же ему отвечало раскатистое эхо. Славе казалось, что он даже слышит, как летят и впиваются в снег отскакивающие от дерева щепки.

Рассматривая торчащие корневища, Слава заметил на них необыкновенно толстый слой инея. А внизу, возле самого снега, корни почему-то блестели и были похожи на сосульки. Мальчика это заинтересовало. Он крикнул Севку и подошёл к дереву ближе.

Услышав окрик товарища, Севка распрямился.

— Что? — издали крикнул он и увидел, что Слава забрался на кучу хвороста и рассматривает вывернутые корневища.

— Смотри, сосульки! — откликнулся Слава. — Кругом куржак, а на этих — сосульки, как весной. Здрово!

И вдруг Слава упал, видимо, провалился. Потом поднялся и начал барахтаться в снегу.

— Здесь что-то мягкое! — снова крикнул он, и тут же по лесу разнёсся дикий вопль: — А-а-а!..

Севка кинулся к товарищу. «Наверное, ногу придавило», — подумал он. Но в это время Слава кубарем скатился с кучи, быстро отполз от неё, вскочил и, прихрамывая, кинулся в кусты, не переставая кричать:

— А-а-а-а!..

Всё это произошло настолько быстро, что Севка не мог сообразить, что же случилось. Он бежал к товарищу, сжимая в руке топориче, а Слава запнулся, упал и полз к дороге, оставляя на снегу кровавый след.

«Зверь!» — мелькнула у Севки мысль. Он испугался и, не добежав несколько шагов до места, где только что стоял Слава, замер.

Под кучей что-то зашевелилось. Снег, треснув, осел. И не успел Севка решить, что же ему делать, как из-под валежника показалась мохнатая голова медведя.

Видимо, ослеплённый снегом, медведь остановился. Он поднял морду, широко раздувая ноздри, и, увидев Славу, сделал шаг, но глубоко провалился в снег.

Раздумывать было некогда. Ещё секунда-другая, и медведь бросится на Славку. Не помня себя, Севка кинулся к берлоге. Он подскокил к медведю сбоку в то время, когда зверь вылезал из-под сучков. Перед глазами Севки стояла большая мохнатая голова зверя. Мальчик не замечал ни барахтающегося в снегу друга, ни вздыбившейся, разваленной кучи хвороста. Он видел

только мохнатую голову и маленькие, едва заметные уши.

Охвативший Севку на какое-то время испуг проходил. Мальчик не спускал глаз с маленького уха, точно в нём заключалось спасение. Подскакивая к зверю, Севка чувствовал, каким собранным вдруг стало его натренированное тело, как налились силой привычные к труду мускулы.

А голова приближалась, и ухо уже не казалось маленьким. Медведь успел вылезть из берлоги и, утонув в глубоком снегу, неуклюже поднял лапу, чтобы сделать следующую шаг.

Севка остановился чуть сзади. Размахнувшись топором что было силы, он так ударил медведя обухом по голове промеж ушей, что сам еле удержался на ногах.

Медведь взревел и поднялся на дыбы. Оглушённый ударом, он яростно хлестал по воздуху лапами.

Севка не струсил, не убежал. Перехватив топориче, он готов был тут же ударить медведя ещё раз. Но, видя, как дико тот машет лапами, понял, что зверь оглушён и не замечает его. Осторожно подступив ближе, Севка изловчился и снова ударил медведя обухом со всего плеча.

На этот раз удар пришёлся по лбу, между глаз. Зверь, рыча, пошатнулся и рухнул в снег...

Слава не помнил, как и когда он очутился на берёзе. Не видел поединка товарища с медведем и испуганно озирался по сторонам, ожидая: вот-вот из-за кустов выбежит зверь. Опомившись, Слава пожалел, что не успел предупредить Севку об опасности. «Где-то он

сейчас?.. Небось тоже забрался на берёзу?» — думал он и, дрожа и озираясь по сторонам, ждал своей участи.

В это время из кустов вышел Севка.

— Сюда-а!.. Давай скорее! — крикнул Слава приглушённым, прерывающимся от испуга голосом.

Севка не спешил. Он шёл медленно, и в сторбленной фигуре его чувствовалась такая обречённость, что Слава не выдержал и закричал:

— Да иди же скорее! Чего ты расшагиваешь, как на параде!

Беспокоясь за товарища, думая, что вот-вот его может настичь зверь, Слава окинул взглядом след,

протянувшийся к берлоге, но медведя не увидел.

«Неужели убил?» — мелькнула у него догадка и, заметив в руках Севки топор, понял: убил! И только сейчас, кажется, Слава почувствовал, как ноет нога, а на снегу увидел капельки крови.

Когда Севка подошёл к берёзе, Слава успел спуститься. Он поднял полу шубейки и разглядывал ногу.

— Здорво ранил?

— Угу... Вся нога горит.

— Ну-ка, покажи. — Севка опустился на корточки, осторожно приоткрылся к разорванной штанине, успевшей намокнуть кровью.

На бедре виднелся след когтей. Чуть выше колена, в мякоти, — неглубокая кровотокающая рана. Слава весь дрожал, и нога поэтому тоже дрожала.

— Да ты не бойся. Разорвал немножко, вот кровь-то и течёт, — успокаивал Севка друга. Он скинул с себя ватную фуфайку, быстро снял рубашку, свернул её, как платок, когда им что-нибудь перевязывают, и, засучив Славкину штанину, наложил рубашку на рану.

— Не больно? — спросил он, стягивая концы рукавов.

— Не-е-е, — отозвался Слава. Стуча от испуга зубами, он всё ещё дрожал и с опаской поглядывал по сторонам.

— Пойдём. На дровнях пока посидишь, а я сырник подтащу.

— Ты его насмерть, Севка? — спросил Слава, прислушиваясь не затрещит ли валежник.

— Насмерть, — ответил Севка и устало улыбнулся, как улыбаются люди после большой и опасной работы.

Однако подстерегавшая друзей беда этим не кончилась. Выходя из согры, Севка заметил, что лошади на дороге не было. Он посмотрел по сторонам, надеясь отыскать её где-нибудь в кустах, но сколько ни всматривался, нигде лошади не увидел.

— Нога-то у тебя как? — сочувственно спросил он друга.

— Горит.

— Идти сможешь?

— До дровней доплетусь.

— А до деревни?

Славка от неожиданности остановился, глаза его округлились. Он посмотрел на товарища, на дорогу, где должна была стоять лошадь, и лицо его помрачнело.

...Когда лошадь прибежала на конный двор, колхозный конюх дед Фома увидел её в небольшое оконце сторожки и заворчал:

— Вот и давай таким. Съездили, справили своё дело, а прибираться, значит, дедушка... Эх, работнички! — Старик зло плюнул, надвинул поглубже шапку и вышел во двор.

Лошадь храпела и тряслась, поводя запавшими боками. Мокрые

завитушки вздыбившейся шерсти заиндевели, и от этого она казалась не вороной, а какой-то чалой. Вспомнив, что лошадь давали телятнице Ульяне Шаховой съездить за дровами, — а старик знал, что самой Ульяне ехать некогда и что ездил наверняка её сын Севка, — дед посмотрел на ворота и погрозил.

— Ну, погоди, пострел. Придешь ты ужо ко мне. Я тебя научу, как с лошадыю обращаться, — ворчал он, точно озорник стоял где-то тут, за воротами, и не показывался только потому, что боялся.

Дед Фома обошёл вокруг лошади и увидел на снегу вожжи. Они были порваны и, видать, долго тащились: концы их сильно разлохматились.

Рассматривая обтрёпанные концы вожжей, дед снова взглянул на лошадь, затем подошёл к дровням и, положив руку на головку саней, качнул её. Дровни разбиты. Полозья расщеплены. На копыльях кое-где виднелась свежая кора.

Привычно толкнув на лоб шапку, старик почесал затылок, потеревил седенькую бородёнку, клинышком спадавшую на полушубок. «Однако, паря, тут что-то неладно», — подумал он и, прибрав коня, направился к Шаховым.

Но ни Севки, ни Ульяны дома не оказалось. Не было видно во дворе и дров. Заметив в окне девочку, дед подошёл и спросил, не приехали братик с дровами.

— Не-е... Он вечером приедет! — крикнула в ответ Ольгушка.

— И мамка с ним уехала?

— Не-е... — пропела снова девочка. — Они со Славкой Фёдоровым уехали.

— А не знаешь куда? — допытывался старик.

— В какую-то согру, — ответила Ольгушка.

Дед снова почесал затылок, потеревил бороду и, не раздумывая, направился к Фёдоровым.

Отец Славы, Кузьма Фёдорович, оказался дома. Чтобы не поднимать лишнего шума, дед вызвал его на улицу и рассказал о случившемся, не утаив своей догадки:

— Уж не на зверя ли натолкнулись, паря?.. По лошади-то похоже, что зверь её напужал.

— Может и это быть, — согласился Кузьма Фёдорович, хмурясь всё больше и больше. Он помолчал, о чём-то раздумывая, затем быстро повернулся и уже из дверей крикнул: — Ты подожди меня, дед!

Кузьма Фёдорович заскочил в дом, надёрнул полушубок, сунул в карманы несколько патронов и снял с гвоздя двуствольное ружьё.

— Далекое на ночь-то глядя? — спросила жена.

— Да зверь, сказывают, появился за огородами, — отозвался он и, не вдаваясь в подробности, вышел.

Конюх запряг в кошовку шустрого Орлика. Со времени как забегала на конный двор взмыленная лошадь, прошло не более получаса, а дед Фома и Славкин отец были уже далеко за деревней и ехали такой размашистой рысью, что в ушах свистел ветер.

Ребята они встретили у поворота к согре. Слава шёл с палкой, сильно припадая на правую ногу.

— Что же это вы, дроворубы, лошадь-то отпустили? — весело проговорил дед Фома, подъезжая к школьникам и сдерживая разгорячённого Орлика.

— Медведь её напугал, — отозвался Севка, сторонясь с дороги.

— Как же это, паря? — участливо спросил дед, поглядывая на перепуганных ребятшек.

Но ни Севка, ни Слава деду не ответили. Заметив Славиного отца, Севка понурил голову, точно был виноват в случившемся.

Кузьма Фёдорович на ходу выскочил из кошёлки и подошёл к сыну. Увидев обмотанную рубашкой ногу, торопливо спросил:

— Сильно ранил?

— Когтями немного царапнул, — ответил за друга Севка. — Да вы не бойтесь, дядя Кузьма. Медведь то сонный был, так легонько задел. Я перевязал, — сказал он, боясь, что сейчас его начнут ругать.

Кузьма Фёдорович ощупал бедро.

— Не больно? — спрашивал он.

— Немножечко больно.

— А так? — Отец заставил Славу согнуть ногу в колене. — Так не больно?

Убедившись, что кость цела, он встал и покачал головой.

— Ну, дела... И как же это вас угораздило наткнуться на него? Хорошо хоть, что целы остались. Могло быть хуже. Со зверем шутки плохи.

— Какие там шутки. Царапнет так, что сразу богу душу отдашь, — добавил дед Фома.

— Как вам удалось скрыться-то от него? — спросил Кузьма Фёдорович.

— А мы не скрывались, — ответил Слава. — Севка его убил. Два раза по голове тяпнул, он и сдох. — И в его голосе послышались нотки гордости за товарища.

Кузьма Фёдорович и дед Фома переглянулись.

— Отвези, Фома Петрович, ребятшек-то, не морозь их, да возвращайся за зверем, — сказал Славкин отец деду.

...А поздним вечером Севка, Слава и Таня сидели за столом в жарко натопленной избе. Перед ними лежали раскрытые учебники. Друзья внимательно читали страницу за страницей.

НАШ

сапожник

Л. Преображенская

Оторвался каблучок,
Захромал наш Славик.
Взял сапожник молоток,
Каблучок приставил.
Вбил он гвоздь, другой вогнал
Ловко и умело,
Улыбнулся и сказал:
— Можешь топтать смело.
Коль в починке есть нужда,
К нам идите с нею.
Наш сапожник всё всегда
Починить сумеет.
Да не думайте, что он
Старый, бородатый:
В школе учится Семён,
Перешёл в десятый.

Он задачу объяснит,
Книгу почитает
И, хоть молод он на вид, —
Всё как будто знает.
Может вам он показать,
Как пришить заплатки.
И не прочь в лапту сыграть
С вами на площадке.
Вот сапожник есть какой
В нашей школьной мастерской!

П. Х. В. И. М.
Б. Ф. Р. К. А.
РЕВОЛЮЦИОН
ОТ
ТРУДЯЩИХСЯ
ТИМЕРИ

В саду пионеров. Памятник борцам революции

Фотоэтиюд В. Фомченко.

1

Лето было засушливое. Дули тёплые ветры. Днём температура доходила до тридцати восьми градусов.

Выходить на улицу не хочется, и Серёжа сидит в квартире. В соседней комнате, ворочаясь на койке, тяжело дышит бабушка. Ей уже больше шестидесяти лет. Она плохо слышит, не может ходить и почти всё время лежит. Серёжа подходит к ней и кричит в ухо:

— Не надо ли воды, бабушка? Может, каплей подать?

Бабушка отвечает громким хриплым голосом:

— А? Чего? Не надо, миленький.

В доме больше никого нет. Отца направили в командировку в Москву. Мама заболела—у неё воспаление лёгких, и её положили в больницу. Серёжин братишка, восьмилетний Петя, несмотря на жару, целыми днями бегает с ребятами. Он приходит домой уставший и до того пыльный, что кажется седым и старше своих лет.

— Посиди дома, — говорит ему Серёжа. — Помоги мне в квартире прибрать. Хоть пол подмети. Ведь ты уже большой мальчик.

— Хы, — хмыкает Петя, — большой... А сегодня утром говорил, что маленький. Подметать пол так большой, а купаться так маленький.

Верно, был такой разговор. После завтрака Петя попросился сходить на речку искупаться. Серёжа сказал:

— Нельзя, ты ещё маленький. Утонешь.

— Тогда пойдём со мной, — предложил Петя.

— У меня книжка интересная, дочитать хочется.

Петя упрашивал, хныкал, сердито посматривал на брата, но Серёжа был неумолим.

Петя нынче закончил первый класс. В своём классе он учился лучше всех. За весь год у него не было ни одной двойки и даже тройки. Он очень сообразительный мальчик. И Серёжу удивляет, что его брат, такой серьёзный в учёбе, в каникулы бегаёт с игрушечным пистолетиком и пинает старую консервную банку вместо футбольного мяча. Вообще ведёт себя как маленький-маленький.

Перед обедом к Серёже забежал его приятель Владик. В этом году они с Владиком перешли в восьмой класс. Ходили в одну школу, вместе готовились к экзаменам. В каникулы каждый день заходили друг к другу.

— Ты знаешь, что твой Петька играет в чикку? — спросил Владик.

— Нет, не знаю, — спокойно ответил Серёжа. — А что это за штука такая, чика?

Он был немного удивлён тем, что его брат играет в незнакомую самому Серёже игру.

— Это игра в деньги.

— В деньги?

— Да. Ты чего на меня глаза выпучил? Понимаешь, они собрались втроём возле соседнего дома. Положили на землю по пятаку и бро-

сают в них круглыми металлическими пластинками, битки называются. Кто попадёт, тот выиграл. А потом ещё вблизи ударяют...

— Очень нехорошая игра, как ты думаешь?

— Конечно. Всякая игра в день-ги нехорошая.

— Предупредить надо Петьку. Через десять минут он должен на обед прийти. Мы договорились с ним обедать в два часа, как прогудит гудок на машиностроительном.

— За десять минут он знаешь сколько ударов сделает.

— Верно. Пожалуй, надо крикнуть...

Серёжа подошёл к открытому окну, лёг животом на подоконник и закричал что есть силы:

— Пе-е-ть-ка! Иди до-мой!

— Крикни ещё, — предложил Владик.

— Не, не надо. Он дисциплину знает, будь здоров.

На лестничной площадке послышался лёгкий топот. Дверь отворилась.

— А ты что сегодня сварил, Серёж? — спросил Петя, переступив порог.

— Кашу, — буркнул Серёжа, нарезая хлеб.

Обеды всегда готовили мать с бабушкой. Сегодня бабушка не смогла встать с кровати, и Серёже пришлось вызывать на дом врача, бегать в аптеку за каплями. Кроме каши и киселя, он ничего не успел приготовить.

— Садись! — Серёжа указал рукой на стул. — Может, и ты, Владик, с нами поешь?

— Не, — мотнул головой Владик. — Я ведь пришёл, чтобы со-

общить тебе об этом, этом самом... У нас дома тоже обедают. Пойду.

Он хлопнул дверью.

— Ты что? Ты что на меня сердисься? — Петя поднял на брата чистые голубые глазёнки.

«Соображает», — подумал Серёжа и спросил сердито:

— Чем сейчас занимался?

— Играл.

— В какую игру играл?

— В чику.

— А ты знаешь, знаешь ты, что в эту игру играют только скверные мальчишки. Это очень нехорошая игра.

Петя испуганно посмотрел на брата и часто-часто заморгал глазами.

— Н-не знаю.

— Не знаешь? А я знаю.

«Не так я ему объясняю, — снова подумал Серёжа. — Да и как-то хвастливо у меня получается».

— Это денежная игра и потому она нехорошая. Ясно?

— А я не проиграл, не, — замотал головой Петя. — Я брал из копилки пять копеек. А сейчас у меня шесть.

— Дело не в том — проиграл или не проиграл. Играть в деньги нехорошо.

Петя надул маленькие розовые губы.

— А почему?

— Это азартная игра. Это вроде игры в очко.

— Какое очко?

— Вот что, друг милый... — Серёжа начал сердиться. Ему было неприятно, что он не может отыскать простых, доходчивых слов и проклятая чика по-прежнему остаётся в глазах Пети непорочной и заманчивой. — Вот что... Играть в

деньги очень нехорошо даже взрослым, а маленьким тем более. Это, понимаешь ли, безобразие. Человек должен зарабатывать деньги, а не выигрывать их, не обманывать других. А то научишься паразитом быть.

«Это, кажется, то, что надо!» — решил Серёжа и победоносно посмотрел на Петю. Но у того лицо было скучным, будто Серёжа рассказывал ему про алгебраические уравнения, о которых Петя ещё не имел ни малейшего понятия.

— Да и вообще тяга к деньгам — нехорошая штука, — продолжал Серёжа. — Не о деньгах надо думать. Нельзя в эту игру играть. Понял? Согласен со мной?

— Согласен, согласен, — сказал Петя. — Я понял. Я очень понял, что в деньги нехорошо играть. А давай поиграем в чику без денег. Бить будем деньгами, а отдавать друг другу деньги не будем. Просто так. Кто кого обыграет.

— Нет, не буду, — подумав, сказал Серёжа.

— Давай, — просил Петя. — В комнате поиграем. Ударять можно о печку. Никто не увидит. Ух, и интересная игра чика!

— Я тебе покажу «интересная»! — рассердился Серёжа. — Вот мама приедет, она тебе задаст.

Оба брата боялись матери. Она ворчала на них по всякому поводу. Правда, мать редко кричала и никогда не била детей. Но ведь иногда лучше выслушать короткую ругань, чем терпеть бесконечное ворчание. Отец у Серёжи и Пети подолгу находился на работе, а дома почти все вечера читал и писал. Он мало обращал на детей внимания. На жалобы матери слегка тре-

пал сыновей за волосы и говорил: «Смотрите, озорники». Поэтому и Петя, когда его обижал Серёжа, грозил: «Вот я маме скажу». Об отце в таких случаях ребята не вспоминали.

Петя замолчал. Медленно, нехотя съел несколько ложек каши и стакан киселя. Встал, походил, как сонный, по квартире, подошёл к брату.

— Серёж, что мне делать?

— Что тебе делать? Попляши.

— Ну тебя, — Петя махнул рукой и нахмурился. Но сердиться долго он не мог и через несколько минут снова подошёл к Серёже.

— Почитай мне книжечку. Только один рассказик. Только один. — В руках он держал толстую книжку, на обложке которой были нарисованы солдаты с пушкой.

— Сам читай, — суховато ответил Серёжа.

Петя вздохнул, раскрыл книжку и начал читать, медленно поворачивая голову слева направо и шепча про себя. Серёжа, довольный тем, что брат, наконец, успокоился, углубился в свою книгу.

У Пети особенный характер: он ни минуты не может просидеть без дела. Играет с ребятами в войну, вырезает из журналов картинки и складывает их зачем-то в тумбочку, ездит на велосипеде, забирается по отвесной стене на дровяник, копает для соседа-рыболова червей или ещё что-нибудь делает. И так каждый день.

— Неужели ты не можешь посидеть спокойно? — спрашивает его Серёжа.

Петя отвечает беспечно, подпрыгивая на одной ноге:

— Н-не...

Утром Петя вскочил с постели раным-рано и убежал на улицу. Когда завтрак — яичница и чай — был готов, Серёжа крикнул в окно:

— Петька, иди домой!

Петя не отзывался. Во дворе не было видно ни одного мальчишки. Серёжа накормил бабушку, поел сам и снова крикнул:

— Пе-еть-каа! Иди или худо будет!

Чирикают воробьи, сидя на проводах, жужжат мухи, из соседней квартиры доносится радио и больше не слышно никаких звуков.

Серёжа выходит во двор. Это очень своеобразный двор: узкая дорожка возле дома, по сторонам — ветхие, почерневшие от дождей дощатые дровяники и прямо против окон — широкий огород со множеством узких грядок. На огороде пропальвает морковь бабка Семёновна. Возле бабки ходит старый кот с облезлой шерстью. И больше никого, как говорится, хоть шаром покати.

Серёжа заглянул в соседний подъезд, сбегал в свой дровяник, посмотрел за поленницу, которая стояла рядом с калиткой. Петьки не было.

За огородом виднелся новый деревянный гаражик, построенный одним из жильцов. В него закрывали мотоцикл с коляской. Серёжа пошёл к гаражу. Не успел он дойти до него несколько шагов, как услышал Петькин голос:

— Ээ, зачем близкоходишь? Бей отсюда!

Раздались возбуждённые ребячьи голоса.

Изобразив на лице сердитую мину, Серёжа в несколько прыжков обогнул гараж и увидел группу ре-

бят лет восьми-двенадцати. Они играли в чикку: на пыльной земле валялся новенький блестящий пятак. Лёнька Долинов, приятель Петьки, на глазах Серёжи ударил о стенку гаража монетой. Раздался глухой удар, и монета покатила по земле. Ребята насторожённо следили за ней.

Рыжеволосый мальчик, по росту меньше Пети, сидел на траве, смотрел на игроков, и вид у него был удручённый. Он готов был заплакать. Серёжа понял, что мальчик проигрался.

Игроки не обращали на Серёжу внимания. И только Петя стоял прямо, недвижимо, как оловянный солдатик, и со страхом смотрел на брата.

— Ты опять играешь?! — со злостью выкрикнул Серёжа. — Не годяй ты этакий! Я ж тебе говорил, что нельзя. Или ты хочешь, чтобы тебе надавали?

Ребята прекратили игру и отошли в сторонку недовольные, возбуждённые.

— Н-нет, я только смотрел, — быстро проговорил Петя.

Взгляд у него был необычный: чужой, стеклянный какой-то, будто он смотрит не на брата, а на бревно.

— Врёшь! — вконец рассердился Серёжа. — Ты врешь! Как тебе не стыдно?

— Он в сам-деле только смотрел, — фальшивым голосом поддержал Петю один из ребятшек.

— Подойди ко мне! — скомандовал Серёжа. — Скажи честно. Только честно смотри говори: ты играл?

— Играл, — тихо ответил Петя и опустил голову. Сейчас он, тонень-

кий, в матроске и коротких трусиках, с опущенной головой, казался Серёже очень уж маленьким и беззащитным. Ему стало жаль Петю. Но роль старшего брата обязывала быть непреклонным. И Серёжа бросил коротко:

— Иди домой!

Эта история встревожила Серёжу. Встревожила не потому, что Петя снова стал играть в чикку, а что он, всегда правдивый и откровенный, вдруг вздумал солгать. Серёжа решил рассказать обо всём бабушке. Но та никак не могла понять, из-за чего загорелся сыр-бор.

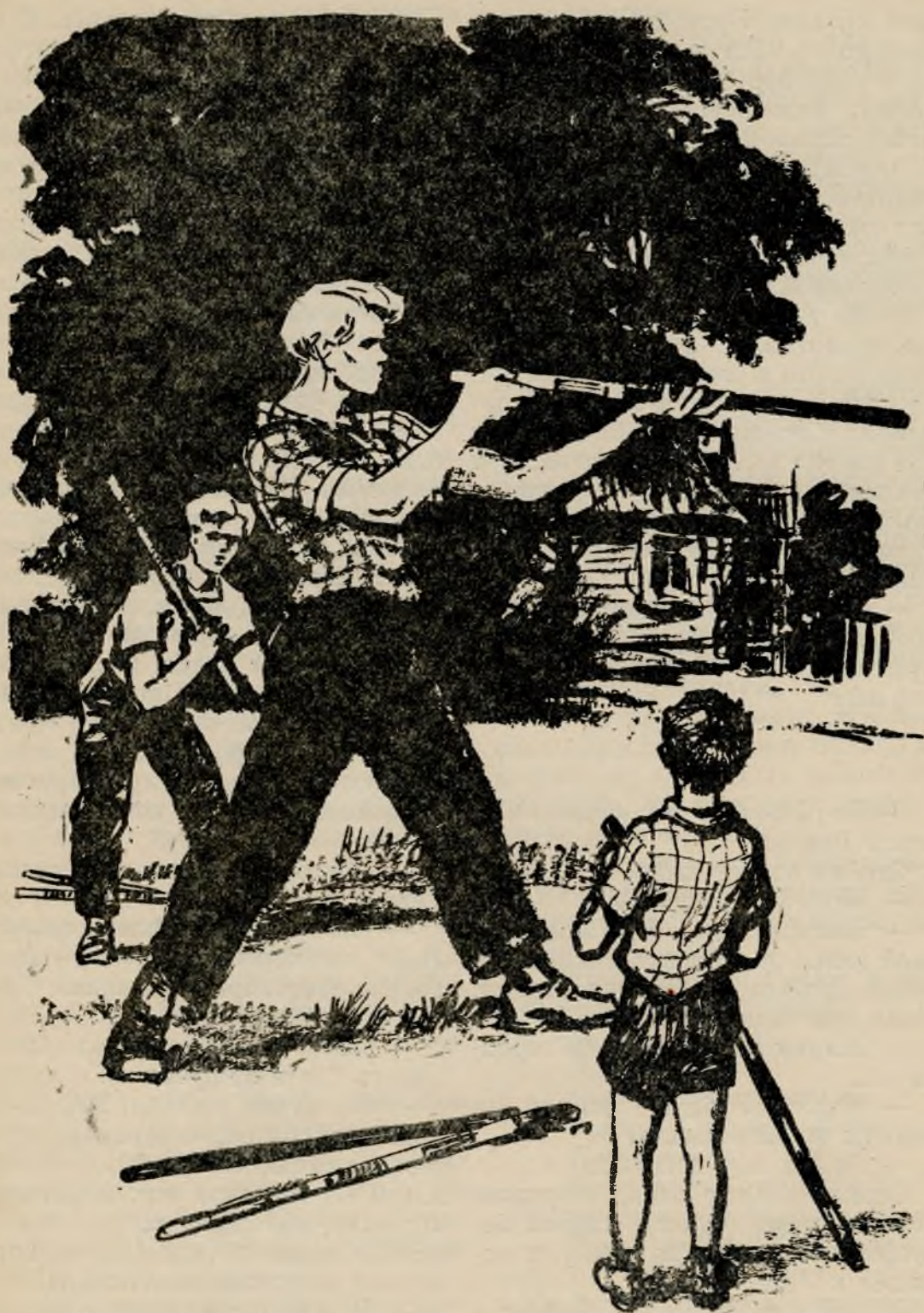
— Он в чикку играет! — кричал бабушке в ухо Серёжа. — Это де-нежная игра такая — чика.

— Ничего не понимаю, — шепелявила бабушка, — чика какая-то слышится. Врёт, говоришь? Это плохо. В нашей семье отродясь никаких врунов не было. Покойный дед врунов не любил, хуже воров. Помню, однажды одолжил он тачку соседу, Михайле Кнуту. Кнут — это такое прозвище. А фамилия у него была Клементьев. У нас, почитай, все на заводе прозвища имели. Михайле надо было навоз возить из хлева на огород...

Серёжа скривился: зачем бабушка убеждает его, ему и без того ясно, что ложь — штука неприятная, унижительная.

— Посматривай за ним, Серёженька, он ведь ещё совсем махонький, — проговорила бабушка и умолкла.

На другой день Серёжа на автобусе съездил в центр города. Надо было купить в магазинах сахару, крупы, хлеба и взять в аптеке для бабушки новые капли. Пете он велел подмести в комнатах и запра-

вить кровать. Пробыл Серёжа в городе долго, часа два. Когда вернулся, в квартире было чисто, кровать убрана. Тяжело вздыхала бабушка, откинувшись на спину. Из другой комнаты доносились редкие лёгкие удары о стену и звон монеты. Серёжа откинул портьеру. Так и есть: Петька опять играл в чику, играл сам с собой.

— Ах ты дрянь!— крикнул Серёжа и наотмашь ударил брата по лицу, потом в спину. Петя схватился руками за лицо и застонал, заплакал. Серёжа в озлоблении ещё раз ударил его. Петя попятился и свалил подцветочник с фикусом. Большой глиняный горшок тяжело ударился об пол и разбился вдребезги.

— Ой, кажется, чегой-то упало,— послышался дребезжащий бабушкин голос.— Серёжик, ты дома или нет?

2

— Се-рёж-ка!— это кричал на улице Владик.

Серёжа открыл окно.

— Чего?.. Куда пошёл?

— Знаешь что... На Первомайской улице, где Васька Захарченко живёт, ребята в городки играют. Меня приглашали. Пойдём.

— Жарко поди сейчас в городки-то...

— Ничего. Рубахи снимем. Да чего ты жары боишься?

— Ладно, иду, подожди.

Серёжа закрыл окна, форточки (может, гроза будет), сказал бабушке, что уходит на улицу, и пошёл к Пете.

— Пойдёшь со мной. Сейчас я не буду тебя отпускать ни на шаг.

Так и будешь со мной ходить. Куда я, туда и ты.

— Пойдём,— согласился Петя. Но по всему чувствовалось, что идти ему с Серёжей не хочется. Не хочется, а что сделаешь, кому пожалуешься. Ещё пинков надаёт.

Первомайская близко, рукой подать. Это тихая травянистая улица. На ней почти никогда не появляются автомашины, да и люди ходят редко. Для городошной игры — благодатнейшее место.

Возле двухоконного старенького дома стояли и сидели ребята. Человек десять. Со взлохмаченными волосами, босые и без рубашек. Они шмыгали носами, говорили громко, с азартом. На завалинке сидел мужчина и курил махорку. Один из ребят, высокий и тощий, держал в руке короткую палку. С одной стороны палка была толще, с другой тоньше. Парень размахнулся и с силой бросил её. Палка устрашающе просвистела в воздухе, бухнулась возле кучи круглых деревянных чурок и покатила по траве.

— Мимо,— с сожалением сказал Серёжа.

— Чего это ты то влево забираешь, то перебрасываешь,— недовольно проговорил мужчина.— Бросай биты без рывков.

— Где бита?— спросил Петя, дёрнув брата за рубашку.

— А в руках у парня. Эту палку называют битой, а чурочки, в которые он бросает палкой, — городками. Из городков строят фигуры: «пушку», «звезду», «серп», «самолёт» и всякие другие. Они на пару играют вон с тем мальчишкой.

— Бросай биты с одинаковой силой,— снова заговорил мужчина.

— Да я уж и то... — пробормотал паренёк, покусывая губы.

Он поднял с земли другую битую и бросил её. Бита свистнула в воздухе и задела одним концом кучу городков, которую ребята называли «колодцем». Городки рассыпались.

— Эх! — с разочарованием произнёс паренёк.

Так он бросал битую за битой. Они падали то влево, то вправо от городков, то позади них. Лишь изредка городки перевёртывались или кружились на месте, как юла.

— Что такое не везе и как с ней бороться, — сказал паренёк, стараясь казаться беспечным, равнодушным к проигрышу. Но улыбка у него была жалкая, и она выдавала его.

Другому игроку, мальчишке со шрамом на щеке, повезло больше. Первой же битой он попал в фигуру. Городки стремительно покатились в разные стороны.

— Выиграл, выиграл! — радостно закричал Петя. Он уже начал понимать, что выигрывает тот, кто выбивает городки из квадрата, начерченного на земле.

Мальчишке со шрамом ставили фигуру за фигурой, и он меткими сильными ударами выбивал их. Потом начал играть Владик. Он оказался неопытным городошником — только разваливал фигуры, а выбивать городки не мог.

Слушая насмешливые возгласы зрителей, Владик злился, что-то шептал про себя и со всё большим остервенением кидал биты. Но злость — плохая помощница. Палки летели быстрее, однако по-прежнему не попадали в цель.

Серёжа услышал, как Петя небрежительно хмыкнул:

— Хэ, мазила.

Мальчишку заинтересовала незнакомая игра. Он даже подбежал и поднял битую: интересно узнать, много ли она весит. Тяжеловата. Владик прикрикнул на него:

— Убирайся отсюда! Пугаешься под ногами!

Петя сделал серьёзное лицо, но, отойдя шагов на пять, пробормотал, кося глаза на неудачного городошника:

— Ма-зи-ла!

Место Владика занял Серёжа. Он играл с мальчишкой, у которого шрам на щеке. Серёжа бил лучше Владика, но где ему тягаться с противником. Тот бросит битую и — фигуры нет. Ещё раз ударит — половина городков за пределами квадрата, остальные — у задней черты. Ещё один удар — и нужно ставить новую фигуру. Непревзойдённый мастер, чемпион по городкам.

Чем точнее бил игрок, тем больше возбуждались зрители. Они выкрикивали: «Вот так!», «Ого!», «О, порядок!», хватали друг друга за плечи, подпрыгивали.

На Первомайской улице Серёжа и Петя пробыли до вечера. Когда они шли домой, Петя говорил, размахивая руками:

— Ух и здорово! Серёж, а можно сделать палки полегче?

— Можно, конечно.

— Давай сделаем.

— Как-нибудь попробуем.

— Завтра. Сделаем завтра.

— Посмотрим.

— Ин-те-ресная игра.

И про себя добавил:

— Такая же, как чика, интересная.

Серёжа вздрогнул, но промолчал. Он понял, что непобедимая чи-

ка сдаётся. Сдаётся неожиданно для него. На пути чики встал сильный противник. И сила его во многом будет зависеть от поведения Серёжи. Серёжа сказал:

— Завтра утром я тебе сделаю городки. Маленькие, чтобы ты с друзьями мог играть. Только не думай, что так просто сбивать фигуры. Тут, знаешь, тренировка да тренировка нужна.

— Я, наверно, собью,—проговорил Петя.

Серёжа поморщился:

— Ох, и хвастун же ты. Ну, посмотрим... Городки — интересная игра. Но есть много и других интересных игр. Мне в позапрошлом году дедушка показывал, как играть в чижика. Похоже немного на городки. В землю вбивают кол. На него подвешивают маленького деревянного чижика. Один игрок бросает битой в кол. Чижик отлетает.

Другой игрок подбирает его. И тут уж всё дело в том, кто успеет первым коснуться кола — или игрок с битой или другой, с чижиком. Победитель бросает биту. А то ещё змейки интересно запускать. Владик в прошлом году хор-рошего змея сделал. Когда у него порвалась нитка, змей за пруд улетел. Вон куда!

— Змей?! Видел, видел... — прервал Серёжу Петя. — Серёж, а Серёж, давай сегодня сделаем чижика или змея. Давай! Лучше змея. И ветер есть. Я знаю, как надо. Надо бежать и тянуть за собой змея, тогда он будет быстро подниматься вверх. Согласен, а Серёж?

— И нетерпеливый же ты, — не то осуждающе, не то одобрительно сказал Серёжа и ускорил шаги.

А брат шёл за ним и говорил быстро, заискивающе:

— Сделаем, а, Серёж? Сделаем?

СТИХИ ПРО АНЮТУ

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

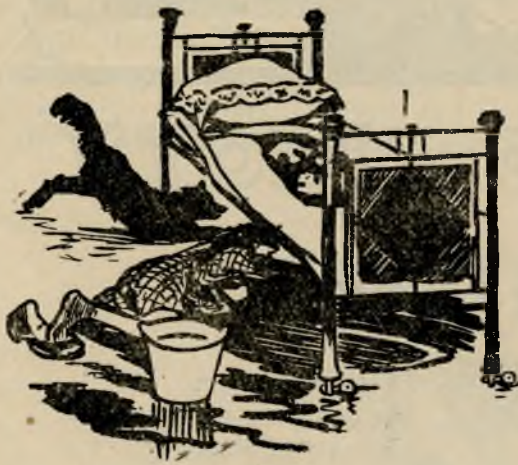
Глядят без опаски
Анютини глазки,
Когда чистит зубы
Она без подсказки,
Когда, как юла,
Не вертится на лавке,
И завтрак съедает,
И просит добавки.
Когда убирает
Постель за собою,
Когда не бранится
Со старшей сестрою,
Когда отдыхает
После обеда,
Седла не ломает
От велосипеда,

И не ковыряет
На стенках замазки, —
Тогда без опаски
Глядят её глазки.
Но так, к сожалению,
Редко бывает.
Поэтому глазки она
Опускает,
Поэтому ходит она
Виновато,
Не поднимая
Смущённого взгляда.
И трудно дожидаться,
Когда без опаски
Цвети будут снова
Анютини глазки.

ОМОЩНИЦА

Мама на работе,
Папа на заводе,
Старшая сестрёнка
По подружкам ходит.
Думает Анютка,
Подоткнув подол:
За одну минутку
Можно вымыть пол.
Вёдра загремели,
Кадки опустели,
Лужи заблестели
Около постели.
Забрались под коврик,
Отвернув от коек.
Не понять Анютке,
Что это такое.
Не хватает тряпок,
Чтобы промокать.
Не хватает лапок,
Чтобы отжимать.
Вдоль по половицам
Разлилась вода.
Некогда дивиться
На плоды труда.
Долго и упорно,
Подоткнув подол,
Аня тряпкой тёрла
Непокорный пол.
Пол под влажной плёнкой
Светит желтизной.

Вот пришла сестрёнка
И сказала:—Ой!
Мама подросла,
Похвалила:— Дело!
Папа, как увидел, —
Сразу ноги вытер.
Все благодарили,
Спасибо говорили,

А потом раздели,
Умыли,
Накормили
И сразу — на кровать
Мамину помощницу,
Папину помощницу,
Сестрёнkinу помощницу
Уложили спать.

ХОДИКИ

Купили Ане ходики
Со стрелками и гирями,
И маятник коротенький
Под ними прикрепили мы.
Цепочку Аня дёрнула,
Переместила стрелки,
И холики покорные

Зашёлкали, как белки.
Кричит Анютка:— Вижу я,—
Смотрите! На часах
Глазами движет рыжая
Бесстыжая лиса.
Так по углам и рыщет,—
Наверно, белку ищет.

По воду

Малые ведёрки
На крючках повисли,
Тащит Аня в горку
Их на коромысле.
Воду родниковую,
Прохладную, здоровую
Тащит, не качается,
Не плещет из ведра.
А горка не кончается —
Высокая гора.
Так бы и присела,
Не закончив дела,
Но вода прольётся —
Донести придётся.

Донесёт до стайки,
Отомкнёт крючок,
Вёдра у хозяйки
Вылижет бычок.
Вылижет и ляжет,
Спасибо ей не скажет:
Он, хоть и воспитан,
Но не говорит он.
По такому поводу
Опять Анюта по воду,
Подобрав пустые вёдра,
Побежит на речку бодро,
Будет черпать и таскать —
Огурцы поливать.

АНЮТИНА ОБУВКА

Ах, какое горе!
На асфальте — море.
Дождь на улице прошёл,
Пузырятся лужицы,
Всем ребятам хорошо —
Прыгают и кружатся.
Все они обуты,
Только нет Анюты.
Анюта дома слёзы льёт —
Во что обуться не найдёт.
Проносились башмаки,
Просят каши сапоги,
А чувяки рваные
Спрятались под ванною.
Схоронились под диваном,
Под столом,
За чемоданом..
Не найти их, не вернуть.
Ноги не во что обуть!
Бедная Анюта,
Она ж совсем разута,
У окна рыдает,
Сама себя ругает:

— Я — такая!
Я — сякая!
Я совсем была плохая!
С соседским Мишкой в драке
Я порвала чувяки.
Друг у друга отнимали
И нечаянно порвали.
Обувала туфли в грязь,
Чистить—
Даже не бралась,
Ваксой не касалась...
Без обуви осталась!
Папа с мамой говорят
Про башмаки и туфли,
Что на мне они
Горят.
Скорее бы потухли!
Я бы стала их беречь,
Сушить бы ставила на печь,
Ваксой натирала б,
На место прибирала б!
А стопчутся,
Пронесятся,

Немного перекосятся,
Выцветут от грязи —
Снесу чинить и красить
К мастеру-сапожнику,
Башмачному художнику!
Тут из ванной —

Рваная
Обувка долгожданная.
Ой, как лихо сапоги
Бьют чеканные шаги!
А чувяки жалкие
По паркету шаркают.

Шлёп! Шлёп!
Из чулана —
Топ! Топ!
Подошвами протёртыми
По полу стуча,
Идёт рядами гордыми,
Ноги волоча,
Старенькая,

Пряжками-застёжками
Боты барабнят...
Вышли на дорожку,
Подступили к Ане.
— Если ты нас вымоешь,
Насухо протрёшь,
К мастеру-сапожнику
В починку отнесёшь, —

Очень долго будем жить,
Нас тебе не износить!
Мыла с мылом Аня
Туфельки под краном.

Чистенькою тряпкой
Протирала тапки,
Сор из сапог трясла.
А по утру к сапожнику,

Башмачному художнику.
Всю обувь отнесла.
А в сапожной мастерской
Кипит работа день-деньской
Там — набойки ставят,
Латают, чинят, правят.
Оттуда обувь славная
Выходит —
Вся исправная,
В любой поход готовая,
Совершенно новая.
Чтоб мальчишки
И девчонки,
Сунув ножки в башмачонки,
Не бегали напрямиком
Через лужи
Босиком!
И теперь Аня наша
Чистит обувь каждый день,
Жирной ваксой туфли мажет,
Моеет боты...
Ей — не лень!
И стоят они рядами:
Тапки — рядом с сапогами,
Туфли маленькие
Рядом с валенками.
Стоят в передней,
У дверей,
По-за углам не кружат,
Как у всех других детей,
Анютиных подружек.

Утро на озере.

Фотоэтиюд П. Кодочигсва.

Шурка Жёлудь из 4 „Б“

Вячеслав Шугаев

Шурка сидит на сундуке возле печки и ноет. Это очень просто делать. Надо плотно сжать губы и мычать. Получается очень жалобно. Шурка закрыл глаза ладошкой и смотрит сквозь пальцы на мать. Та месит тесто руками, звонко шлёпая его о доску. Когда мать проходит мимо Шурки к печке, он на минуту стихает: получить тумака не входит в его расчёты. Наконец мать обращает внимание:

— Шурка, перестань! Собирайся в школу!

Ага, настало время высказать мысль, мучившую Шурку с утра. Он поглубже вдыхает воздух и начинает выдыхать его короткими залпами.

— Да-а, я уйду, а вы все пирожки без меня съедите. Только и знаете: учись да учись...

Мать не выдерживает, хватается Шурку за плечо и выталкивает из

кухни. Он огорчённо вздыхает и бредёт в комнату складывать книжки. По дороге пинает подвернувшийся сестрёнкин мячик, глубоко засовывает руки в карманы и показывает кому-то язык.

Через несколько минут он снова на кухне. Наклонив голову и размахивая портфелем, небрежно говорит:

— В общем, я «до свидания» зашёл сказать.

Мать смеётся, суёт Шурке в руку горячий пирожок и целует в макушку.

— Счастливо, Шурка!

Шурка вихрем слетает с четвёртого этажа и изо всех сил налегает на тугую дверь. Он—на улице. Как котёнок, жмурится на неяркое осеннее солнце, пробует приклеить к щекам два красных кленовых листка. Потом от беспричинной радости прыгает на одной ноге, на дру-

гой, вертится волчком. Эх, ну как же хорошо на белом свете Шурке Жёлудю!

Шурка вприпрыжку бежит к школе. На пути валяется ржавая консервная банка. Секунда — и он первоклассный нападающий, банка только тренькает от мастерских павсов.

Вдруг кто-то вскрикнул, и раздражённый голос останавливает Шурку:

— Эй, мальчик! Иди-ка сюда.

Шурка, уставившись в землю, нехотя идёт.

— Так это ты, Саша Жёлудь?! Не думала, что ты хулиганишь на улицах.

Шурка удивлённо таращит свои голубые глаза: нет, не мерещится — перед ним Клавдия Ивановна, директор школы.

— Честное слово, Клавдия Ивановна, — начинает оправдываться Шурка, — я в вас совсем и не ментился...

Клавдия Ивановна сурово смотрит на Шурку и говорит:

— Придётся рассказать о твоём поведении маме. Мне кажется, ей не понравится, как ты себя ведёшь. Иди в класс.

Настроение испорчено. Шурка, хмурый, двинулся к школе.

Но солнышко такое весёлое, листья так хитро шуршат, что извечная мальчишечья радость снова заполняет Шуркино сердце, и он никак не может удержаться, чтобы не прокатиться по сверкающему паркету вестибюля.

Первый урок — география. Шурка чинно сидит за партой, даже руки положил по всем правилам. Искося поглядывает на соседку Ленку Рогачёву: чего это она морщится,

чистюля несчастная. Он проследит за её взглядом и поспешно прячет руки под парту: на ногтях у него появились чёрные ободки. Ленка, конечно, на перемене скажет, важничая:

— И куда это смотрит наша санитарная тройка.

Обязательно скажет, знает он её. Но Шурку уже переполняет другая тревога. Марья Антоновна, учительница, спрашивает:

— Кто хочет рассказать про животный мир тайги?

Шурка пристально всматривается в зелёный ковёр карты и находит его очень похожим на вчерашнюю полянку, где они с ребятами гоняли футбол. Он трясёт головой, чтобы отделаться от миража. Огляды-

вается — почти весь класс поднял руки. Шурка подумал, подумал и вскинул свою: не очень вызывающе, но достаточно, чтобы можно было заметить её. Тянутся томительные минуты.

— Саша Жёлудь.

Шурка медленно поднимается. Видно, как наливаются красным со-

ком его уши, сквозь соломенный ёжик волос просвечивает красный затылок. Шурка переминается на месте, ему жарко, но всё-таки он решается ответить:

— Я не знаю...

Марья Антоновна удивлённо поднимает брови:

— Но ты же руку поднял?!

Теперь удивляется Шурка. Глаза у него округлились и даже рот приоткрылся:

— Марья Антоновна, но я же думал...

— Садись, Жёлудь, — не даёт договорить ему Марья Антоновна.

Шурка разводит руками и садится. Честное слово, он не хотел обидеть учительницу. Ведь ей приятно, если весь класс поднимет руки. Нет, ничего обидного тут Шурка не видит...

Но всё-таки на перемену он выходит погрустневшим: ребята смеются над ним, Марья Антоновна не разговаривает. Шурка ходит по коридору и мрачно жуёт пирожок. С завистью прислушивается, как в углу спорят Васька Белов и Колька Силин. О луне чего-то говорят. Эх, улететь бы туда. Правда, скучно там одному будет...

Следующий урок — контрольная по арифметике. Шурка морщит лоб, деятельно возится на парте: разглаживает тетрадку, убирает с пёрышка невидимые соринки и искоса поглядывает в сторону Ленки: она уже исписала целую страницу старательным отличническим почерком. Но, видно, задачки трудные и для неё, потому что Ленка то и дело накручивает свои тощие косички на палец.

Шурка ещё некоторое время сохраняет самостоятельность, а затем незаметно толкает Ленку.

— Лен, а Лен, — просяще шепчет он и делает убедительные круглые глаза. — Я из-за футбола правил не выучил, — честно сознаётся Шурка. — Ты не подсказывай ничего. Только руку убери.

Ленка презрительно поводит головой и не обращает на него внимания. Но вид у Шурки такой печальный и виноватый, что она не выдерживает и убирает руку. Шурка облизывает губы и берётся за ручку: теперь ни мама, ни Марья Антоновна огорчаться не будут. У дневника в конце недели будет порядочный вид, и Шурка, значит, попадёт в воскресенье в кино.

Шуркино перо старательно поскрипывает...

Когда Шурка примчался из школы, дома никого не было: мать

ушла на работу, сестрёнка — в музыкальную школу.

Шурка торопится. Поэтому даже желанные пирожки остаются лежать нетронутыми. Он чистит ботинки, застёгивает на все пуговицы пальто и прячет в карман чистый носовой платок. Шурка — сама аккуратность, потому что так требует дисциплина, потому что Шурка идёт к дяде Коле.

Дядя Коля — милиционер-регулировщик на углу Красивой улицы, где живёт Шурка. И Шурка помогает ему дежурить. Дядя Коля доверяет Шурке. Правда, доверяет он и другим мальчишкам, но Шурке кажется, что ему всё-таки больше, чем другим.

Шурка идёт по улице важный и сияющий. Так он ходит только с мамой: не засовывая рук в карманы и не швыряя носом.

Дядя Коля сидит в прозрачной стеклянной будочке и следит за движением. Волосы и усы у него такого же соломенного цвета, как у Шурки, поэтому дядя Коля и зовёт его тёзкой. Только вот усов у Шурки нет.

Шурка подходит к будке, и дядя Коля открывает дверцу:

— Здоров, тёзка!

Шурка солидно подаёт дяде Коле свою маленькую и тёплую ладошку.

— Ну как, в дневнике нарушений нет?

Шурка всё-таки чувствует за собой вину и отводит глаза в сторону. Но дяде Коле сегодня некогда: много работы, и он не видит виноватых Шуркиных глаз.

— Держи,— дядя Коля протягивает Шурке свисток и переключает светофор.

Шурка надевает свисток через шею и важно отходит в сторону большого «Гастронома»: здесь его пост. Между прочим, в этом доме живёт Ленка, и Шурка втайне надеется, что она смотрит из окна на грозного и безжалостного постового.

От этих мыслей Шурка гордо выпрямляется и залиvisto свистит какой-то бабушке, которая сошла с тротуара на дорогу. Бабушка машет на Шурку руками, но возвращается. Когда проходит мимо, с упрёком говорит:

— Ты, внучек, старых людей так не пугай. Я, чай, не маленькая.

Но Шурка, не задумываясь, строго отвечает:

— Всё равно нарушать правила нельзя, хоть и бабушка.

Пока он произносил эту строгую мораль, за его спиной послышался громкий шёпот:

— А я где хочешь пройду. Спорим...

Шурка оборачивается и видит Ленку. С ней какая-то рыжая девчонка. Наверное, в одном доме живут. Ленка надменно смотрит на Шурку и, ни слова не говоря, начинает прыгать по дороге, словно играть «в классы». Шурка успевает схватить ее за рукав:

— Лена, так нельзя. Вернись обратно. Пожалуйста. Ну!

Ленка на минуту задерживается и теперь уже удивлённо смотрит на Шурку.

Рыжая девчонка кричит Ленке:

— Эх ты, а ещё хвалилась!

Ленка вспыхивает, у неё покраснел даже кончик носа.

— Шурка-кожурка несчастный! — гневно кричит она. — Я тебе по арифметике списать дала и слова не сказала. А ты...

Шурка отпускает её. Он становится тихим и бледным и только

зло смотрит на Ленку. Потом моргает, и на его губе повисает слезинка. Ленка торжествующе снова прыгает через дорогу. А Шурка застыл на месте и боится посмотреть на прозрачную будку, в которой сидит дядя Коля.

И вдруг он резко, пронзительно свистит и бежит за Ленкой. Догнав её посередине дороги, тащит обратно. Ленка задыхается от гнева:

— Ладно, Жёлудь! Завтра я в классе всё расскажу. Узнаешь, как списывать.

Шурка хмуро, но твёрдо говорит:

— Ну и рассказывай. Я ещё сам вперед тебя расскажу.

Дядя Коля услышал стук в дверцу, обернулся — Шурка.

— Ты чего так скоро? — удивляется он.

Шурка молча протянул ему свисток и, забыв попрощаться, пошёл. Дядя Коля пожал плечами, посмотрел вслед Шурке, но его ждала работа, и он решил: «После разберусь».

А Шурка шёл и шёл, вороша осеннюю листву и наступая в лужи. Ему было по-настоящему грустно.

Но это была хорошая грусть!

Мы с Митяем

Вместо предисловия

Мы с Митяем — друзья. Куда он — туда и я. Вместе в школу ходим, на одной парте сидим. Вместе с уроков сбегает, вместе двойки получаем. Кстати, с этими двойками просто чудеса какие-то. Если меня спросят на первом уроке и я двойку получу, Митяй уже бледнеет: значит, и он сегодня обязательно двойку схватит. Или наоборот: сначала он получит двойку, затем — я.

Спросили мы однажды нашего вожатого Толю — он уже в девятом классе учится, — как с научной точки объяснить такое совпадение, а он смеётся: «Закон природы, — говорит, — что посеешь, то и пожнёшь».

Ничего себе закон. Хорошо Толе смеяться, он скоро школу кончает, а нам ещё сколько учиться. Ведь мы только в пятом классе! Если в восьмилетней школе — то ещё три года, а в одиннадцатилетней — шесть лет! Долго. Сколько за это время успеешь двоек наполучать.

А недавно Светка Мартынова — есть у нас в классе такая задавака и ехидная очень девчонка — говорит: «Я слыхала, что специально для двосчников будут создаваться пятнадцатилетние школы. Туда будут собирать всех, кто плохо учится. Рыжов и Чумаков — это мы, значит, с Митяем — обязательно попадут. Самые первые кандидаты».

Но мы с Митяем твёрдо решили: как-нибудь уж восемь классов потерпим, а потом пойдём в училище водителей межпланетных кораблей. Есть такое, навер-

ное, где-то. А Светка пусть сама пятнадцать лет учится, если хочет...

А в общем-то у нас в школе неплохо, класс наш дружный, весёлый, экзаменов теперь сдавать не надо. Если бы ещё и контрольные работы отменили — вот было бы здорово! Тогда можно и пятнадцать лет учиться...

Наша конвенция

Сегодня — несчастливый день. На первом же уроке — арифметике — Митяй двойку получил. У меня сразу душа в пятки ушла и сердце замерло — теперь моя очередь!

И точно — едва Митяй сел, раскрыл дневник и стал на свою двойку любоваться, как Елена Васильевна и говорит:

— Рыжов! Иди к доске!

А чего идти, если мы с Митяем вчера в футбол играли до самого ужина. Всё думали, вот сейчас, сейчас кончим и побегим уроки делать. Ну, а где тут кончишь... Так и не успели эти задачки решить.

— Тоже не сделал домашнего задания? — спрашивает меня Елена Васильевна.

А я только вздыхаю тяжело. Чего говорить-то—всё равно двойка обеспечена.

— Чего ты вздыхаешь?— рассердилась Елена Васильевна.— Как не стыдно быть такими лентяями! Бери мел. Будешь решать задачу у доски.

А задачка неинтересная — про цыплят каких-то несчастных. Нужно узнать, сколько у каждой курицы за неделю из десяти яиц цыплят вывелось. Подумаешь, проблема!

Стал я решать задачку. Решал, решал, наконец сделал. Всю доску исписал.

Получилось у меня, что каждая курица высидела по тринадцать с третью цыплёнка.

Вытираю я руки и думаю: «Молодец, Рыжов, решил-таки задачку! А то говорят, если дома не решать, то и в классе, у доски, ни за что не сделаешь. Враки всё это».

А Елена Васильевна вдруг спрашивает:

— Как же так у тебя, Рыжов, из десяти яиц тринадцать цыплят получилось? Из одного яйца два цыплёнка, что ли? И что это за треть? Одна нога? Или хвост? А где же остальное?

Тут как все ребята засмеются! Ну, ясное дело — сидеть-то скучно, вот и рады. Я бы на их месте тоже засмеялся, хотя ничего смешного нет. И стало мне вдруг обидно. Вчера весь день мучились — и всё равно нам ребята с соседнего двора набили голов. Из-за этого матча уроки не сделали и вот, пожалуйста, получайте двойку! Где же справедливость? И откуда я знаю, почему получилась треть,—может быть, задачка неправильная или в условиях опечатка.

Поставила мне Елена Васильевна двойку, и я нисколько этому не удивился. Если бы я даже и к доске не выходил — всё равно двойка была бы.

А на перемене мне Митяй и говорит:

— Слушай, что я придумал. Мы с тобой теперь круглыми отличниками будем.

— Да ну?— обрадовался я.— Вот здорово! А как?

— Давай заключим конвенцию.

— Какую такую ещё конвенцию? — удивился я.

— А вот такую... Договор, что ли...

Митяй оглянулся, убедился, что нас никто не подслушивает, и говорит шёпотом:

— Задачки по арифметике будем очереди решать! Понял? Сегодня — ты, завтра — я. А утром списывать друг у друга. Зачем нам одну и ту же задачку два раза решать. Нужно экономить своё время.

Здорово Митяй придумал. Молодец. И как это мне раньше такая простая мысль в голову не пришла? Обидно.

— Ладно,— отвечаю я ему.— Попробуем. Только сегодня уж ты решай, а завтра — я.

Так и договорились.

После обеда я, как всегда, вышел на улицу. Думаю: всё в порядке. Задачку мне Митяй решит, устные уроки я на переменке посмотрю, двойки вроде не должно завтра быть.

Вдруг вижу — Митяй во двор спускается.

— Ты что же,— спрашиваю его,— не решаешь задачку? Конвенцию нарушаешь? У кого я завтра утром списывать буду? У Светки, что ли?

А он рукой машет:

— Не беспокойся, задачка лёгкая, я её только что смотрел. Немного поиграю и пойду, быстро решу. Утром получишь.

Ну, а тут начался повторный матч с соседним двором и стало не до задачек. Только когда уже стемнело, Митяй пошёл домой задачку делать, а я остался доигрывать.

На следующее утро он мне ещё в коридоре кричит:

— Готово! Иди! За полчаса всё вчера сделал!

Вот, думаю, какая ему лёгкая задачка попала. А у меня наверняка трудная сегодня будет. Надо было лучше мне вчера делать, а ему — сегодня. Но поди знай.

Стал я списывать. Какая-то тоже неинтересная — про яблоки. Сколько на каждой ветке яблок растёт? Оказывается, по семь тысяч штук! Вот сколько. А я и не знал, что так много. Вот бы нам с Митяем хотя бы полветочки!

Начался урок, и Елена Васильевна первым делом спрашивает:

— Рыжов! Решил задачку?

— Готово, Елена Васильевна!— отвечаю я и подаю ей тетрадь.

— Нет, Елена Васильевна, не решил, не получилось,— отвечает ей Митяй и глазом не моргнув.

— Иди к доске, будем вместе решать, а ты, Рыжов, смотри!

Ушёл Митяй, а я смотрю ему вслед и думаю: «Вот ведь хитрый какой! Правильно сделал, что не показал свою тетрадку Елене Васильевне, а то она увидела бы две одинаковые задачи и стала бы допытываться: «Почему одинаковые? Кто у кого списал?» А зачем это надо?»

Митяй у доски такое стал выделывать, что Елена Васильевна не выдержала и прогнала его на место. И двойку, конечно, поставила. Этого уж она не забудет. Так ему и надо! Если бы он не вылез со своей дурацкой конвенцией, я, может быть, сам бы эту задачку правильно решил и пятёрку получил. А из-за него сорвалось.

Теперь мы уроки каждый за себя делаем.

Как мы с Митяем в «Ёжик» попали

Есть у нас в классе «Ёжик» — стенгазета так называется. Хорошая, интересная стенгазета — лучше, чем в 5 «б». Одно плохо — очень уж часто про нас с Митяем в ней пишут. Это Петька-профессор, редактор «Ёжика», всё старается. На следующем собрании, когда будут редактора выбирать, я обязательно выступлю против него. Сколько же можно об одном и тех же писать? Чуть ли не в каждом номере и обязательно с карикатурой. А рисует Светка. Она так наловчилась, что с другого конца класса видно — это мы! Очень похоже.

Когда нас в «Ёжике» ещё за дело критикуют — за двойки или за опоздания, приходится мириться. Неприятно, конечно, но что поделаешь, возражать трудно. Но вот в последнем «Ёжике» нас совсем зря покритиковали. И всё из-за Митяя.

Однажды подходит к нам Петька-профессор и говорит таким безобидным тоном:

— Что же это мы только о вас всё пишем да пишем. И вы давайте сами в «Ёжик» что-нибудь напишите. Ну, хотя бы о том, как готовитесь к футбольному матчу с девятой школой. Хорошо?

Она читает, а я стою и думаю: «Здорово Митяй всё-таки придумал. Надо будет и другие уроки по очереди делать. Хорошая это штука — конвенция!»

А Елена Васильевна вздохнула и говорит:

— Когда ты, Рыжов, за ум возьмёшься? Ведь скоро уже конец четверти. Простой задачки решить не можешь. Стыдно! Накрутил такого, что и не разберёшь... — И она отдала мне тетрадку.

Вот так фокус! Я так и ахнул — вся задачка перечёркнута красным карандашом и внизу стоит... Что вы думаете? Жирная единица! Такого у меня ещё не бывало.

— Ну, — говорю Митяю, — спасибо. Мне такая конвенция не нужна. Чтобы я ещё из-за тебя единицы да двойки получал! Мне и своих хватает.

А Митяй сидит бледный, меня не слушает и повторяет:

— Сейчас моя очередь! Сейчас меня вызовут!

И точно, Елена Васильевна спрашивает:

— А ты, Чумаков, решил задачку?

А надо вам сказать, что мы с Митяем сильнейшие футболисты школы. То есть, конечно, не самые лучшие, но всё-таки... Во всяком случае, мы в сборной команде и готовимся к встрече с соседней школой. Правда, мы запасные игроки, но это дела не меняет. Потому-то и пришёл к нам Петька.

— Ладно,— отвечает ему Митяй с совершенно безразличным видом. — Напишем: Завтра утром принесём.

— Ну то-то! Я вам и место оставляю. Да смотрите, много не пишите. Одну страничку — не больше, — сказал Петька важно и отошёл.

Вечером, уже перед самым ужином, я вдруг вспомнил о заметке. Вспомнил — и к Митяю.

Прибежал, а он кота своего дрессирует.

Я ему говорю:

— Слушай, про заметку для «Ёжика» мы совсем забыли! Давай скорее писать!

— Ну, вот ещё,— отвечает Митяй. — Сейчас у меня нет настроения заметки писать. У меня сейчас настроение научить Ваську прыгать выше стула.

Говорит это мне Митяй, а сам кусочек котлеты над Васькой поднимает.

Смотрит Васька на котлету, облизывается, мяукает, а прыгать не хочет.

— Это всё из-за тебя,— говорит Митяй.— Он постороннего стесняется.

— Какой же я посторонний?— обиделся я.— Мы же вместе его ещё котёнком стащили с подоконника. Ты что, забыл, что ли?

— Я-то помню, а он забыл. Это ведь давно было...

А Васька, и правда, смотрит на меня и ноль внимания. Хоть бы хвостом помаhal. Забыл, значит.

Я же помню всё, как будто это вчера было. Шли мы тогда с Митяем в школу и вдруг видим — сидит на подоконнике маленький чёрненький котёночек. Такой хорошенький, что мы сразу остановились.

Кыс-кыс-кыс! — позвал его Митяй, а сам толкает меня в бок локтем и шепчет: — Доставай скорее колбасу!

Достал я из портфеля бутерброд, бросил кусок колбасы котёнку.

Тот сразу накинулся на колбасу, ур-

чит, как тигр. Съел, облизнулся и смотрит на меня.

— Ещё хочет,— шепчет Митяй.— Дайка теперь мне кусочек.— Взял он колбасу, отошёл немного и опять позвал:

— Кыс-кыс-кыс!

Котёнок соскочил с подоконника и бросился к нему со всех ног. Митяй ему и этот кусок скормил. А потом и говорит мне:

— Теперь пойдём тихонько вперёд...

Мы пошли, а котёнок — за нами.

Отошли мы немного, Митяй его схватил и за гимнастёрку сунул.

— Это наш трофей! Назовём его Рэксом.

— Ещё что! — говорю я. — Во-первых, никто кошек Рэксами не называет — это же собачье имя, а во-вторых, сейчас хозяйка выйдет и покажет тебе такого Рэкса...

— А ты что стоишь? — спрашивает меня Митяй. — Её, что ли, ждёшь? Бежим скорее!

Отбежали мы два квартала, я Митяю и говорю:

— Всё-таки нехорошо — украли котёнка...

А Митяй смеётся:

— Кто же котят ворует? Что это — пальто, или ботинки, или какая-нибудь другая вещь? Взяли мы его к себе — вот и всё. Наверное, хозяйка сама рада — не знала куда его девать.

В школу мы в тот день не попали. До двух часов, пока уроки не кончились, ходили по городу с котёнком за пазухой. По очереди — час у меня, час у Митяя.

Дома Митяй сочинил, будто ему уборщица тётя Паша котёнка подарила.

Тогда это был маленький весёлый котёнок, а сейчас вон какой котище стал! Отъелся, растолстел, даже пошевелиться ему лень.

...Смотрел, смотрел Васька на котлету, облизнулся и пошёл на кухню. Идёт спокойно, с таким безразличным видом, словно хочет сказать: «Ну вас с вашей котлетой! Буду я ещё прыгать. И без неё обойдусь...»

Бросил Митяй котлету на стол и говорит:

— Нет у меня сейчас вдохновения заметку писать. Давай лучше в шашки сы-

граем. А заметку завтра на переменке напишем.

Сели мы в шашки играть. Я его два раза обыграл, а он меня — один. Тут нас спать погнали.

На следующий день на переменке мы, конечно, никакой заметки не написали. Не до того было. Петька-профессор очень ругался и сказал, что ждёт последний день, и если мы завтра утром заметку не принесём, то пожалеем.

— Принесём, принесём, не плачь, — сказал ему Митяй и рукой махнул.

Но и вечером мы опять заметки не написали. Когда я о ней напомнил, Митяй даже рассердился:

— Подождёт ещё день! Ничего с ним не случится. Пусть потерпит, будет знать, как нас критиковать.

Утром Петька опять к нам подошёл. Митяй ему с важным видом и говорит:

— Придётся тебе ещё подождать. Нам очень некогда сейчас, совершенно нет времени...

Мы думали, Петька нас будет упрашивать, а он ничего не сказал и ушёл.

А в большую перемену стали вывешивать свежий номер «Ёжика».

— Ну вот, — говорит Митяй, — и без нас обошлись. Нет у нас времени им заметки писать. Верно? Нам его и на уроки не хватает.

У «Ёжика» ребята собрались, смеются и почему-то на нас оглядываются.

— Слушай, — шёпотом говорю я, — что они на нас оглядываются? Мне это совсем не нравится. Неужели опять про нас написали?

— Нет, не может быть, — отвечает Митяй спокойно. — Не за что. Мы на этой неделе ни одной двойки не схватили и ни разу не опоздали...

— Ой, пойдём посмотрим...

Пошли. И что же?

На самом видном месте нарисованы мы с Митяем. Стоим с важным видом, левые руки за спину заложили, а правые вперёд вытянули. Ладонки стоямя, словно отталкиваем что-то, и на них написано: «Завтра».

Сверху рисунка — заголовок: «Господа Обещалкины», а внизу подпись: «Коля Рыжов и Дима Чумаков уже три дня обещают написать в «Ёжик» заметку. Они слишком заняты...»

Посмотрели мы на рисунок, вздохнули и пошли прочь.

Идём, я Митяю и говорю:

— Это ты во всём виноват. Написали бы и ничего бы не было...

— Откуда же я знал, что они карикатуру нарисуют? — возразил Митяй. — Я ещё опровержение напишу — почему они нас господами обозвали?! Какие мы господа? Мы — пионеры! Пусть они опровержение напечатают... Пошли сейчас же писать!

И вот Митяй сидит за столом и пишет опровержение. Уже почти целую тетрадку исписал. А я дрессирую Ваську и думаю, что если бы мы раньше заметку на одну страничку написали, то не нужно было бы сейчас опровержение на целую тетрадку сочинять.

Митяй — фантазёр

Вот сегодня у нас был урок так урок. Почаще бы такие.

— Ребята, — сказала нам Мария Петровна, — закройте учебники, спрячьте тетради. Сегодня урок будет необычным. Мы будем мечтать.

— Как это так мечтать? — сразу выскочил Петька-профессор.

Петька страшный воображала. Он всегда задаётся, любит рассказывать о чём-нибудь таком, чего никто и не слышал. Хвастается, будто читает подряд все тома энциклопедии. Врёт, наверно. Мы однажды с Митяем тоже пробовали читать энциклопедию, так больше двух страниц не осилили. Скука смертельная!..

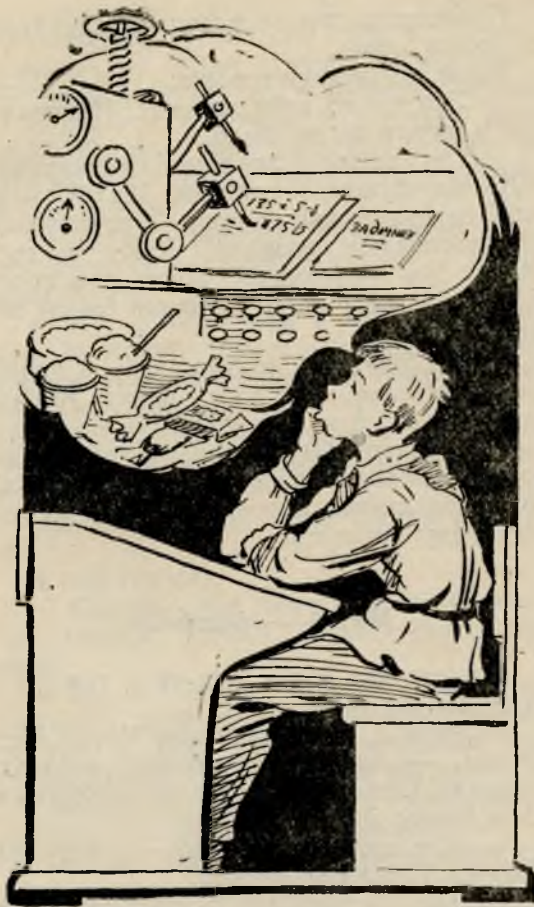
— Пусть каждый из вас помечтает о будущем, — продолжала Мария Петровна, — попытается представить, какое оно, а потом расскажет всем...

Мы с Митяем переглянулись. Интересно! Сели мы поудобнее и стали мечтать.

Я сразу представил, как лечу в ракете на Марс и встречаюсь там с марсианами. У меня даже дух захватило.

Только я домечтался до того, что мы с марсианами на их ракете собираемся лететь на другую планету — на Венеру, как Мария Петровна говорит:

— Ну, вы уже давно мечтаете. Теперь давайте рассказывать. Кто первый?

Конечно, Петька-профессор сразу вперёд вылез. Его Мария Петровна первым и спросила.

— Самым быстроходным существом на земле, — начал Петька громко, — является насекомое цефеномия. Оно преодолевает в час тысячу триста километров. Леопард бежит со скоростью сто четыре — сто двенадцать километров в час, заяц — пятьдесят пять, волк — сорок пять...

— Подожди, Костылев, — перебила его Мария Петровна. — Ты что-то не о том начал...

— О том, о том, Мария Петровна! Я сейчас перейду... — заторопился Петька. — Но быстрее всех, конечно, летают наши, советские ракеты. Я мечтаю построить такую ракету, чтобы на ней слетать и на Марс, и на Венеру, и на все другие планеты...

У меня даже сердце ёкнуло. Ну и Петька! Как он мои мечты рассказывает! А о чём же я-то буду говорить?

Кончил Петька, и Мария Петровна вызвала ехидную Светку.

Светка сразу вскочила и затараторила, как всегда.

— Я мечтаю о том времени, когда стану таким врачом, что смогу вылечить все болезни. А когда у кого-нибудь так заболит рука или нога, что её нужно будет отрезать, я смогу пришить новую, которая будет ещё лучше старой...

— А голову тоже можно будет тогда поменять? — спросил кто-то из ребят.

— Кое-кому неплохо и сейчас её заменить, — нашла Светка и продолжила: — Каждый, кто захочет, сможет быть артистом, играть в театре или сниматься в кино...

Все засмеялись, и даже Мария Петровна улыбнулась.

И вдруг Митяй говорит, да так громко:

— Какие-то ерундовые у тебя мечты, Светка. Когда все в кино сниматься будут, то кто же картины смотреть станет?..

— А ты, Дима, что придумал? — перебила его Мария Петровна. — Расскажи нам.

Митяй встал, нахмурился и так серьёзно-серьёзно, негромко стал рассказывать:

— Жизнь в будущем будет очень хорошая. Во-первых, в магазинах всё бесплатно. Зашёл и бери себе что хочешь. Хочешь фотоаппарат «Киев» или даже «Старт» — бери, мотоцикл? — пожалуйста, даже автомобиль можно взять. Везде на улицах и в каждой школе будут киоски, в которых круглые сутки будут раздавать конфеты и всякое мороженое...

Тут все, конечно, засмеялись.

А Митяй спокойно продолжает:

— Учиться будет тогда совсем легко. В школу ходить не надо. У каждого — дома телевизор. Лежишь на диване и по телевизору урок смотришь. А надоест — включишь футбольный матч...

— Перепутается всё! — закричал Петька-профессор.

— Ничего не перепутается. Будут такие пилюли — проглотил таблетку и всё запомнил. Можешь и не слушать учителя, а всё равно всё запомнишь...

— А задачи как решать?

— Ну, задачи — это совсем ерунда, — улыбнулся Митяй. — У каждого будет своя электронная счётная машина. Она за одну минуту может десять задачинок перерешать.

Тут опять все засмеялись, а Мария Петровна и говорит:

— Допустим, счётная машина за тебя все задачи решит. А дальше что? Ты же ничего знать не будешь. Как ты работать станешь?

— Работать?! — Митяй даже почему-то сморщился. — Тогда совсем всё не так будет. Придёшь на работу, сядешь в мягкое кресло и только и знай кнопки нажимай — за тебя всё машины и приборы делать будут... И думать ни о чём не надо — везде механизация и автоматизация...

Ой, какой в классе шум поднялся! Все кричат, с парт вскочили, со всех сторон только и слышно:

— А жевать за тебя тоже машина будет?

— Со скуки умрёшь с твоими кнопками!

— А ходить ты станешь или тебя возить будут?

Тогда Мария Петровна подняла руку и, когда все немного успокоились, сказала:

— Ты, Чумаков, неправильно представляешь себе коммунизм. Тебе кажется, что это будет царство лодырей и бездельников, которые станут лежать да кнопки нажимать. Так никогда не будет. Лучше и не мечтай.

Митяй сел, и ребята стали рассказывать о своих мечтах. Много интересного они напридумывали — и погодой управляли, искусственный дождь вызывали, и машины, чтобы под землёй путешествовать, изобретали, и на другие планеты летали.

А когда этот необычный урок кончился, ехидная Светка остановилась возле нашей парты и говорит Митяю:

— Ты задачку-то сегодня решил? Эх ты, лентяй, кнопочный фантазёр!

Засмеялась и ушла.

Я не выдержал и говорю:

— Ты, верно, Митяй, что-то загнул. Скучная уж больно у тебя в будущем жизнь получается...

А Митяй нисколько не обиделся и спокойно так отвечает:

— Может, и не так будет. Я не спорю. Доживём — увидим. Кнопки эти, конечно, ерунда. Это я так придумал, чтобы ребят подзавести. А вот если бы у тебя сейчас дома электронная счётная машина стояла, которая все задачи решала, или бы мотоциклы даром раздавали... Разве плохо? А здесь, прямо в классе, стоял бы ящик с конфетами и мороженым — бери сколько хочешь...

— Да, — вздохнул я, — это всё было бы здорово...

Мама-волшебница

Сегодня мама меня спросила:

— Как у тебя дела с арифметикой? После той единицы больше не спрашивали?

— Нет, — говорю я печально, — не спрашивали. Видно, у меня двойка в четверти будет...

— Хорошего мало, — строго сказала мама. — Почему же это так получается, дорогой мой сын?

— Это всё из-за Митяя, — вздохнул я. — Его почему-то всегда первого спрашивают, а он никогда уроков не знает...

— Ну и что же?

— А как он двойку получит, так и я тоже следом за ним схвачу...

— Это почему же? — удивилась мама.

— Загадка природы! Никто этого не знает, никто объяснить не может... Какую отметку Митяй получит, такую и я...

— Глупости всё это, а не загадка природы! — рассердилась мама. — Вот останетесь с Митяем на второй год, будете знать...

Тут я, конечно, замолчал, ничего говорить не стал, чтобы маму не сердить.

— А хочешь, я разгадаю эту «загадку природы»? — немного погодя спросила мама. — Она очень простая. Вы одинаковые лентяи, одинаково бездельничаете, уроков не учите. Поэтому вместе двойки и получаете. Вот и весь секрет.

— Ну, что ты, мама, — начал было я, — совсем не поэтому...

Но мама меня оборвала:

— А вот давай проверим. Сегодня ты на улицу не пойдёшь до тех пор, пока

все уроки не выучишь. Посмотрим, какую завтра отметку получишь.

Спорить с мамой я не стал. На собственном опыте знаю, что бесполезно. Просто сел за стол и стал учить уроки. А в открытую форточку со двора доносились весёлые крики ребят.

— Закрой форточку, не отвлекайся! — крикнула мама из кухни.

Просто удивительно, как это она всё видит. Я закрыл форточку и стал решать задачу. Задача была трудная, но интересная, про спутник. Я увлекся и довольно-таки скоро решил её. И ответ сошёлся.

— Мама! Мама! — закричал я. — Я уже задачу решил!

— Ну и хорошо, — ответила мама. — Дальше делай. Я скоро приду, проверю.

Начал я писать упражнение по русскому языку, потом учить правило, и так, незаметно для самого себя, быстро сделал все уроки.

— Молодец! — сказала мама. — Если бы ты всегда так занимался, был бы отличником. Теперь иди гулять. Завтра обязательно получишь пятёрку.

— Если бы... — вздохнул я. — Всё от Митяя зависит...

Мама только засмеялась и ничего не сказала.

— Где ты был?! — закричал на меня Митяй, едва я вышел во двор. — Здесь нам без тебя столько голов набили!

— Уроки учил, все сделал, — ответил я.

— Вот хорошо! — обрадовался Митяй. — И задачу решил?

— Решил.

— Молодец! Завтра приходи пораньше, я у тебя спишу. Елена Васильевна меня обязательно завтра спросит.

— Приду, — сказал я. — Да ты смотри, сам-то не проспай...

И мы побежали к ребятам.

Митяй, конечно, проспал. Я пришёл пораньше, сидел-сидел, ждал-ждал, потом даже в коридор вышел, но его не было. Наконец, перед самым звонком, явился.

— Давай скорее задачу, — зашептал он. — Успею ещё!

— Ничего не успеешь, соня несчастный! — рассердился я. — Не мог раньше прийти.

Митяй ничего не сказал, быстро, разбрызгивая чернила и сажая кляксы, стал списывать задачу.

— Вот и успел, — засмеялся он, когда раздался звонок. — А русский я на арифметике у тебя спишу...

— То есть как? — удивился я. — Ведь сейчас русский, а арифметика потом!

Митяй даже рот от удивления открыл, а в класс вошла Мария Петровна.

Быстро поднял Митяй крышку парты и чуть не залез туда весь, только чтобы его не видно было.

Но Мария Петровна его, конечно, сразу увидела.

— Чумаков! Ты что там прячешься? Иди к доске!

Через минуту Митяй с очередной двойкой уныло сел на своё место. Впрочем, он не очень расстроился.

— Ничего, — прошептал он мне. — До конца четверти ещё есть время, исправлю. Вот только обидно, что так по-глупому вышло — не то я у тебя списал...

— Рыжов! — вызвала Мария Петровна.

У меня сразу сердце упало. Вот сейчас я двойку получу, как и Митяй...

Взял я домашнюю тетрадку, дневник и пошёл.

— Упражнение ты сделал хорошо, — похвалила меня Мария Петровна и улыбнулась. — Теперь бери мел и пиши.

Предложение на доске я написал и разобрал тоже верно.

— Молодец, Рыжов! — сказала Мария Петровна. — Вот, Чумаков, смотри...

Я сел на место и взглянул в дневник. Там стояла пятёрка! Ну и мама — просто волшебница!

Рядом раздался тяжёлый вздох. Я посмотрел на Митяя. Он сидел грустный.

— Ничего! — шепнул я ему. — Сегодня сразу после обеда пойдём ко мне и будем вместе заниматься. Это совсем недолго и легко. Тогда завтра ты тоже пятёрку получишь.

Митяй-«сирена»

— Ребята! — сказал Толя, наш вожатый, на большой перемене. — Сегодня приходите к трём часам в школу. Придёт автобус и поедете в колхоз давать концерт.

— Вот здорово! — обрадовался Митяй.— Уроки учить не надо будет.

— Почему это не надо?— удивился я.

— А когда же?

— Когда приедем.

— Ну, ещё чего, и концерт, и уроки... Нет, уроки я сегодня учить не буду. Если завтра спросят, скажу — отдыхал после концерта...

— Ну и нахватаешь опять двоек...

Митяй только вздохнул в ответ. Спотыкаться со мной он не стал, ведь всё может быть...

Концерт у нас получился очень хороший. Митяй здорово играл на аккордеоне, ему долго хлопали.

Впрочем, хлопали всем. И Светке, которая пела «Ноченьку», и Ваське Пиджакову, который делал гимнастические упражнения, и даже Петьке-профессору, — он играл на скрипке.

Мне тоже хлопали. Я пел песню про Чапаева.

А когда концерт кончился, мы сели в автобус и поехали домой.

Ехали, ехали и вдруг — трах-тарарах! Как хлопнет что-то. Все так и подскокили.

— Слезай, приехали! — крикнул Митяй. — Шина лопнула!

И верно, шофёр остановил автобус, вылез и стал пинать все колёса по очереди. Вид у него был скучный, скучный.

— Вот что, ребята, — сказал он нам. — Загорать здесь будем. Запасной камеры у меня нет. Придётся из города помощь вызывать...

— А мы на поезде поедem. Нам ждать нельзя, ещё уроки учить надо! — объявил Митяй и стал надевать аккордеон на плечо.

— Верно! Верно! — поддержали его все. — Чего здесь сидеть...

Станция была совсем рядом. Мы уже подошли к ней, как вдруг Светка остановилась.

— Ребята, — сказала она почему-то шёпотом и вытаращила глаза. — А деньги на билеты?

Мы переглянулись. Действительно, а деньги? Стали выворачивать карманы, но у всех набралось не больше тридцати копеек.

— Вот так так! — говорит Петька. — Зачем только мы пошли сюда! Сидели бы в автобусе!

— Ну и иди, сиди там до утра! — крикнул я. — А мы поедem домой!

— Без денег не повезут, — сказала Светка.

Раздался гудок, и вдали показался поезд. Народ на станции сразу засуетился. Впрочем, народу было немного. До города рукой подать — километров пятнадцать-двадцать.

Но нам от этого было не легче. Мы стояли грустные и не знали, что делать.

— Садитесь, ребята! — вдруг закричал Митяй. — Я придумал, как без денег доехать. — И он бегом бросился к самому последнему вагону. Все побежали за ним.

Народу в вагоне было много, но мы всё-таки сели.

— Ты думаешь, контролёры уже прошли, да? — шёпотом спросил я Митяй.

— Нет, — тоже шёпотом ответил он мне, — я другое придумал...

Не знаю, что придумал Митяй, но как только поезд тронулся, он сразу облегчённо вздохнул и улыбнулся.

— Рано заулыбался, — тихонько сказала ему ехидная Светка. — Сейчас контролёр придёт, он нам задаст!

И вот ведь вредная какая: только сказала — открывается дверь, входит контролёр и громко говорит:

— Граждане пассажиры! Приготовьте ваши билеты!

У меня сразу всё внутри как-то сжалось и замерло. Сейчас нас, как зайцев, будут за шиворот вытаскивать из вагона. Весёлого мало. Позор на всю школу. Уж лучше бы до утра в автобусе сидеть.

— Ребята, спокойно! — говорит Митяй и как ни в чём не бывало вынимает аккордеон и начинает играть «Вальс-фантазию» Глинки.

Все пассажиры сразу обернулись к нам, слушают, многие поближе подошли. Контролёр тоже слушает, даже проверять билеты перестал.

А Митяй играет, мне подмигивает и губами почему-то шевелит.

Я ему тоже подмигиваю, — мол, всё в порядке вроде, играй дальше.

Митяй мне опять подмигивает и что-то шепчет, а что — не слышно.

Сижу я перед ним, подмигиваю, как дурак, и ничего понять не могу, что ему от меня надо.

Так мы минут пять подмигивали друг другу, и вдруг я догадался:

— Ребята, — шепчу всем, — готовьтесь, сейчас тоже выступать будем!

Митяй играть кончил, и Светка стала про свою ноченьку петь. После неё Васька выполнял гимнастические упражнения, а потом Петька на скрипке запилил. И вдруг паровоз загудел. Приехали!

Все сразу стали собираться.

— Мы всех перехитрили, — сказал очень довольный Митяй, когда мы шли по платформе, — и контролёра этого тоже.

— Ребята, эй, ребята! — раздался чей-то голос, и мы, как по команде, оглянулись.

Контролёр стоял на подножке вагона, улыбался и махал нам рукой.

— Спасибо за концерт! — кричал он. — Приходите ещё!

— Придём! — крикнул ему Митяй и тоже рукой махнул.

— Эх ты, сирена! — сказала Митяю ехидная Светка, когда мы уже шли по улице.

— Какая такая сирена? — удивился Митяй.

— Книги читать надо, а не мячик гонять. Сирена — это такая русалка, которая своим пением зачаровывала моряков...

— Сама ты сирена несчастная! — вдруг рассердился Митяй. — Как стукну по затылку — будешь знать!

Светка, конечно, от него отошла подальше и язык показала.

Так закончилась наша поездка.

Не везёт!

После того как мама разгадала «загадку природы» — почему у нас с Митяем одинаковые плохие отметки, — мы стали гораздо лучше учиться.

Почти каждый день после обеда вместе занимались у меня дома или у Митяя.

Двоек у нас стало совсем мало. Правда, мало было и пятёрок — ещё меньше чем двоек, но ведь не всё сразу.

Однако контрольной по арифметике за четверть мы очень боялись. Если по ней получишь двойку, то всё, — двойка выйдет и в четверти. Вот если бы контрольной не было совсем, у нас с Митяем наверняка вышла бы тройка, даже с плюсом, то есть почти четвёрка.

И вот день контрольной наступил. Как только я проснулся, прежде всего пощупал у себя лоб — нет ли температуры. Вроде нет. Тогда я стал глотать слюну — не болит ли горло. Глотал, глотал, даже слюны не хватило, но нет, всё в порядке — не болит. Придётся, значит, идти в школу.

Всё-таки несправедливо получается — когда нужно, никак не заболеешь. А когда не нужно — обязательно что-нибудь привяжется. Вот прошлой зимой, когда мы собирались ехать в Москву, я заболел на целых две недели! И как раз во время каникул. Если бы, когда учились, не так обидно было бы. А то все каникулы проболел, а как учиться идти, так и выздоровел. Смешно! Смешно и грустно.

И сейчас — хоть бы на один-единственный денёчек заболеть, контрольную пропустить. Так нет! А начнутся каникулы — на неделю в кровать слягу. Очень даже может быть. Не везёт, что поделаешь!

Вышел я на улицу, смотрю — Митяй идёт. Вид у него тоже очень грустный.

— Привет, — говорю. — Идём гореть?

— Да, — Митяй тяжело вздохнул. — Куда денешься...

И пошли мы медленно, не спеша. Идём и молчим. О чём говорить-то...

Вдруг Митяй остановился.

— Слушай, Колька, — зашептал он, хотя вокруг нас никого не было, — давай не пойдём на контрольную.

— Ну, что ты... — отвечаю я. А сам думаю: «Вот было бы здорово!»

— Давай! — жалобно говорит Митяй. — Получим по двойке — что хорошего! А так скажем — зубы болели, и всё! Заболели, а потом прошли. Ничего с нами не сделают. Ну, конечно, поругают. Так это лучше, чем двойка в четверти...

Долго я стоял, думал. Наконец решился.

— Ладно! Не пойдём! Только с условием — будем в это время уроки повторять, а не шляться без дела.

— Конечно! — Митяй так весь и засял. — Идём скорее в сквер!

Пришли мы в сквер, сели на скамейку и стали географию повторять. Сначала я Митяю рассказывал, а он по учебнику следил, потом Митяй мне. Выучили географию на совесть.

— Вот здорово мы урок знаем! — улыбался Митяй. — Попрошу географичку, чтобы спросила меня сегодня. Пятёрку получу!

— Ладно, обрадовался, — говорю я. — Давай дальше. Какой у нас следующий урок?

— Ботаника. — И Митяй достал из портфеля учебник.

Ботанику мы тоже быстро и хорошо повторили.

Большие часы на углу уже показывали без двадцати минут десять. Как раз сейчас ребята заканчивают писать контрольную... А мы здесь сидим, как дезертиры какие-нибудь. Однако пора идти, а то и на второй урок опоздаем...

Шли мы не спеша, чтобы войти в класс со звонком — меньше спрашивать будут.

Рассчитали правильно. Только разделись — звонок. Вошли в класс — все уже сидят. Я скорее за парту, достал учебник по географии, дневник и сижу как ни в чём не бывало. А Митяй в коридоре остался, географичку караулит, хочет попросить, чтобы она его сегодня вызвала.

Сижу я спокойно, вдруг дверь распахивается и появляется Митяй. Лицо у него бледное, испуганное.

Я тоже испугался.

— Что с тобой? — спрашиваю.

А он ничего сказать не может, только головой на дверь кивает.

Взглянул я на дверь и вижу — входит в класс Елена Васильевна, наша учительница арифметики, и стопку тетрадок для контрольных работ несёт.

Тут я почувствовал, что тоже побледнел и сердце у меня куда-то вниз провалилось.

— Светка! Светка! — шепчу я и толкаю ехидную Светку ручкой в спину.

— Что тебе? — обернулась она.

— Ведь арифметика же первым уроком должна быть?

— Переменили, — спокойно отвечает мне Светка. — Была география. А вы с контрольной сбежали и на контрольную попали? Так вам и надо! Симулянты!

Хотел я её дёрнуть за волосы, да не стал, не до того. Посмотрел на Митяя, он — на меня, вздохнули мы с ним тяжело и приготовились писать контрольную.

Елена Васильевна написала на доске две задачи — два варианта. Стал я изучать свою задачу — совсем вроде нетрудная. Мы точно такую же с Митяем недавно решали.

Посмотрел на Митяя, а он что-то уже быстро пишет. Значит, знает. Он, когда не знает, всегда по сторонам глядит. Зря, выходит, мы этой контрольной боялись.

Стал я решать задачу — сразу получилось, даже сам удивился. Проверил всё решение — как будто верно. Шестнадцать арбузов у меня вышло.

— Светка, — шепчу я, — сколько у тебя арбузов? Шестнадцать?

Она обернулась ко мне.

— Ты что, решил уже? — спрашивает.

— Конечно, решил. Ерундовая задачка!

— Рыжов! Мартынова! Не разговаривайте! — строго сказала Елена Васильевна и подошла к нам.

— Я уже решил! — говорю я.

Елена Васильевна взяла мою тетрадку, а все ребята в классе бросили писать и на меня смотрят.

— Если решил, сиди тихо, не мешай другим, — сказала Елена Васильевна.

— И я решил! — вдруг закричал на весь класс Митяй. — Посмотрите, Елена Васильевна, правильно?

Елена Васильевна улыбнулась, взяла у Митяя тетрадку, посмотрела и говорит тихонько:

— Готовьтесь к следующему уроку! — Забрала наши тетрадки и ушла к доске. Значит, правильно решили.

— Порядок! — подмигнул мне Митяй. — Задачки совсем нетрудные.

— Потому и нетрудные, что мы их с тобой только позавчера штук по пять решили. А то бы кукарекали сейчас...

— Эх, если бы сейчас нас ещё и по ботанике спросили, да по пятёрке поставили, вот было бы замечательно! — размечтался Митяй.

А на переменке я смотрю — Светка сидит и историю читает.

— Ты что это за историю взялась? — спрашиваю я её.

— Хочу повторить перед уроком...

— Как перед уроком? Разве... — Тут слова застряли у меня в горле, я бросился к дневнику. Так и есть! Следующий урок история, а никакая не ботаника. Опять Митяй перепутал.

— Что же ты, — закричал я на Митяя, — сказал мне, что ботаника сегодня! Мы её учили, учили, а историю — нет!

Митяй смотрит на меня во все глаза и моргает.

— Сам удивляюсь, — говорит, — почему это я подумал, что ботаника сегодня...

Ну, а дальше рассказывать совсем неинтересно. Нина Родионовна вызвала нас. Получили мы с Митяем по двойке. И всё. А когда стали объяснять, что перепутали расписание, ребята засмеялись и говорят: — Не надо было путать.

Одним словом — не везёт!

Можете нас поздравить: выставили четвертные отметки, и у нас с Митяем ни одной двойки.

На пионерском сборе вожатый Толя сказал:

— Молодцы, Рыжов и Чумаков, четверть без двоек кончили. Теперь вам надо добиться, чтобы вообще двоек не было.

— Мы постараемся этого добиться, Толя, — серьёзно и громко сказал Митяй, — то есть достичь того, чтобы двоек совсем не получать...

Все засмеялись. Больно уж солидно Митяй это сказал.

— Пока ты добьёшься, — влезла ехидная Светка, — учебный год кончится.

— Знаете что, ребята, — сказал Толя, — давайте начнём борьбу за то, чтобы у нас в классе ни одной двойки не было.

— Давайте, давайте! — закричали все сразу. Ну и мы с Митяем, конечно, тоже.

— Тихо! Подождите! — поднял Толя руку. — Значит, берём обязательство, что ни одной двойки больше не будет. Сделаем так. Организуем по примеру московских школ в каждом звене группу «скорой помощи». В эти группы войдут самые сильные ученики.

— Как это так? — спросил Петька-профессор. Ему, конечно, интересно. Он ведь отличник.

— А вот как. В группе «скорой помощи» — четыре-пять человек. Каждый день один из них остаётся после уроков с теми, кто получил двойки. И пока уроков не выучат — домой не уходят.

— Ясно! — выпалила Светка. — Это хорошо придумано! А то некоторые после школы до темноты мяч гоняют, а потом плавают у доски.

Все почему-то сразу на нас оглянулись. А мы сидим совершенно спокойно.

— Только чур условимся заранее, — продолжал Толя. — Дежурного «скорой помощи» слушаться, без его разрешения домой не уходить. Договорились?

— Договорились! — закричали все. Вот так мы и обязались учиться без двоек.

— Знаешь, мама, — сказав я дома, — теперь я, наверно, буду позднее из школы приходить.

— Это почему?— удивилась мама. А когда я ей всё рассказал, она засмеялась:

— Давно пора за вас, двоечников, взяться!

Как назло, на другой же день я получил двойку по географии, а Митяй— по истории. И надо же так случиться, что в этот день дежурной «скорой помощи» оказалась ехидная Светка.

Никто в этот день, кроме нас, двоек не получил. И вот после уроков остались мы троём в классе.

— Ну, садитесь за разные парты,— важно сказала Светка.— Ты, Рыжов,— здесь, а ты, Чумаков,— там. Садитесь и учите то, за что двойки получили.

Ничего не поделаешь, пришлось подчиниться. Стал я учить географию, а Светка уселась за учительский стол и давай воображать:

— Если тебе, Рыжов, что непонятно, спроси!

— Всё понятно,— говорю я, а сам читаю географию. И угораздило же меня вчера не сделать домашнее задание! Не сидел бы сейчас здесь.

Вдруг дверь открылась и вошла уборщица тётя Нюра.

— Что это вы домой не идёте?— спрашивает тётя Нюра удивлённо.

А Светка и говорит:

— Да вот, эти лодыри дома сами уроки учить не могут, приходится мне за ними присматривать...

— Ну, присматривай, присматривай, да получше. Гляди, как бы не сбежали. Вон тот,— показала тётя Нюра на Митяя,— всё на дверь глядит...

Тётя Нюра ушла, а меня зло разобдало. Подумаешь, отличница! Ну и что из того? Если я захочу, тоже отличником буду...

Быстро дочитал я, что было задано, и говорю:

— Давай рассказывать буду, всё выучил...

А Светка мне:

— Встань и иди к доске! Ты что же, думаешь сидя отвечать?

Вздыхнул я, вышел к доске и стал рассказывать, как на настоящем уроке. Кончил, а Светка и говорит:

— Вот если бы ты так сегодня на уроке отвечал, то получил бы пятёрку и не сидел здесь сейчас. Можешь идти домой.

— Я Митяя подожду,— сказал я и сел за свою парту.

Митяй тоже быстро и хорошо ответил урок. Светка и ему мораль стала было читать. Но он слушать её не стал, взял портфель, и мы ушли.

Шли мы молча, и только когда уже добрались до дома, Митяй сказал:

— Ты смотри, а правда ведь, если бы я вчера уроки выучил и так же ответил, как сейчас, то вместо двойки пятёрку бы получил! Удивляюсь, почему я вчера эту историю не приготовил?

— Вот что,— остановился я.— Не хочу, чтобы над нами вся школа смеялась, что нас Светка воспитывает. Давай будем сами уроки учить! Ладно?

— Конечно!— согласился Митяй.— Развоображалась! Вот не будем двойки получать и некого ей станет воспитывать. Пусть знает!

Так мы и решили.

Как закрыли «Ёжик»

А здорово у нас получилось со «скорой помощью». Молодец Толя! Двоек уже почти никто не получает, дежурные «врачи» скучают. Когда Митяй последний раз схватил двойку, так не один дежурный, а вся группа — пятеро — остались за ним следить. И все его спрашивали, настоящий экзамен устроили. Митяй даже вспотел.

Реже стал выходить и наш «Ёжик». Петька-профессор в отчаянии. Раньше ему было хорошо. Получили мы с Митяем по двойке, кто-нибудь опоздает или прогуляет — вот и материал, готов очередной номер. А сейчас — дудки! Двоек нет, с уроков никто не сбегает.

Ходит Петька грустный и ко всем пристаёт:

— Ребята, давайте заметки! «Ёжик» выпускать надо! Уже две недели не выходил!

Подошёл Петька и к нам. Тоже просит написать что-нибудь. А Митяй смеётся:

— Ага! По-другому заговорил. А помнишь, как нас разрисовал? Теперь — всё! Что же нам для тебя специально двойки получать, что ли? Не выйдет!

Так и ушёл Петька ни с чем. А на отрядном сборе выступил и сказал:

— Я отказываюсь быть редактором. Писать не о чём. Даже Чумаков и Рыжов перестали двойки получать. Предлагаю «Ежик» закрыть, так как некого критиковать. Давайте лучше выпускать стенгазету, и в ней писать обо всём хорошем, что у нас есть...

— Давайте стенгазету! — поддержали его ребята.

— А как назовём?

Тут все стали кричать:

— «Звезда»!

— «Наш голос»!

— «Голос класса»!

Так кричали, что Толя даже руки вверх поднял.

— Тише, ребята! Тише! Сделаем так — объявим конкурс на лучшее название. Подумайте дома, а что придумаете — напишите и отдайте Косте. (Костя — наш председатель совета отряда.) Потом мы ещё раз соберёмся и обсудим. Кто придумает лучшее название — тот получит премию.

Вот это здорово! Уж мы с Митяем стараемся придумать получше. Интересно, что за премия будет...

— Слушай, — повернулся ко мне Митяй, — значит, в новой газете критики совсем не будет? Это хорошо! Наконец-то нас перестанут ругать, а то хоть мы и исправились, но всё может быть...

— Верно, — говорю я. — Давно пора такую газету выпускать, без зубоскальства. Ну-ка подожди, надо всё-таки спросить...

Я встал.

— Толя! Выходит, в новой газете критики уже не будет и карикатур тоже?

Все как засмеются. Я стою и не понимаю, что смешного? Смотрю, и Митяй смеётся. Ну, тогда и я не выдержал и тоже засмеялся.

Долго мы смеялись, наконец кое-как успокоились.

Толя и говорит:

— Значит, ты, Рыжов, без критики жить захотел? Думаешь, раз «Ежик» закрыли, так никто на тебя и Чумакова карикатуры не нарисует? Так, что ли? Напрасно надеешься. И в новой газете мы найдём место для критики...

После обеда Митяй ко мне пришёл.

— Давай заголовок придумывать! — ещё с порога закричал он.

Мы сели на диван, взяли карандаши, тетрадки и стали думать.

— «Вихрь», — вдруг говорит Митяй.

— Какой вихрь? — не понял я.

— Да заголовок!

— Не пойдёт! Что за вихрь? Почему вихрь?

— Тогда «Звезда».

— «Звезда»... Это ничего. Давай запишем!

Посидели мы ещё немного молча, и Митяй снова закричал:

— «Вперёд!» Самое хорошее название!

Но мне оно не понравилось.

— Что за вперёд? Конечно, не назад. Надо что-то другое.

— Ну, что ты всё придираешься? — обиделся Митяй. — А сам-то что-нибудь придумал?

— Придумать-то я придумал, да мне не очень нравится.

— Ну, говори!

— «Ракета»!

— «Ракета»? Это тоже не то... — Митяй махнул рукой. — Давай ещё думать!..

— Только ты не кричи, а то мысли мои сбиваешь. Я вот уже совсем что-то хорошее придумал, а ты заорал свою «звезду», и я забыл. Ты думай молча, про себя, и записывай. А потом обсудим.

Молча мы думали, наверное, час, а потом стали обсуждать каждое название. Но ни до чего не договорились. Что мне нравится — Митяй против. А что он предлагает — я не согласен.

Наконец решили, что каждый дома подумает ещё, и завтра, по дороге в школу, мы обсудим придуманное.

Утром мы встретились и пошли в школу. Оказалось, что ни я, ни Митяй ничего такого, что бы обоим понравилось, не придумали. Вот, выходит, какое это сложное дело — название. Теперь мне понятно, отчего так много кино и книжек с неинтересными названиями.

Так и шли мы, грустные, расстроенные. И вдруг услышали радио — передавали про наш спутник.

И я, и Митяй разом остановились, взглянули друг на друга и одновременно закричали:

— «Спутник»!

— «Спутник»!

— Ура! Придумали!

Действительно, здорово! Лучше и не придумаешь.

В школе мы аккуратно написали наше название на бумажке, подписали разборчиво свои фамилии и отдали Костьке, пишущему председателю совета отряда.

— Смотри не потеряй, а то получишь! — пригрозил ему Митяй. — Тут такое название — закачаешься. Когда премию можно получать?

А Костька смеётся:

— Ишь ты, сразу премию захотел! Вот все сдадут, потом соберёмся, обсудим и выберем лучшее.

— Ну, ладно, — согласился Митяй, — валяйте, обсуждайте, да поскорее.

Прошло несколько дней. Каждое утро Митяй первым делом подходил к Косте.

— Ну, когда решите? Что вы долго?..

— Скоро, скоро узнаешь, — отвечал ему Костя и хитро улыбался.

И вот наконец во время большой перемены Костя подошёл к столу и сказал:

— Ребята! Мы рассмотрели все предложенные для нашей стенгазеты названия и единогласно выбрали самое лучшее — «Спутник».

— Ура! — закричал Митяй. — Мы победили!

— Почему это вы? — обернулась к нему Светка. — Это я придумала!

— Не ты, а я! — вскочил с места толстый Вовка.

— Тише, тише! — застучал по столу Костя. — Сейчас всё объясню.

Все замолчали и стали смотреть на него.

— Всего было предложено сорок названий, из них двенадцать — «Спутник». Мы его и выбрали. А имена тех, кто придумал такое хорошее название, решили опубликовать в первом номере стенгазеты. Это и есть премия.

Ребята засмеялись, а Митяй недовольно заворчал:

— Лучше бы уж билет в кино дали... А то подумаешь — напишут...

Однако, когда в классе появился первый номер «Спутника», Митяй сразу же пошёл читать заметку, где рассказывалось о конкурсе и упоминалась его фамилия. Прочитал он заметку подряд три раза и выучил наизусть.

Вот так наш «Ёжик» превратился в «Спутника».

Мы с Митяем — сыщики

Мы с Митяем превратились в настоящих сыщиков. Как Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

Но расскажу всё по порядку.

Недалеко от нашей школы строят большой новый дом — высокий, в шесть этажей. Его уже наполовину застеклили и наполовину отштукатурили. Одна половина дома белая, а другая — красная, кирпичная.

Один раз, когда мы опоздали на первый урок, Митяй и говорит:

— Пойдём посмотрим, как новый дом строят.

И мы пошли.

Лазили, лазили по стройке, все извоились в белом, Митяй пальто порвал — за проволоку зацепился.

Совсем собрались уже уходить, как вдруг увидели около самого забора большую кучу ржавого железа.

Митяй меня в бок толкает:

— Смотри, сколько металлолома! Давай после урока всем классом придём и заберём. Сразу на первое место по школе выйдем.

Подошли мы ближе, а это, оказывается, не металлолом, а батареи парового отопления. Ржавые, грязные, лежат кучей, свалены как попало.

— Н-да, — печально говорит Митяй, — я-то думал, это лом...

— А может быть, они негодные, — говорю я. — Смотри, как валяются. Надо узнать, спросить у кого-нибудь...

— Дадут по шее, и только. Подумаешь — ржавые. Покрасить можно.

Так мы и ушли ни с чем.

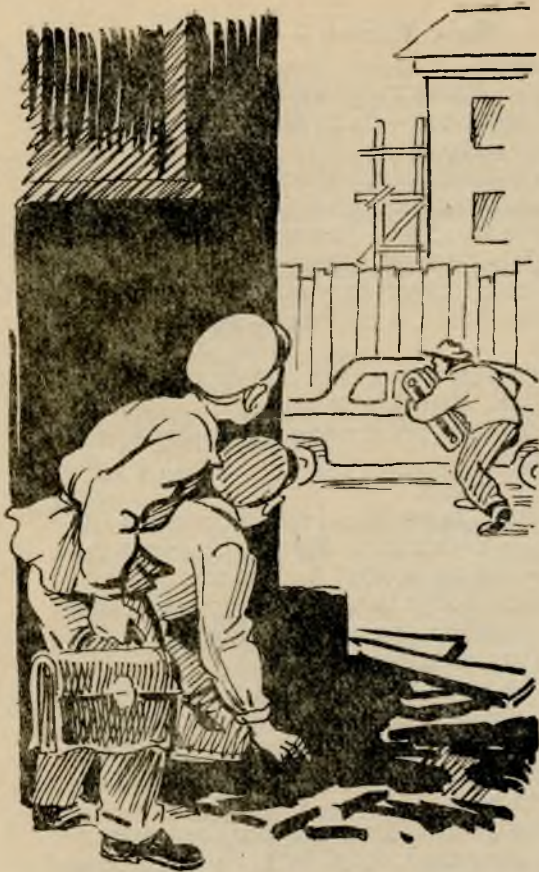
По дороге Митяй всё ворчал:

— Лучше бы мы и не ходили, только испачкались, пальто порвал...

А дней через десять и случилось событие, после которого мы стали сыщиками.

Было воскресенье. Мы с Митяем шли в школу на занятие кружка фотолюбителей. Подходим к новому дому, а возле него стоит «Победа». Ну, стоит и стоит, ничего особенного. Вдруг Митяй как дёрнет меня за рукав и остановился. Я тоже остановился и смотрю на него. А Митяй и говорит:

— Гляди, на «Победе» батареи взяты! Я посмотрел, и правда — какой-то дя-

дя в зелёной шляпе приволок со стройки две ржавые, грязные батареи и засовывает их в машину.

— Вот чудак,— говорит Митяй.— Он же всё испачкает. Взял бы грузовик...

И мы пошли дальше.

Поравнялись с машиной, а в ней полно этих батарей. Завернули за угол, Митяй остановился, оглянулся и говорит шёпотом:

— Слушай, Колька, а что если это вор!

Я смотрю на него во все глаза, а он продолжает шептать:

— Почему это он в воскресенье приехал и на легковой машине? Что-то очень подозрительно.

«Верно,— подумал я,— подозрительный тип. Как это я сам не сообразил!»

— Точно,— говорю,— что-то тут неладно...

— Побежим за милиционером. Он недалеко, на углу стоит.

Митяй уже готов был бежать, но я его остановил:

— Подожди, не спеши. Пока бегаешь, он уедет. Давай лучше сначала номер машины запишем. У тебя есть карандаш?

Митяй стал рыться по карманам. Конечно, никакого у него карандаша не оказалось. И у меня тоже. Что делать?

— Придётся запомнить,— шепчу я Митяю.— Выгляни и посмотри номер.

Митяй выглянул из-за угла и говорит:

— Номер машины — восемнадцать — сорок шесть.

— Восемнадцать — сорок шесть, восемнадцать — сорок шесть, восемнадцать — сорок шесть, — повторил я три раза, чтобы запомнить.

— И ты запоминай,— говорю я Митяю,— вдруг я забуду.

Митяй губами зашевелил — запоминает, а потом побежал зачем-то к забору. Нагнулся и кричит:

— Нашёл!

Смотрю — у него в руках кусок известки. Вернулся Митяй, расстегнул пальто и на груди, на гимнастёрке, написал — «18-46».

— Теперь давай тебе, расстёгивайся! — говорит он мне.

— Зачем же два-то раза?

— А вдруг у меня сотрётся?

Пришлось мне расстегнуться. Пока мы писали, «Победа» уехала.

— Пойдём скорее к милиционеру,— говорит Митяй.

А на меня сомнение нашло.

— Слушай, — говорю я, — подождём до завтра. Завтра придём сюда утром, перед уроками, и спросим. А то вдруг это никакой не вор. Тогда над нами в милиции смеяться будут. А если в школе узнают? Задразнят! Особенно Светка...

Митяй задумался.

— Ну, ладно,— нехотя согласился он.— Подождём до завтра.

В понедельник встали мы пораньше и — на стройку.

Дорогой Митяй размечтался:

— Я знаю, когда пионеры жуликов ловят, им премии дают. Вот бы нас чем-нибудь премировали. Часами, например...

— Да,— говорю я,— совсем неплохо часы получить...

Пришли мы на стройку и сразу на-
ткнулись на какого-то старика.

— Чего вы здесь делаете?— закричал
он на нас.— Шляются тут всякие, а по-
том отвечай...

— Дяденька,— робко спрашивает его
Митяй,— у вас здесь не пропали батареи
парового отопления?..

А старик этот сразу — хоп! и схватил
нас за воротники.

— Сами пришли! Ну вот вам сейчас
покажут...— И потащил нас куда-то.

Митяй пытался было объяснить стари-
ку, что это не мы воры, что мы только
видели, кто украл. И номер машины
записали. Но всё без толку. Старик его
не слушал.

Притащил он нас в маленькую комнату
и закричал:

— Вот эти двое сейчас про батареи
спрашивали. Они и утащили их на метал-
лолом!..

А за столом сидит дяденька в чёрной
гимнастёрке. Посмотрел он на нас, на-
хмурился и говорит:

— Что вы наделали? Неужели не вид-
но, что это не лом, а совершенно новые
батареи! Куда вы их дели?

Тут я рассердился и говорю:

— Никаких батарей мы не брали, а
пришли вам рассказать, кто их увёз. А
если будете на нас кричать, так мы и об-
ратно уйти можем...

— Я тебе уйду! Я тебе уйду!— опять
закричал старик.

Он, наверное, был сторож и ему здоро-
во попало, что он прокараулил эти бата-
реи.

— Тише,— сказал дяденька за сто-
лом.— Рассказывайте, ребята, всё по по-
рядку.

Мы и рассказали. Говорил Митяй, а я
дополнял. Потом Митяй меня дополнял,
что я забыл или пропустил.

В общем, дяденька всё понял, а когда
мы ему и номер машины сказали, он со-
всем обрадовался.

— Молодцы, ребята! Ну-ка, мы сей-
час...— сказал он и стал звонить по теле-
фону.

Я смотрю на часы — время уже без
десяти девять. А опаздывать сегодня ни-
как нельзя — нас должны обязательно
по истории спросить. Мы вчера весь ве-
чер специально её зубрили.

— До свиданья,— говорю я тихонь-
ко.— Нам в школу пора.— И скорее в
дверь, Митяй — за мной.

Выбежали мы на улицу, я и говорю
Митяю:

— Что, получил часы? Скажи спасибо,
что сторож нам по шее не надавал. Раз-
бирайся потом...

— Ну и ладно,— сказал Митяй спо-
койно.— Зато типа того, в зелёной шля-
пе, помогли поймать. Разве плохо?

Это, конечно, верно.

Однако на этом наши приключения не
закончились.

Собирали мы раз с Митяем металло-
лом. Забрались на окраину города. Не-
ожиданно мимо нас быстро пронёсся
грузовик, полный берёзовых дров.

Промчался, и слышим мы сзади крик.
Обернулись — грузовик уже скрылся за
углом, а со всех сторон бегут к перекрё-
стку прохожие.

И мы, конечно, тоже побежали. Смот-
рим — лежит на дороге женщина. Ока-
зывается, грузовик сшиб её и не оста-
новился.

Ну, тут милиция приехала, скорая по-
мощь. Милиционер всех спрашивает—кто
видел, какая машина была. А никто ни-
чего толком не знает. Одни говорят —
грузовая, другие — «Москвич». Я уже
вперёд полез, чтобы всё рассказать как
было, но Митяй меня за руку — дёрг!

— Чего тебе?— обернулся я.

— Иди-ка сюда,— говорит он и подми-
гивает.

Отошли мы в сторону, и Митяй за-
шептал:

— Имеем шанс часы заработать! Ви-
дишь, никто ничего не знает. Одни мы
знаем. Сами грузовик этот найдём!

Подумал я немного и спрашиваю:

— А как мы найдём его?

— Очень просто,— говорит Митяй.—
Он дрова берёзовые вёз. Это раз! Две
последние цифры номера я видел — во-
семьдесят пять. Это два! Будем ходить
по дворам и найдём...

— Дворов-то сколько... Когда мы все
обойдём? Через год?

— Ну и что же что много? Ведь не
всем именно в это место и именно сегод-
ня, восемнадцатого февраля, привезли
берёзовые дрова на грузовике с послед-
ней цифрой восемьдесят пять. Ты не обра-

тил внимания, что машина шла не в город, а из города. В деревню никто дрова не повезёт, это ясно. Значит, где-то в этом районе, на этих улицах. Не так-то уж много здесь домов...

Ну, словом, уговорил меня Митяй. Действительно, раз машина шла из центра на окраину, то где-то здесь и дрова.

Пошли мы в школу. И всю дорогу мне Митяй планы действий рассказывал.

— Здесь улиц десять, не больше. В улице домов по сто. Нужно в каждый двор заглянуть, посмотреть, нет ли свежих берёзовых дров. Если нет — мимо. Если есть — узнать, когда привезли. Если не восемнадцатого февраля — мимо, если восемнадцатого, — то на какой машине, кто привёз. Если в номере машины последние цифры не восемьдесят пять, — мимо, а если восемьдесят пять... — Тут Митяй так улыбулся, что я не выдержал и засмеялся.

Митяй недоуменно посмотрел на меня и продолжал:

— Всего у нас примерно тысяча дворов. На каждый двор — три минуты, не больше — заглянул и всё. Значит...

Он замолчал и стал считать в уме, потом остановился, достал бумажку, карандаш.

— Если по восемь часов работать, то в день мы осмотрим сто шестьдесят дворов. Всего нам нужно только шесть дней. А ты говорил! — закричал он в восторге.

...Словом, в школу мы на другой день уже не пошли. Так прямо с портфелями и стали ходить по дворам.

В первом дворе, куда мы зашли, дрова были уже расколоты и сложены аккуратными поленищами. И мы сразу ушли.

— Вот видишь, — сказал Митяй. — Даже меньше трёх минут.

Во втором и третьем дворах свежих дров не было.

Зато в четвёртом, как только мы открыли калитку, нам сразу бросилась в глаза сваленная посередине двора большая куча берёзовых поленьев.

— Есть! — обрадовался Митяй и зачем-то достал карманный фонарик. — Вот они!

Мы подошли к дровам. Митяй зажёл фонарик и стал рассматривать поленья, как будто на них было написано, когда их привезли.

— Зачем это ты? — спрашиваю. — И так светло.

— Так надо, — важно сказал Митяй и спрятал фонарик. — Теперь идём к хозяевам.

Постучались мы в дверь и вошли. За столом сидит старушка. Митяй её и спрашивает:

— Бабушка! Вам дрова давно привезли?

— Ох, сыночек, давно уже. Больше месяца, — отвечает старушка. — Да вот никак не найду, кто бы расколлот их мне. Не возьмётесь ли?

— Нет, бабушка. Нам некогда сейчас. — Митяй даже попятился. — Это к вам тимуровцы придут, они сделают...

И мы поскорее выскочили на улицу.

Для ускорения мы не стали заходить во дворы, а только заглядывали. Откроем калитку, заглянем и дальше. Дело у нас пошло ещё быстрее. Почти всю улицу прошли, а дров всё нет и нет.

И вот наконец Митяй приоткрыл калитку одного двора и сразу замахал мне обеими руками.

Я подбежал к нему и вижу — лежат метровые берёзовые поленья...

— Порядок, — прошептал Митяй, и мы вошли.

Митяй достал свой фонарик и только приготовился его зажечь, как вдруг откуда ни возьмись набросился на нас пёс. Огромный, чёрный, с белыми пятнами. Кидается на нас, лает на всю улицу. У меня душа в пятки ушла. Смотрю и Митяй тоже побледнел.

— Тихо, — шепчу я ему. — Не шевелись! Укусит! Сейчас кто-нибудь придет!

Стоим мы так минут пять, а то и больше, — никто не идёт. Псына эта всё лает и кидается на нас, как заводная. И как только ей самой не надоест!

— А вдруг до вечера никто не придёт, — говорит мне Митяй. — Что делать будем?

Наконец скрипнула дверь, и на крыльце показался здоровенный дядя.

Пёс сразу замолчал, стоит и смотрит на него, — ждёт команды.

— Чего шлёпаетесь? Что нужно? — закричал на нас дядька.

Митяй шагнул вперёд и робко так говорит:

— Нам надо узнать, когда дрова эти привезли...

— А больше вам ничего не надо? Марш отсюда, я вас...

И дядька стал спускаться с крыльца.

Мы, понятно, ждать его не стали и скорее ходу. Псина противная — за нами, чуть-чуть меня за ногу не цапнула, пока мы до ворот бежали.

Отдышались мы немного, Митяй и говорит:

— Этот дом мы возьмём на заметку. Очень подозрительный тип его хозяин. Придётся сюда ещё раз сходить...

— Ну уж,— говорю я,— спасибо. Иди в следующий раз сам. Пёс там будь здоров какой. Чуть у меня ногу не откусил.

— Ах так!— рассердился Митяй.— Испугался? Тоже мне, сыщик! Ну и не ходи! Я и один могу всё сделать!

— Ну, ладно, ладно,— говорю я,— не кричи. Пойдём вместе. И ничего я не боюсь, просто неприятно как-то: бежишь, а за тобой — собака...

Идём мы дальше по улице, Митяй и говорит:

— Надо нам какой-то предлог выдумать, чтобы спрашивать. Иначе никто ничего не скажет.

— Верно,— согласился я.— Давай будем говорить, что мы тимуровцы, и хотим бесплатно дрова пилить...

— Здорово ты придумал!— обрадовался Митяй.— Так и сделаем.

Домов через двадцать мы опять увидели свежие берёзовые дрова. Едва мы осторожно вошли во двор и стали смотреть, не бежит ли к нам собака, навстречу вышла женщина.

— Здравствуйте!— сказал Митяй вежливо.— Вам не нужно распилить эти дрова? Мы — тимуровцы.

Женщина улыбнулась:

— Да нет, не надо. Сами как-нибудь справимся.

— Они давно уже у вас лежат? — вступил я в разговор.

— Не очень, неделя ещё не прошла...

Нам больше ничего не нужно было, и мы ушли. Настроение у нас было неважное. Расчёты Митяя не оправдались. Мы уже ходили около восьми часов, а осмотрели только пятьдесят домов. Это вместо ста шестидесяти по его плану! И есть хотелось очень.

— Пойдём-ка домой,— предложил я.— Пообедаем, а завтра с новыми силами начнём. Может, повезёт, сразу найдём.

И мы ушли.

Но назавтра нам не повезло. Ничего мы не нашли. Не повезло и в следующие три дня. Раз пять на нас бросались собаки всех пород и мастей, раз десять нас просто выгоняли, ничего не сказав.

У Митяя в специально купленной записной книжке было взято на заметку уже семь подозрительных домов, в которые нужно было идти по второму разу. А мы не обошли ещё и двух улиц.

— Это бесполезно,— сказал я наконец Митяю.— Ничего мы не найдём. И школу больше пропускать нельзя. Знаешь, что будет?!

— Скажем, что болели...

— Конечно, скажем. Пять дней — больше нельзя. Пора выздоравливать.

— Жалко, что у нас ничего не вышло,— вздохнул Митяй.— Времени не хватило. Придётся пойти в милицию, рассказать про все эти подозрительные адреса, пусть их проверят. Милиционеры-то уж скажут, когда дрова привезли!

Так мы и сделали.

Дежурный по отделению старший лейтенант выслушал нас внимательно, серьёзно, прочитал адреса, а потом сказал:

— Значит, вы пять дней в школу не ходили? Молодцы, нечего сказать! Нужно было всё сразу рассказать милиционеру и не лезть не в своё дело. Вы только всё испортили, и, может быть, из-за вас преступник уже скрылся...

Мы с Митяем переглянулись. Вот так номер! Преступник из-за нас мог скрыться! Влипли в историю...

— Сказали бы, что грузовик с дровами имел последние цифры восемьдесят пять, мы бы его давно нашли. Ведь на дровяном складе, откуда дрова возят, все машины регистрируются... А вы по двору пошли, учиться бросили, разве это порядок? Из какой вы школы? Фамилии ваши?

Тут у дежурного на столе зазвонили сразу два телефона. Он схватил обе трубки и стал разговаривать одновременно по обоим телефонам.

А мы бочком, осторожно выскочили из кабинета. Туда сразу вошла какая-то женщина с большим узлом.

Спокойно, чтобы не вызвать подозрений, прошли мы мимо дежурившего у дверей милиционера и, только оказавшись на улице, пустились бежать.

— Легко отделались, — сказал Митяй, когда мы были уже возле дома. — Вот если бы он про нас в школу сообщил...

— Ну тебя! — рассердился я. — Всё ты виноват! Второй раз чуть не погорели. Пять дисей пропустили, отстали, опять двойки хватать начнём... Больше я сыщиком не буду. Хватит!

Мы с Митяем, наши цыплята, Ур Мурыч и Васька

Митяй где-то узнал, что на инкубаторной станции можно купить цыплят.

— Вот здорово, — шептал он мне всю арифметику. — Возьму цыплят, выращу куриц и подарю какому-нибудь колхозу, например, тому, в который мы с концертом ездили. Надо же развивать наше сельское хозяйство. И ты давай бери.

— Оно бы, конечно, неплохо, — говорю я, — да мама, наверное, заругается...

— Разрешит. Это же не для баловства, а для колхоза. Государственное дело! Договорились? Сегодня сразу и поедем.

На перемене Митяй рассказал всем о нашем решении — и Костьке, и Петьке-профессору. А Петька обрадовался и сразу же «молнию» выпустил: «Благодарный почин Чумакова и Рыжова!»

Прочитал я и вздохнул тяжело — теперь назад хода нет, придётся брать цыплят.

И вот, можете нас поздравить, — у нас с Митяем по десятку жёлтеньких пушистых комочков.

Дома я первым делом поймал Ур Мурыча и запер в спальне, а потом стал думать, куда же деть цыплят.

Думал, думал и придумал — буду пока держать их в ванне. Там тепло, пусть живут.

В ванну я положил сначала своё старое пальто, на него — ваты, поставил тарелку с водой и насыпал на блюдечко пшена. А потом стал по одному сажать туда цыплят.

Какие же они хорошенькие! Жёлтые-жёлтые, пушистые, круглые. Цыплята

пищали и разевали клювы, а один здорово схватил меня за палец. Не больно, конечно, ничуть, а смешно.

В ванне, по-моему, им понравилось. Один моментально залез в тарелку с водой и стал купаться. Другой перевернул блюдечко с пшеном. Потом они наелись, напились и спать легли — сбились в один комок и уснули.

А я пошёл в комнату, лёг на диван и стал думать, что же делать дальше?

Самая главная опасность — Ур Мурыч. Если он доберётся до ванны, — конец. Затем — мама, но это не так опасно. Она поругается, но цыплят не выбросит. Интересно, куда Митяй своего Ваську дел? Надо сходить к нему.

Я вскочил и стал одеваться. Потом нашёл свой старый ремень, сделал из него ошейник, вытащил из-под кровати Ур Мурыча, надел ему ремень на шею и привязал к кровати.

Пришёл я к Митяю и понять никак не могу, что это он делает. Сидит в кухне возле ящика, одной рукой держит Ваську за заднюю лапу, в другой — ремень.

А в ящике цыплята пищат, крупно клюют.

Глаза у Васьки горят. Только он соберётся прыгнуть на цыплят — Митяй его за лапу и ремнём по спине.

— Ты что это с котом делаешь? — спрашиваю я.

— А я у него условный рефлекс вырабатываю по учению академика Павлова, — важно говорит Митяй. — Чтобы он цыплят боялся. Давай раздевайся, будешь мне помогать.

Разделся я, дал мне Митяй ремень и стали мы вдвоём у Васьки условный рефлекс вырабатывать. Митяй его за заднюю лапу держит, а я с ремнём наготове стою.

Дело у нас пошло хорошо. Через полчаса у Васьки такой условный рефлекс выработался, что ого-го! Уши прижал, сидит грустный и на цыплят вообще не смотрит.

— Порядок! — сказал довольно Митяй. — Теперь у меня душа спокойна — цыплят он не тронет. Пойдём, поговорим!

Сели мы на диван, и я рассказал Митяю, как цыплят устроил и как Ур Мурыча привязал к кровати.

— Это ерунда! — пренебрежительно говорит Митяй. — Из ванны мать их выкинет, а у Ур Мурыча тоже нужно условный рефлекс выработать, иначе он отвяжется и всех их сожрёт. Если уж не сожрал!

— Ну, — испугался я, — пойдём тогда ко мне скорее Ур Мурыча воспитывать.

Когда мы пришли, цыплята по-прежнему спали, а Ур Мурыч валялся на спине и грыз ремень. Отвязали мы его и посадили в ванну. Митяй держал Ур Мурыча за лапу, а я ремнём драл.

И тут случилась катастрофа. То ли Митяй неудобно лежал и поэтому некрепко держал кота, то ли Ур Мурыч был голодный — не знаю. Во всяком случае Ур Мурыч вдруг завопил диким голосом, вырвал свою лапу из рук Митяя и прыгнул прямо на цыплят. Хорошо, что я не растерялся, — как вытяну его ремнём. Митяй пришёл в себя, схватил Ур Мурыча и выкинул из ванны.

А цыплята, бедные, страшно испугались. Пищат, бегают по ванне. Пух кругом летает. Кошмар!

Поймали мы снова Ур Мурыча и стали

по-настоящему у него условный рефлекс вырабатывать. Так выдрали его ремнём, как, наверное, ни одну ещё кошку не драли. И опять привязали на ремень к кровати.

Потом стали цыплят осматривать. Как будто всё обошлось благополучно. Все целы.

Тут стукнула дверь — пришла с работы мама.

Митяй моментально домой исчез, и я остался один.

— Что вы делали? — строго спросила мама. — Чего это Митяй сразу сбежал? Ну, признавайся.

— Да так, ничего! — как ни в чём не бывало говорю я. — Цыплят вот для колхоза взяли выращивать...

— Понятно, — говорит мама. — А где они?

Увидела она цыплят в ванне и рассердилась.

— Из ванны их выбрось немедленно. Возьми ящик из-под посылки и поставь на кухне.

Нечего делать. Взял я ящик, пересадил туда цыплят и поставил на кухне возле батареи.

Вдруг слышу:

— Николай! Иди сюда!

У меня сердце упало. Если мама меня Николаем зовёт — это не к добру. Что там ещё стряслось?

Осторожно вошёл в комнату и вижу — мама стоит возле кровати.

— Что это такое? — строго спрашивает она и показывает на Ур Мурыча.

А Ур Мурыч сидит спокойнѐхонько, словно это и не у него только что условный рефлекс вырабатывали.

— Это я привязал его, чтобы он до цыплят не добрался,— сказал я и давай скорее ремень от кровати отвязывать.

— Как тебе не стыдно, — говорит мама. — Мучаешь животное.

Вечером я запер Ур Мурыча в ванной и пошёл к Митяю. Митяй времени даром не терял.

Смотрю, горит над ящиком большая двухсотсвечовая лампа, а рядом стоит рефлектор. От лампочки свет яркий, а от рефлектора — жара. Цыплята бедные от всего этого не знают куда и деться — друг под друга подлезают, прячутся.

— Ты что это придумал? — спрашиваю я Митяя.

— Обеспечиваю нормальные условия развития, — отвечает он мне. — Увеличиваю световой день, даю тепло...

— Ты с ума сошёл! — говорю я. — Они же у тебя изжарятся! Тут сто градусов, не меньше!

— Ничего, чем теплее, тем лучше, — невозмутимо отвечает Митяй. — Не лезь, если не понимаешь. Курицам для нормального развития и большей яйценоскости нужны свет, тепло и физзарядка... Я сам в книжке читал.

— Какая ещё физзарядка?

— А вот сейчас увидишь. — И Митяй стал натягивать над ящиком верёвку, на которой на ниточках висели кусочки хлеба, разрезанное крутое яйцо и даже кружочки колбасы. — Сейчас они будут прыгать за кормом и развивать ножную мускулатуру, — говорит Митяй. — Смотри.

Но цыплята почему-то не прыгали. Они сидели и жмурились от сильного света.

— Не будут они у тебя прыгать, — засмеялся я. — Что они, сумасшедшие?

— Ничего, запрыгают! — упрямо говорит Митяй. — Есть захотят — прыгнут. Я их ничем другим кормить не буду.

— Вообще-то они у тебя скоро изжарятся. Вот увидишь. Будет тушёная цыпльина.— И я ушёл домой.

Пришёл на кухню, сел возле цыплят и думаю, а вдруг Митяй прав? Может быть и мне лампу над ящиком повесить? Ведь он говорит, что в книжке читал...

Думал я, думал и наконец решил отложить это дело на несколько дней. Посмотрим, что у Митяя выйдет.

Но посмотреть не удалось. Утром пришёл Митяй в школу расстроенный, чуть не плачет.

— Несчастье, — сказал он тихо. — Плохо мы с тобой Ваську воспитывали. Он ночью шесть цыплят сожрал...

— Вот так условный рефлекс! — Я даже свистнул. — Надо было его просто запереть в ванной на ночь и всё.

До конца уроков Митяй сидел грустный. Мне было его очень жалко.

— Вот что, — сказал я ему. — Не купись. Так и быть: я тебе часть своих отдам. Три штуки.

— Ладно! — сразу оживился Митяй. — А Ваську я каждый день по два раза ремнём воспитывать буду и посажу на пожизненное заключение в ванную.

После уроков пришли мы ко мне. Открываю я дверь, а навстречу Ур Мурыч со всех ног несётся. Раз — и на лестницу выскочил.

У меня так сердце и замерло. Ведь он должен в ванной сидеть!

Бросился я на кухню, а там в воздухе жёлтый пух летает, ящик перевернут, цыплят нет.

Я чуть в обморок не упал. Сожрал всех!

А Митяй нагнулся и из-под стола цыплёнка достаёт. Стали мы цыплят по всей квартире искать. Часа два искали — шесть штук нашли. Четырёх, значит, Ур Мурыч сожрал. Ну, погоди, попомню я тебе это!

Сидим мы оба грустные, не знаем, что и делать.

Молчали, молчали и вдруг Митяй вскочил.

— Придумал! — кричит. — Надо сделать так: в одной квартире — цыплята, в другой — кошки. И всё в порядке!

— Верно! — обрадовался я. — Бери себе Ур Мурыча, а мне неси цыплят.

— Привет! — говорит Митяй. — А почему не наоборот? Давай кинем жребий.

Я вообще очень невезучий человек, это все знают. Вот и сейчас, кинули на пятак, и выпало мне кошек держать.

Ещё я не успел опомниться, как Митяй ящик с моими цыплятами схватил и кричит:

— Одевайся скорее! Идём! Забирай Ваську!

Ничего не поделаешь.

Посадил Митяй моих цыплят в свой ящик, включил лампу и рефлектор и говорит:

— Ну вот, теперь они будут развиваться спокойно.

Я только вздохнул, взял Ваську, сунул под пальто и пошёл домой.

Дома стал я уроки делать. Сiju спокойно и задачку решаю. Трудная такая задачка...

Вдруг раздался дикий вой. У меня от неожиданности даже ручка из пальцев вывалилась и дух захватило.

Слышу — мама в кухне закричала. Бросился я со всех ног к ней, вбежал, а там Митяин Васька и наш Ур Мурыч стоят друг против друга, хвосты трубой, спины выгнули, оба распушились и орут дикими голосами. А мама, бедная, к стенке прижалась.

Я не стал терять времени, схватил швабру и бросился вперёд. Ваську я пнул так, что он отлетел к стене, Ур Мурыча схватил за шиворот.

А Ур Мурыч, противный такой, как вцепится мне в руку. Я от боли чуть сам не взвыл, но сдержался. Тихонько стукнул его головой об стену, и он сразу руку мою отпустил.

— Откуда вторая кошка?! — закричала на меня мама. — Это опять твои фокусы!

— Ну, мама же, — говорю я. — Это мы с Митяем поменялись. Я отдал ему цыплят, а он мне — Ваську. Ведь цыплятам надо обеспечить нормальные условия для развития...

Мама взяла меня за руку, отвела в прихожую и сказала:

— Одевайся и неси кота Митяю обратно! Да не вздумай приходить с цыплятами, не пушу!

...Мы с Митяем долго сидели на кухне и думали, как быть. Проще всего, конечно, выбросить Ваську совсем на улицу. Но жалко.

И вот, наконец, в голову мне пришла гениальная мысль.

— Слушай, — говорю я Митяю. — А зачем нам держать цыплят дома? Давай предложим в классе, чтобы все занялись выращиванием цыплят для колхоза. Отведут нам в школе специальную комнату, возьмём на инкубаторной станции тысячу цыплят, и будет у нас настоящая птицефабрика. Все ребята по очереди станут дежурить, а мы будем заведующими.

— Здорово! — обрадовался Митяй. — Молодец, Колька! Толково придумал! Давай сейчас же побежим к Костьке, расскажем ему. Завтра надо экстренный сбор отряда провести.

Мы быстро оделись, Митяй выкинул книжки из портфеля и запихнул туда Ваську.

— Придётся с собой взять, — деловито сказал он. — А то опять сожрёт. У него все рефлексы притупились.

По дороге Васька высунул голову из портфеля и жалобно пищал. Прохожие смеялись, а мы с Митяем не обращали на него внимания.

У Кости мы первым делом выпустили Ваську погулять, и тот сразу полез под кровать.

Костька было испугался, что мы ему кота насовсем принесли, но Митяй его успокоил.

Когда мы всё рассказали, Костя очень обрадовался:

— Вот теперь мы с такой инициативой всем нос утрём! Вырастим тысячу кур для колхоза — шутка ли!

Но всё вышло немного не так, как мы рассчитывали. Целой комнаты нам не дали, а отвели уголок в зоологическом кабинете. И тысячу цыплят тоже не дали, а только сто. Заведующим птицефермой на сборе избрали не меня и не Митяя, а ехидную Светку. Вот несправедливость какая! Ведь наша же идея!

Мы сначала очень обиделись, а потом Митяй и говорит:

— Ну и пусть она с цыплятами возится. Даже лучше. А мы будем в гости ходить, смотреть.

Установили график, и каждый день в зоокабинете двое из нашего класса дежурят. Цыплята растут хорошо, весёлые, и если из соседней клетки не вырвется лисица, то скоро мы сдадим колхозу сто куриц.

«Открытие» Митяя

Однажды после обеда Митяй неожиданно прибежал ко мне.

— Знаешь что, — закричал он ещё в прихожей, — я прочитал в календаре, что человек треть своей жизни проводит во сне!

— Ну да, — согласился я. — Даже больше. Чего тут удивительного? Я вот ложусь в десять, а встаю в восемь. Значит, сплю целых десять часов. А в воскресенье встаю даже в девять — ведь в школу-то не идти...

— Давай-ка посчитаем. — Давно я уже не видел Митяя в таком возбуждении. — Если каждый день спать только на час меньше, то в месяц можно сэкономить целых тридцать часов!

Ну и молодец же Митяй! Как только мне эта мысль в голову не пришла. Ведь верно — тридцать часов в месяц можно получить дополнительно...

— И совсем нетрудно вставать на час раньше, — продолжал Митяй. — Подумаешь, на час меньше поспишь. Зато в месяц тридцать часов сэкономишь, а в год, — он задумался на минуту, — в год — триста шестьдесят часов! Это же пятнадцать дней, целых полмесяца!

— А в десять лет, — закричал я, — пять месяцев!

— Если же спать на два часа меньше, то сэкономишь почти год! — продолжал подсчитывать Митяй. — А за год сколько всего можно переделать!

— Давай с завтрашнего дня, — предложил я, — вставать раньше на час. Не в восемь, а в семь. Идёт?

— Ладно, — согласился Митяй. — Я так и знал, что ты по-настоящему оценишь моё открытие. Я сейчас пойду календарь дальше читать, может быть, ещё что-нибудь открою...

И он убежал.

Вечером перед сном я поставил будильник на семь часов и лёг с твёрдой уверенностью сэкономить завтра час.

Видел я какой-то необычный сон. И вот, как назло, на самом интересном месте зазвонил будильник.

Как не хотелось вставать! Но я всё же откинул одеяло и соскочил на пол. Быстро оделся, умылся и... остановился в недоумении — что же делать в этот сэкономленный час? Конечно, было бы неплохо повторить ещё раз географию — по ней могут меня сегодня спросить. Но ведь это смешно — встать на час раньше и повторять географию!

Я взял «Таинственный остров» и лёг на диван.

Час пролетел незаметно. Когда меня в начале девятого позвали завтракать, я специально посмотрел, сколько страниц прочитал. Оказалось, целых тридцать две! Немало. Интересно, что Митяй в этот час делал?

В школу я пришёл раньше Митяя, он появился перед самым звонком.

— Что с тобой? — удивился я. — Ты не заболел?

Митяй был какой-то вялый, скучный, лицо, всегда румяное, почему-то сегодня было жёлтым, под глазами — чёрные круги.

Увидев меня, Митяй немного оживился.

— Ты знаешь, — сказал он негромко, — я подсчитал, что если спать в сутки на три часа меньше, то в месяц сэкономится девяносто часов! А в год — больше тысячи. Это полтора месяца!

— Это, наверно, вредно... — нерешительно произнёс я

— Ничего не вредно, вот сегодня я встал в пять часов и чувствую себя нормально...

— В пять часов? А что ты делал за эти три часа?

— Ну, что, — вдруг растерялся Митяй. — Разное... Считал, сколько я за десять лет сэкономлю времени, с Васькой немного поиграл, рисовал...

— А я встал только на час раньше, — расстроился я. — Почему же ты меня не предупредил, что три часа решил сэкономить? И я бы тоже в пять встал.

— Мне уже ночью эта мысль пришла, — оправдывался Митяй. — Как же я тебе мог сказать?

— Я за этот час только и успел тридцать две страницы прочитать, а за три часа я бы почти сто одолел!

— Вот видишь, — обрадовался Митяй, — какое я ценное открытие сделал. Ты теперь эту книжку в три раза скорее прочитаешь. Надо о моём открытии в «Пионерскую правду» написать...

Первым уроком у нас была арифметика. Елена Васильевна, как всегда, быстро осмотрела класс и открыла журнал.

— Чумаков, к доске! — услышал я и оглянулся на Митяя.

Тот не шевелился, глаза у него были закрыты. Митяй спал!

Я изо всех сил толкнул его локтем в бок. Он сразу вскочил. Вскочил и стоит, глазами хлопает.

— К доске иди, — повторила Елена Васильевна. — Ты что, замечтался?

Ребята засмеялись.

Митяй вышел к доске, и мне стало его жаль — уж очень у него вид был неважный.

Елена Васильевна стала ему диктовать задачку. Задачка была несложная, мы много раз такие же точно решали. Но Митяй путался на самых простых вещах. Никак не мог решить...

— Что с тобой, Чумаков? — спросила его Елена Васильевна. — Ты же должен знать этот тип задач.

— Елена Васильевна! — Я набрался смелости и встал. — Оп что-то плохо чувствует себя, заболел, наверное...

Учительница внимательно посмотрела на меня, потом на Митяя.

— Вид у тебя, действительно, неважный. Иди, садись, на перемене сходи к врачу, — сказала Митяю Елена Васильевна. — Я тебя потом спрошу...

На перемене ребята окружили нас, стали спрашивать, что с Митяем.

— Ничем я не заболел, — отмахнулся от них Митяй и потащил меня в коридор.

— Никому пока не говори про моё открытие, — тихо сказал он, когда мы остались одни. — Оно ещё нуждается в проверке. Понял? Смотри не разболтай! — И пошёл умываться.

Вернулся он с мокрой головой.

— Ну вот, умылся и совсем себя хорошо чувствую, больше не засну.

И правда, до конца уроков он больше не спал, но глаза у него стали красные, как у кролика в нашем зооуголке.

После обеда я, как всегда, ждал Митяя, чтобы вместе готовить уроки, но он не пришёл.

Вечером я опять завёл будильник на семь часов и лёг спать.

Проснулся я оттого, что кто-то сдёрнул с меня одеяло.

Я открыл глаза. Это была мама.

— Вставай, соня, уже восемь часов, — сказала она.

— Восемь? — удивился я. — А будильник? Он же должен был зазвонить в семь.

— Он и звонил, — засмеялась мама, — да разве тебя разбудишь. А зачем тебе вдруг понадобилось вставать в семь?

— Это тайна, — сказал я важно.

— Ну, раз тайна... — И мама ушла.

Но я не мог утерпеть и за завтраком рассказал.

— Митяй открыл, — сказал я, — что если спать на час меньше, то за месяц сэкономишь тридцать часов, за год — триста шестьдесят, за десять лет — три тысячи шестьсот...

— И вы решили спать на час меньше? — снова засмеялась мама.

— Да, — говорю я. — А Митяй вчера даже на три часа раньше встал...

— Глупые вы, — вдруг стала серьёзной мама. — Ты сам запомни и Митяю своему расскажи, что недосыпать очень вредно, заболеть даже можно...

Митяя я встретил во дворе.

— Ты чего же вчера ко мне не пришёл? Я ждал, ждал. Ведь договорились!

— Понимаешь, какое дело, — смущённо говорит Митяй, — я вчера, как пришёл из школы, так и уснул. До самого вечера спал. И сегодня до восьми часов тоже спал. Будильник звенел, звенел в пять часов, всех разбудил, а я спал. Нет, видно, не выйдет на сне экономить...

— Выходит, ты вчера почти весь день спал? — удивился я.

— Выходит, так... — вздохнул Митяй.

Как мы с Митяем чуть навсегда не поссорились...

Мы с Митяем чуть навсегда не поссорились. Он первый начал, он в этом виноват. Из-за него я и двойку по истории получил.

А началось это так. Был урок истории. Меня вызвали. Отвечал я хорошо, и вообще я историю люблю. «Ну, — думаю, — порядок — пятёрку получу».

И вдруг мне Нина Родионовна задаёт вопрос:

— Скажи, Рыжов, чей вождь был Спартак?

Я даже растерялся. Стою, смотрю на неё. Про Спартака мы в начале года проходили. Тогда мы с Митяем уроки не учили, и я, конечно, ничего не помню. Вопрос-то из повторения пройденного. Чтё делать? Может, Митяй знает?

Посмотрел я на него, а он губами шевелит. Прислушался: «спартапцев» — слышу.

— Спартак был вождь спартапцев, Нина Родионовна! — громко выпалил я.

Все как засмеются. А я смотрю и ничего не понимаю. В чём дело?

— Ты в этом уверен? — спрашивает меня Нина Родионовна и тоже улыбается.

Я смотрю на Митяя, а он головой кивает: «Верно, мол!»

— Да, Нина Родионовна!

— Тише, ребята. — Нина Родионовна подняла руку. — А скажи, Рыжов, спартакиады—спортивные соревнования—тоже названы в честь Спартака?

Я опять смотрю на Митяя. А он головой кивает.

— Да, Нина Родионовна, — говорю, — в честь Спартака.

— А почему же? — спрашивает она серьёзно. — Разве он был спортсмен?

Митяй снова головой кивает.

Я и отвечаю:

— Он был самый лучший спортсмен в те времена...

— Может быть, даже мастер спорта, рекорды ставил?

— Был, Нина Родионовна...

— А в каком же виде спорта?

Откуда я знаю?

— Это когда его войско с горы спускалось, — говорю.

— Это что же значит, альпинист, что ли?

Митяй почему-то глаза закрыл, а головой снова кивает.

— Точно, альпинист, Нина Родионовна.

Тут и началось! Все как засмеются, да так, что, наверное, на всю школу слышно. Смотрю, и Митяй тоже смеётся, даже на парту грудью лёг. И Нина Родионовна смеётся.

Долго все смеялись, а я, как дурак, стоял возле доски и смотрел на них.

Потом Нина Родионовна вдруг стала грустная и говорит мне так негромко:

— Потряс ты меня знаниями по истории, Рыжов. Стыдно! Спартак был вождём гладиаторов. А спартанцы — жители Спарты. Понял?

И отдала мне дневник. А там вместо пятёрки — двойка! Это перед самым-то концом года!

Сел я за парту, чуть не реву от злости, а Митяй смеётся.

— Что же ты, — говорю ему, — головой кивал? Из-за тебя всё!

— Ой, не могу! Больно уж смешно было! — отвечает он.

Ему смешно, а мне...

Рассердился я на него очень. А тут ещё на перемене все меня дразнить стали, спрашивали, какой разряд был у Спартака и завоёвывал ли он первенство в Олимпийских играх.

— Я с тобой больше дружить не буду, раз ты так поступаешь, — говорю я Митяю. — Вот возьму и пересяду сейчас от тебя!

Митяй сразу смеяться перестал.

— Да что ты, — испуганно говорит он. — Не обижайся. Я же пошутил. Ну, давай в следующий раз ты мне тоже нарочно что-нибудь не так подскажешь. Пусть надо мной смеются.

— А что, — отвечаю я, — и подскажу. И двойку схватишь тоже. Будешь тогда знать, как врать.

Ну, в общем, ссориться я с ним не стал и пересаживаться тоже, а решил когданибудь отомстить.

Решил и стал ждать удобного случая. Долго ждать не пришлось.

Вызвали Митяя отвечать по русскому. Предложение он разобрал неплохо, а потом Марья Петровна стала спрашивать его старое, повторение.

Я сразу насторожился. «Ага! — думаю, — сейчас я тебе отомщу!»

— Назови мне падежи, — говорит Марья Петровна.

— Именительный, — бойко начал Митяй, — родительный, дательный, винительный... Потом этот, как его...

— Дурительный... — громко шепнул я, и сердце у меня даже ёкнуло от восторга. Сейчас я ему отомщу!

— Дурительный! — машинально повторил Митяй.

Как все засмеются! На всю школу опять.

Но Марья Петровна очень рассердилась.

— Что за хулиганство, Рыжов! — повернулась она ко мне. — Как тебе не стыдно! И ты, Чумаков, как попугай, повторяешь, что тебе говорят. Давайте ваши дневники!

Так мы с Митяем получили по двойке. Несправедливо. Прошлый раз ведь Нина Родионовна Митяю двойку не поставила, мне одному...

А на большой перемене новая неприятность. Подошёл к нам Костя и говорит:

— Ваши хулиганские выходки будем обсуждать на совете отряда. Достукались! Из-за вас наш класс в общешкольную газету попал и отряд могут лишиться звания спутника семилетки. Нам такие пионеры-хулиганы не нужны!

Совсем убитые возвращались мы из школы. Не думали, не гадали, что всё так получится.

Как мы с Митяем собирались бежать на Братскую ГЭС

Как-то на первой перемене отозвал меня Митяй в сторонку. Отошли мы в самый дальний угол, где нас никто не мог подслушать.

— Слушай, Колька, — говорит Митяй. — Нас в школе не понимают. Ты же не нарочно подсказал мне, а чтобы просто смешно было. И никакое это не хулиганство. Правда?

— Верно.

— Ну вот, знаешь, что я придумал? Давай убежим на стройку Братской ГЭС!

— Куда?! — Я даже рот раскрыл.

— В Братск, на стройку. Там, знаешь, какая сила...

Про эту ГЭС я тоже много слышал и читал, но бежать туда...

— Будем там работать, — продолжал Митяй, — получим специальность, деньги будем зарабатывать, домой посылать...

— А возьмут нас?

— Почему нет? Ученики везде есть.

— А школа как же?

— Школы и там есть. Будем учиться и работать. Днём — работать, вечером — учиться...

Я задумался. Правда, было бы очень интересно уехать туда. Но как же дом, школа, мама?

— ...И никаких тебе ни сборов, ни обсуждений, никто ругать не будет, — соблазнял Митяй. — А чтобы знали, что мы уехали работать, строить ГЭС, а не

просто сбежали, — письмо напишем заранее. И с вокзала пошлём.

— Это ты хорошо придумал, — согласился я. — А в отпуск приедем домой и в школу придём, на ребят посмотрим. Как они здесь без нас живут. Мы уже будем рабочими, а они всё ещё школьниками.

— Значит, решено, — Митяй заулыбался. — Ты молодец, настоящий друг, а то мне одному уж неохота было ехать. Вдвоём веселее.

— Конечно, веселее, — согласился я. — А как же мы поедём? Деньги нужно на билет!

— Мы зайцами поедём, это даже интереснее. Вот у Джека Лондона я читал, как бродяги в пустых товарных вагонах путешествуют, так и мы. Деньги нам нужны только на еду.

— Тогда давай собирать с сегодняшнего дня. Найди коробку какую-нибудь и складывай туда всё. И на завтраки, и на кино и всё другое — туда! — И я отдал Митяю двадцать копеек, которые мама дала мне на завтрак...

Так мы с Митяем решили бежать на Братскую ГЭС. За неделю мы скопили около двух рублей. Это совсем мало. Потом у нас ещё был резерв в виде бутылочек и банок, которые мы решили сдать накануне отъезда. Их было около двадцати штук. Резерв этот прятался в потайном месте — в ванной Митяя.

Немного жутко становилось, как подумаешь, что скоро уедем от школы, от ребят, от мамы.... Слезы сами навёртывались на глаза, но я крепился.

Однажды мы с Митяем шли в школу, он и говорит:

— Через неделю надо двигаться. А то чувствует моё сердце, скоро нас на сборе обсудят будут. Денег у нас хватит, банки ещё сдадим... Только вот упустили мы одну важную вещь — нам нужно закаляться!

— Как закаляться? — спросил я. — Зачем?

— Очень просто. Ведь нам там придётся и в палатках жить, и на земле спать. Вон как Суворов закалялся — спал зимой при открытом окошке, без подушки и одеяла.

— Ну, — вздохнул я, — что ты! Разве мама разрешит!

— Конечно, не разрешит, — согласился Митяй. — Тогда, по крайней мере, давай по утрам обливаться холодной водой.

Так мы и договорились.

Утром следующего дня я скорее побежал в ванную, пустил холодный душ и залез под него.

Ой, как было холодно! Я сразу замёрз, как сосулька. И сколько ни растирался потом — всё равно так и не отогрелся до конца.

— Ну, как? — спросил меня Митяй в школе.

— Закалялся, — ответил я. — До сих пор отогреться не могу.

— И я закалялся, — говорит Митяй, — тоже замёрз. Ну, ничего, привыкнем.

И стали мы закаляться каждый день. Постепенно привыкли и даже нравиться стало. Прошло ещё полмесяца, и ни Митяй, ни я разговора о побеге не заводили. Откровенно говоря, я даже рад был, что мы пока никуда не бежим. Обсуждать нас ещё не собирались. Жили мы спокойно и тихо.

Но рано или поздно мы всё равно бы убежали, если бы не мой язык.

Заспорили мы раз с ехидной Светкой, кто кем будет.

Она мне говорит:

— Я учительницей буду.

— А мы с Митяем, — похвастался я, — скоро поедим гидроэлектростанцию строить.

— Кто вас туда возьмёт? — рассмеялась Светка.

— Мы и спрашивать никого не будем, — говорю я. — Уедем и всё. Уже и денег на дорогу накопили, — сказал и сам испугался.

Светка даже с парты вскочила. Смотрит на меня во все глаза — вру я или нет. Потом поверила.

— Дураки вы! — говорит. — И ты, и Митяй твой! Делать ничего не умеете, а туда же. Будете только путаться под ногами да мешать всем. Надо сначала профессию получить, а уж потом...

— Мы там научимся, — говорю я уверенно.

— Дезертиры вы просто. — Светка уж меня и не слушает. — Испугались, что с вас галстуки снимут. Нахватали двоск, а теперь сбегаете...

— Ничего мы не сбегаете... — начал было я, но разве её когда-нибудь переспоришь.

— Дезертиры, дезертиры! — кричит. — Я вот Толе расскажу, он вам задаст!

— Подожди! — Я даже испугался. — Никому не говори! Мы, может быть, и не уедем никуда. Мне что-то и самому не хочется...

— Поклянись, что не поедете, тогда не скажу.

— Как же я тебе поклянусь, когда я ещё с Митяем не разговаривал? — возразил я Светке. — Вот я с ним потолкую, если уговорю, тогда не поедим. Ну, а если он твёрдо решил, тогда поедим... Ведь уже договорились, я ему обещал.

— Ну, смотри. — Светка мне пальцем погрозила. — Ты с ним сразу поговори и мне скажи. Понял?

— Понял. — Я вздохнул. Как это у меня вырвалось? Проболтался... Стыдно... А ехать и правда никуда не хочется. Как я там без мамы, без школы, без ребят... Да и Светка права — могут нас не взять, маленькие ещё, делать ничего не умеем. Кто нас учить будет? Там и взрослых рабочих хватает...

На следующей переменке я отозвал Митяя к окну и говорю:

— Дело труба! Светка узнала, что мы бежать собрались.

— Да ну? — Митяй даже побледнел. — Всем теперь растреплет. Придётся, значит, бежать. А я уж хотел предложить тебе до будущего года оставить...

— Ничего она не растреплет, — говорю я. — Обещала. Я тоже думал, что пока не стоит бежать в Братск, рано ещё.

— Конечно, рано, — согласился сразу Митяй. — Вот через два года, как закончим седьмой класс, тогда и поедим. Больше пользы принесём. Потом нехорошо получается — скажут: испугались обсуждения на совете отряда. Верно?

— Обязательно скажут! — согласился я. — Эта ехидная Светка первая...

— Значит, договорились. Это здорово, что у нас с тобой одинаковые мысли! — улыбнулся Митяй. — А на собранные деньги давай в кино сходим, ведь почти месяц не ходили...

На совете отряда нас так и не обсудили, забыли, наверное, или пожалели. Ведь у нас ни одной двойки нет.

И Светка молодец — никому ничего не рассказала. Так никто и не знает, что мы с Митяем чуть не убежали на Братскую ГЭС.

Вот и конец

Вот и конец. Мы с Митяем перешли в шестой класс. У нас в четверти только по одной тройке: у него — по русскому, у

меня — по арифметике. Не так уж и плохо. Бывает хуже.

Через неделю мы едем в лагерь. Светка едет с нами.

Митяй узнал и сморщился. А я говорю: «Ничего, пусть едет! Бывают девчонки гораздо хуже, с ней ещё можно дружить!»

Мама говорит, что за этот год я стал старше и, как она надеется, умнее.

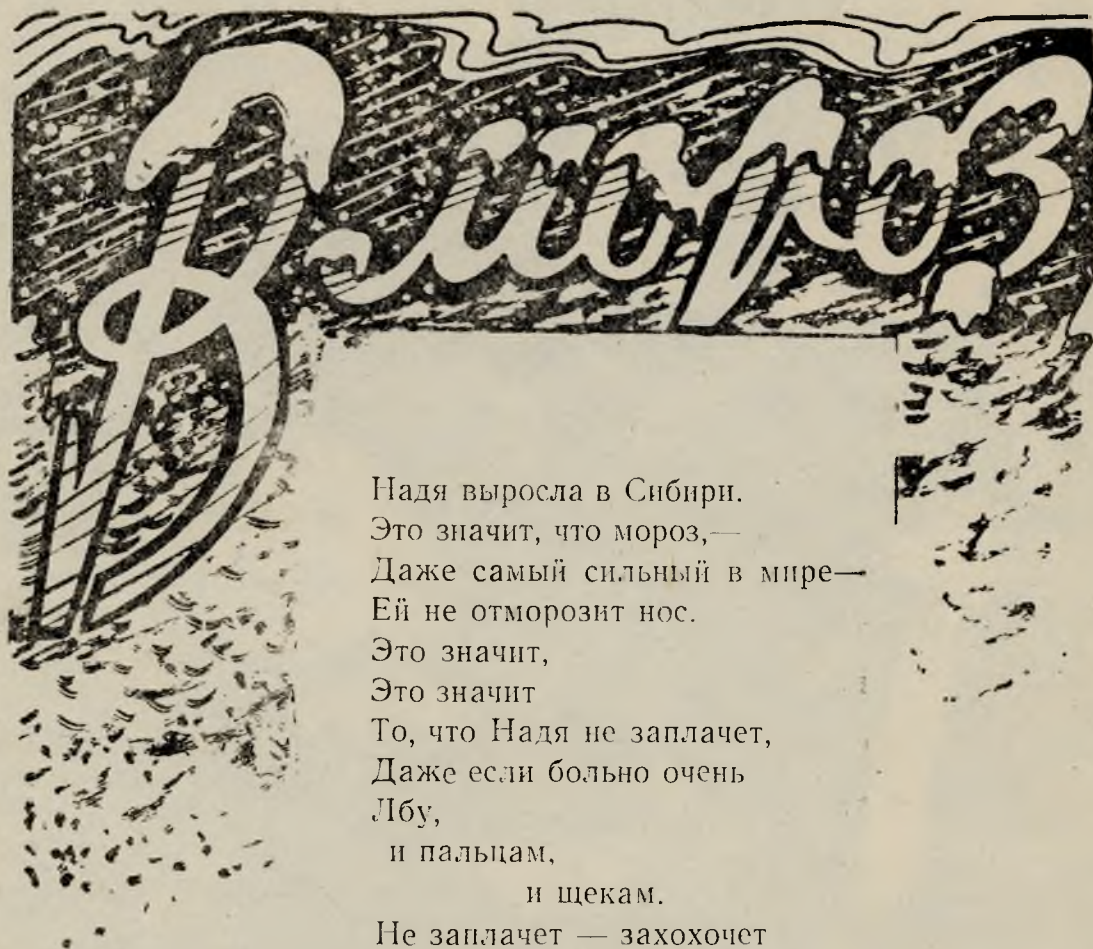
Это тоже совсем не плохо, правда?

Прилетайте — ждём!

Фотоэтиюд Ю. Чернышёва.

Надя выросла в Сибири.
Это значит, что мороз, —
Даже самый сильный в мире —
Ей не отморозит нос.

Это значит,
Это значит
То, что Надя не заплачет,
Даже если больно очень
Лбу,
и пальцам,

и щекам.

Не заплачет — захохочет
Назло северным ветрам.
И тогда устанут ветры,
И попятятся назад,
И за тыщу километров
От Тюмени улетят.
И заявят ветры дома:
— Надо, видно, отдохнуть.
Эту Надю всё равно мы
Не сумели ущипнуть...
Скажет самый главный ветер:
— Сдаться я, друзья, готов.
Видно, все в Тюмени дети
Не боятся холодов.

КАК МЫ СПАСАЛИ СЕРЁЖУ

Мы — это я и мой брат Вовка. Вовке пять лет, и он ещё глухой и немного жадный. Но когда мы вчера спасали Серёжу Нефедова, он здорово проявил себя.

Серёжа живёт с папой и мамой на одной площадке с нами. Родители его — дядя Володя и тётя Лида — очень любят Серёжу, и дядя Володя, когда приходит с работы, всегда гуляет с ним во дворе.

Иногда мы с братом ходим к Нефедовым играть. Серёжа говорит ещё плохо, но зато уже ходит. Однажды Нюся — Серёжиная няня — попросила нас посидеть с малышом, пока она сбегает в магазин. Мы стали играть в прятки и залезли с Вовкой в стеной шкаф. Серёжа нас очень долго искал. Он, наивно, несколько километров про-

шёл, пока не вернулась Нюся и не помогла ему нас обнаружить.

И вот вчера случилась такая беда, что нам с Вовкой пришлось спасать Серёжу.

Я готовил уроки и только стал укладывать тетради в портфель, как в дверь забарабанили. Это была Нюся. Она влетела в квартиру и сразу заплакала:

— Что я наделала! Серёженька один остался. Ой, что же делать?!

Вовка испугался и заревел. Бабушка усадила Нюсю на стул и попросила, чтобы она не плакала, а спокойно рассказала, в чём дело. Оказалось, что Нюся пошла на улицу снимать с верёвки бельё и захлопнула квартиру. Ключи остались в кухне на столе.

Бабушка схватила наши ключи, и мы все выскочили на площадку. За дверью у Нефедовых громко плакал Серёжа.

— Серёженька, — ласково заговорила бабушка, — не плачь, детка. Сейчас мы дверку откроем. Откроем её, плохую...

Бабушка волновалась и никак не могла сразу попасть ключом в замочную скважину.

Но наши ключи не подошли. Постучали к соседям — там никого не было дома.

Я быстро думал: что лучше сделать? Как спасти Серёжу? Жили бы Нефедовы на первом этаже — можно было бы залезть в квартиру через окно. Но ведь тут третий этаж!

— А у тебя газ выключен? — спросила вдруг у Нюси бабушка. — Ничего горячего на плите не стоит?

— Нет. Обед я ещё не готовила.

Бабушка заглянула в замочную скважину.

— Вот он, бедняжечка, в коридоре стоит. Серёжик, принеси, детка, ключики. Они в кухне на столике лежат...

— Елена Ивановна, — всхлипывая, сказала Нюся, — он ведь ещё ничего не понимает.

— Надо попытаться, — заметила строго бабушка. — Что же теперь делать? Может, не поймёт, так догадается, о чём его просят...

Бабушка заговорила с Нюсей, и я смог заглянуть в замочную скважину. Сначала я ничего не увидел. Только потом рассмотрел в коридоре плакавшего Серёжу. Я замяукал по-кошачьи. Но Серёжа не успокаивался. Тогда я залаял, как овчарка. И тут он замолчал. Его большие глаза испуганно глядели в

мою сторону. Вдруг он повернулся и молча зашагал в комнату.

— Серёжа в комнату пошёл, — сказал я.

— Ой, батюшки, — запричитала Нюся. — У меня там на балкон дверь открыта.

— Вот видишь, что ты надеялся? — сердито сказала бабушка. — Ну-ка, отойди... — Она оттолкнула меня в сторону и заглянула в скважину.

— Конечно, ушёл. Не надо было лаять...

— Вовка, — скомандовал я, — беги во двор и смотри, чтобы он не свалился с балкона на землю. Завлекай его!

Вовка побежал вниз.

Бабушка сказала Нюсе:

— Надо срочно позвонить Лиде.

— Но у меня даже двух копеек с собой нет.

— Ну что за разговор! Я сейчас дам.

Мы недавно переехали в этот дом, и телефона у нас пока нет. Когда нужно позвонить, все ходят за угол к телефону-автомату.

Бабушка ушла за монеткой, а я понёсся во двор.

Просунув голову сквозь железные прутья ограды балкона, Серёжа глядел на Вовку и заливался счастливым смехом. А Вовка... Вовка кувыркался на траве, как правский циркач. Он хлопал в ладоши, делал сальто-мортале, вскакивал на ноги и кричал: «Гоп!». Я подбежал и схватил брата за руку.

— Ты что делаешь?! Ведь он вывалиться может!

— Я — чтобы он не плакал, — обиделся Вовка. — Сам говорил, чтобы завлекать...

Серёжа заревел и стал просовывать через прутья руку — тянуть к Вовке. Ещё немного — и вывалится.

— Нельзя! — закричал я. — Вовка, беги за Нюсей!

Но вместо этого Вовка опять хлопнул в ладоши, перекувырнулся через голову и, вскочив на ноги, крикнул: «Гоп!» Серёжка засмеялся и даже отошёл от перил. Я удивился находчивости брата. Но тут Вовка ещё больше поразил меня. Он закричал:

— Серёжа, мама пришла!

Малыш оглянулся на дверь, повернулся и потопал в комнату. Я бросился в дом.

— Что ты будешь делать, — ворчала бабушка, роясь в своей сумке. — Как на грех, ни одной монетки нет.

— Бабушка, — сказал я, — у Вовки в копилке, наверно, много их есть.

— А где она у него? — спросила бабушка.

Я перерыл Вовкины игрушки, но его копилки — толстой глиняной кошки с узкой щёлкой на спине — нигде не нашёл. Я побежал на улицу и в дверях чуть не сбил с ног Вовку.

— Где копилка?

— Зачем? — оторопел тот.

— Монетку надо. Позвонить. Давай скорее!

— Не дам копилку! — решительно сказал Вовка.

Я возмутился:

— Серёжа в опасности — может упасть с балкона, может на себя что-нибудь уронить, а тебе жалко?

— Не дам! — упрямо повторил Вовка.

Тут вмешалась бабушка:

— Вовочка, я тебе потом много денежек дам. Нужно сообщить тётке Лиде, чтобы она с ключами приехала.

Вовка молчал, что-то соображая.

— Не надо, бабушка, ему больше вообще денег давать. Видишь, какой он жадный. Он и в прошлый раз, когда мне на марки не хватило, не хотел давать.

— Я потом-то дал тебе, а ты мне их не отдал.

— Подумаешь, каких-то семь копеек дал! Да отдам я тебе, отдам, не думай!

Вовка недоверчиво посмотрел на меня.

— Отдаст, отдаст, внучек, — сказала бабушка. — Я потом проверю.

— Только вы не смотрите, откуда я её достану.

Случайно я увидел, что Вовка залез под папин письменный стол и вытащил из-под батареи свою копилку.

Вовка долго тряс её, но, кроме белого порошка, из неё ничего не высыпалось. Я хотел помочь ему, но он ни за что не дал мне копилку в руки.

— Да скорей же! — закричал я.

— Сейчас, — сказал Вовка. — Ты говорил, что я жадный? Да?

И не успел я ничего сообразить, как он стукнул копилку об пол. Глиняная кошка разломалась, и из неё со звоном вылетело много мелочи. Я не ожидал, что Вовка так поступит. Всё-таки молодец он!

— Ничего. Купим другую, — сказала бабушка и погладила Вовку по голове.

Она выбрала монетку, дала её Нюсе, и та побежала звонить.

Вовка сидел на полу, надув губы, и молча собирал деньги в коробку

из-под леденцов. Мне стало жаль братишку. Я помог ему собрать мелочь и потом подарил деревянную саблю, которую недавно выменял у Славки Бочкарёва. Вовка сразу просиял, и мы с ним снова пошли на площадку.

Возле дверей Нефедовых сидела усталая бабушка. Время от времени она заглядывала в замочную скважину и пела песенку про котамурлыку.

— А что Серёжа делает?— спросил я бабушку.

— Да что делает: ходит-бродит, песенку слушает.

Бабушка позвала:

— Серёженьк-а-а!..

В квартире Нефедовых было тихо.

Вовка сбегал во двор и, вернувшись, сообщил:

— На балконе его нет.

Вдруг возле самой двери что-то звякнуло и, забренчав, покатилося. Было похоже, как будто на пол упала консервная банка. И опять ничего не слышно.

Бабушка заволновалась:

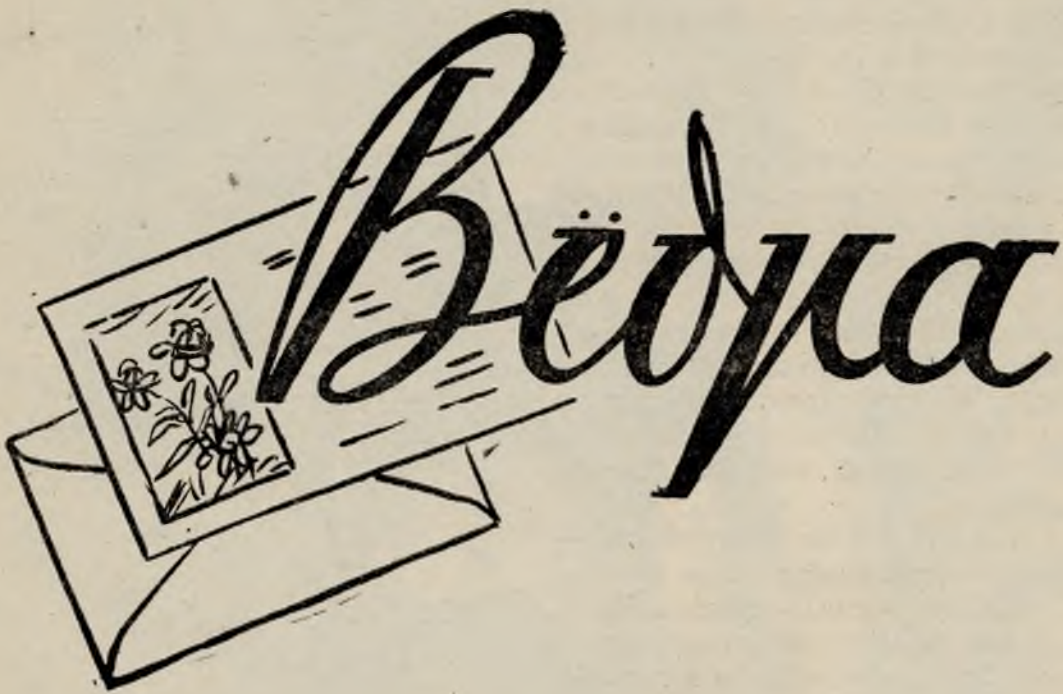
— Хоть бы Лида скорей уж пришла...

И только она это сказала, как внизу, в подъезде, послышались голоса, и, запыхавшись, наверх поднялись тётя Лида и Нюся. Тётя Лида была бледная, а Нюся, наоборот, вся красная, как мой галстук.

Щёлкнул замок. Когда мы все заскочили в квартиру, то увидели, что Серёжа цел и невредим. Он сидел на полу возле открытых дверок стенного шкафа. Вокруг него были разбросаны туфли, галоши, обувные щётки, банки с кремом, которым ботинки чистят. Наверно, Серёжа думал, что мы с Вовкой опять спрятались от него в шкаф, и искал нас.

Когда бабушка рассказывала тётя Лиде, как мы с Вовкой спасали Серёжу, тётя Лида весело смеялась. А потом похвалила нас и сказала, что мы настоящие герои — не оставили человека в беде.

Сначала я сказал, что Вовка глупый и немного жадный. Теперь думаю, что это, пожалуй, не так. Вовка не глупый и совсем не жадный. Я так говорю не потому, что он мой брат.

Не так легко подыскать подарок дочке, когда завтра ей исполняется десять лет. Надо найти что-то такое, что было бы и приятно, и полезно. В перерыв мама озабоченно прошлась по магазинам. И вдруг её глаза устремились на пару блестящих маленьких вёдер. Вот это подарок!

На следующий день мама торжественно вручила имениннице вёдра вместе с коробочкой конфет «Золотой ключик». Вёдра были, словно серебряные, и сверкали ничуть не хуже обрадованных глазок хозяйки, как будто были довольны, что ими любят сразу две девочки: тоненькая белокурая Лена и её подруга Валя, кругленькая, с узкими чёрными глазками.

Девочки напились чаю с именинным пирогом и весело перегляну-

лись: водопроводная будка была совсем близко — через мостик.

— Только, пожалуйста, если вздумаете бежать за водой, переоденьтесь, — проникла в их тайные замыслы мама.

Мама собралась и ушла на работу, папа отправился в дровяник укладывать привезённые дрова.

— Знаешь, Валя, — заговорила Лена, — сегодня мы с мамой к Татьяне Андреевне заходили. Она опять болеет. Соседки ей помогают, да ведь они старушки... Вот бы кому воды наносить!

— Давай! — согласилась Валя. — Кадочка у ней во дворе стоит.

— Только тихонько, чтобы она не слышала...

Чуть свечерело девочки взяли по ведёрку и побежали к будке. Сень-

ка, Ленин братишка, подметал у крыльца.

— Это куда вас, девчонки, понесло, да ещё с вёдрами?— поинтересовался он.

— Молчи, Валя! — зашептала Лена. — Уж этот Сенька всегда всё видит. Молчи, будто не слышим.

И подружки быстро завернули за угол.

Медленно, боясь расплескать воду, шли они по берегу. Вот и дом, где живёт Татьяна Андреевна. Бесшумно отворив калитку, девочки прошли по тротуарчику и вылили воду в кадку. Потом сбегали ещё и ещё, и кадочка наполнилась до краёв.

— Где это вы так долго были?— встретила их Ленина мама.

— Да мы, мама...—начала Лена.

— Мы в одно место ходили,— закончили девочки разом и покосились на Сеньку. Вот сейчас вяжется и начнёт допытываться. Но Сенька читал «Всадника без головы», и никакого дела ему не было до девчонок.

— Мамочка! Сейчас я тебе всё расскажу,— лежа в постели, таинственно заговорила Лена.— Это мы Татьяне Андреевне воду носили. Только, пожалуйста, Сене не говори. А то он всем разболтает, и Татьяне Андреевне расскажет, а она нас благодарить начнёт.

— Хорошо, дочка, не скажу. Спи, спи. Завтра ведь тебе рано вставать.

Прошла неделя. Как-то в сумерки, незадолго перед Первым мая, подружки наполнили кадочку и довольные возвращались домой. И вдруг... почтальон принёс несколько открыток. Были тут и мальчики с флажками, и девочки с цветами, и

счастливые улыбающиеся мамы. На одной открытке стоял адрес: Лене Петровской и Вале Крюковой. А дальше: «Спасибо за помощь, милые девочки! Скоро приду сама и поздравлю вас с праздником. Тётя Таня».

— Ага, девчонки, всё понятно!— торжественно закричал Сенька. — Я давно замечаю, что вы куда-то воду таскаете новыми вёдрами!— Сенька присвистнул и, захватив гилу, побежал в сарай. Там они с Юркой сколачивали для Дружка конуру. А вечером, увидев, что папа не успел прибрать все дрова, мальчики взялись за работу. Живо уложили они дрова в поленницу и двор подмели.

— Ну вот, пусть знают девчонки, что не одни они про Тимура читали!

В детской библиотеке.

Фотоэтиюд М. Рогожнев.

Шурка ОРЛЁНОК

Ефим Ружанский

Шурка Орлёнок — четырнадцатилетний мальчик с большими выразительными голубыми глазами и каштановыми кудрями, широкогрудый и мускулистый — появился на нашей улице летом, когда красные отряды изгнали из города очередную банду беляков.

Кто он, откуда взялся? Это не интересовало тогда никого из обитателей нашей улицы.

Дело в том, что наш рабочий посёлок, отделённый от города большим пустырьём, находился близко от привокзального района, откуда с прибывающих поездов к нам попадали беспризорные подростки, разъезжавшие тогда по стране в надежде найти сытый край. Против нашей улицы, которая правильней называлась Кузнечным рядом, на пустыре, был каменный, разрушенный снарядами амбар, где обычно ютились бездомные.

Сюда в июльский вечер с вокзала попал и Шурка. Ему хотелось есть, но, чтобы заглушить голод, он решил лечь спать. Облюбовав место в углу, где валялась соевшая солома, Шурка прилёг, уткнулся носом в ватную шапку, которую носил и в жару, так как она нередко служила ему подушкой. Под бок подсунил торбу и, плотнее запахнувшись широким и длинным пиджаком, доставшимся ему в наследство от отца, стал засыпать. Но в это время он почувствовал толчок в спину. Шурка приподнялся, сел. Перед ним стоял парнишка лет пятнадцати—шестнадцати, высокий ростом. У него были взлохмаченные чёрные волосы и не то загорелое, не то грязное лицо, на котором блестели чёрные глаза. Улыбаясь, парнишка снова пнул Шурку и спокойно приказал:

— Хоть ты и Орлёнок, мотай отседова!

Шурка пришёл в себя и, не вставая, спросил:

— А почём знаешь меня? И чё это ты меня гонишь?

— Псчём? По рублю за фунт сушёных. Сам же на руке наколол: «Орлёнок». И орлёнка нарисовал. Здорово получился!.. А с моего места мотай! И запомни: я — Савка Замурза! Меня тут все боятся...

Парнишка угрожающе надвинулся на Шурку, но, видя, что тот и не думает сопротивляться, только насупилсЯ и, толкнув его кулаком в рёбра, пробурчал:

— Нехай так... Лежи. Только подвинься трошки, а то тут крыша дырявая...

Обидно Шурке до слёз, но он знал: надо стерпеть, не то совсем на улицу могут выгнать. Он долго не мог заснуть. Зато во сне... Во сне чего только не бывает: вот он вроде уже вырос, окреп и вернулся в Знаменку, нашёл на станции Сеньку Вариводу, того самого, который насильно наколол ему рисунок с надписью на руке. Теперь Шурка ему отплатит. Он, тоже насильно, раскалённой иглой и тушью выколет на руке Сеньки самое обидное для парня слово — «дура»... А вот уже Шурка вернулся в свой родной рабочий посёлок на далёком Зауралье и встретил там того самого одноглазого колячковского офицера, который расстрелял его отца. Шурка сильной рукой схватил убийцу за горло, а тот задыхался, просил: «Не губи, Александр Иванович! Не убивал я твоего отца, жив Иван Орлов. Я его только ранил тогда...» Но Шурка хорошо помнит, как в каменном карьере одноглазый белый офицер лично расстрелял трёх рабочих, в том числе и отца. Мальчик сидел тогда за глыбой камня, а когда отец упал, вскрикнул. Офицер увидел Шурку, схватил его, потащил за уши. Узнав, что мальчик — сын Орлова, сказал солдату: «Всыпать этому Орлёнку как следует». Но когда офицер ушёл, солдат снял с отца пиджак, стряхнул пыль и, протянув его Шурке, сказал: «На, малыш». Затем подтолкнул слегка Шурку и добавил: «Надо уходил, малыш...» Это был чешский солдат — один из тех, кто отказался стрелять в рабочих. Тогда одноглазый офицер сам стал расстреливать приведённых в карьер. Он убил и Шуркиного

отца. А теперь отказывается. «Нет уж, не обманешь... Подыхай, гад!» — крикнул Шурка и... проснулся.

Оказалось, он проснулся раньше всех. Савка Замурза лежал рядышком, скрючившись, и храпел. Осторожно, чтобы не разбудить его, Шурка встал и вышел на улицу. С одной стороны, за пустырьём, был виден ряд домов, в передней части которых помещались кузнечные мастерские, с другой стороны — широкая дорога, через базар она вела в город.

Куда пойти, чтобы добыть кусок хлеба? «Надо подождать и посмотреть, куда пойдут остальные», — решил он.

Вскоре «жилыцы» разрушенного амбара стали просыпаться и, немывые, в лохмотьях, зашагали в сторону городского базара. С ними смешался и Шурка, словно бы он жил среди них давным-давно...

И всё-таки Шурка вскоре обратил на себя внимание детворы окраины. Поболтавшись по базару и не найдя там даже гнилого яблока, он вернулся в Кузнечный ряд. Против крайней избы, где женщина месила кизяк, Шурка остановился и спросил:

— Теть, а теть, не надо ли помогчи? Чё надо сделаю, ты только мне поись дай.

Женщина глянула на него из-под ладони, которою заслонилась от яркого, горячего южного солнца, и вздохнула:

— У меня, хлопчик, у самой таких двое... Не знаю, як их прокормить... А ты, значит, безродный, хлопчик? Ох, несчастный.

В это время прибежали её «хлопчики» с полными вёдрами воды. Оба загорелые, с соломенными волосами, подстриженными «под горшок», они казались близнецами. Остановившись возле Шурки, ребята осмотрели его лохмотья, ватную шапку и пропели ему над самым ухом:

Безпритульни и цыганы —

Конокрады, уркаганы —

Геть, геть, геть!..

Шурка понял, что мальчишки относятся к нему недружелюбно, однако не обиделся, так как женщина накричала на них, а ему сказала:

— Пошукай, сынку, работу у ковалей наших: у Миколая чи у Гдалия — ихних сынов беляки порубали...

Мальчишки, всё ещё недоверчиво поглядывая на новичка, повели его к хате кузнеца Гдалия.

Гдалий, невысокий и коренастый старик, прищурил свои выгоревшие у горна серые глаза и сказал Шурке:

— Хочешь работать? Странно. Беспорядочники любят ездить «зайцем» и искать лёгкой жизни. А тебе—подавай работу... — Он потрогал Шуркины крепкие плечи и потеплевшим голосом добавил: — Ох, боже! Если бы белые не уби-

ли моего Михаила, работал бы он со мной... Что ж, мальчик, будешь мне помогать! В кузнице, да ещё летом—трудно. Не боишься?..

Шурка засиял весь и крикнул:

— Мы, дяденька, сибиряки, мы ничего не боимся, дяденька...

— Гдалий зовут меня, — подсказал кузнец и спросил: — А тебя, сибиряк, как звать? Знакомиться так знакомиться! Шурка Орлёнок? Почему Орлёнок? Ага, по-настоящему Орлов. Так вот, Шурка, зайди во двор, там тебя моя старуха Ида покормит. Потом придёшь сюда, потолкуем.

Шурка пошёл во двор, а хлопчики — десятилетний Ивасик и двенадцатилетний Стёпа — побежали к соседским ребятам сообщить новость:

— На нашей улице появился Орлёнок!

Старшие ребята засомневались:

— Голуби у нас водятся, это да. А орлят не бывало.

Ивасик пытался объяснить, его поправлял старший брат Стёпа, а в общем понять их было трудно.

— Он у Гдалия во дворе...

— Он же нелетающий, он—как мы...

— Ну, Шурка Орлёнок... Беспорядочник.

Когда ребята разобрались в чём дело, Митька Япончик (так его прозвали за узкие глаза и длинные зубы), старший среди уличных драчунов, выступил с угрозой:

— Беспорядочник? Значит, будет воровать по дворам. Его надо поколотить и выгнать отсюда.

Ребята молчали, и только Ивасик возразил:

— А он не воровать, он у Гдалия в кузне будет работать.

— Понимаешь ты много, шкет. Помалкивай лучше, — шикнул на него Митька.

Шурка в это время, ничего не подозревая, с аппетитом ел пожелтевший на солнце нарезанный огурец, густо покрытый крупной солью. Ломоть ржаного хлеба, поданный ему женой кузнеца тётей Идой, он разломил надвое: одну половину съел, вторую спрятал в карман. На закуску выпил стакан варенца, который на Украине называют ряженкой, и пошёл в кузницу.

— Ну, как, заморил червячка? — спросил его Гдалий и, не дожидаясь ответа, продолжал: — С едой, хлопчик, у нас теперь туго. Сколько белых банд, и все проходят и отбирают продукты, скотину. Но не унывай, в обед борща покушаешь, сыт будешь. А пока возьми вёдра, принеси воды из колодца — надо уголь полить, чтоб спекался лучше, а то он, как пыль, из горна вылетает.

Шурка кивнул, схватил вёдра, выбежал на улицу и вдруг остановился, не зная, куда идти, где колодец. На траве за пирамидой кизяков он увидел ребят, но подойти и спросить у них не решился, по опыту зная, что задираться начнут. Однако его заметили. Кто-то свистнул и позвал рукой. Нет, нет! Надо принести воды, надо работать, люди хорошие попались, надоело ездить на крышах поездов и валяться в развалинах. Шурка помнил отцовские слова: «Рабочий человек всегда в почёте. Вся жизнь только на труде и держится». Шурка не хотел теперь никаких драк. Он свернул за угол дома, решив спросить у кого-нибудь из взрослых, где тут берут воду.

Шурка прошёл несколько домов и никого не встретил. Вдруг из ворот вышла девушка с вёдрами. Шурка — за ней. Но не прошёл он и ста шагов, как перед ним появились какие-то ребята.

Узкоглазый, с полуоткрытым из-за больших зубов ртом, Митька Япончик (а это был он) загородил ему дорогу.

— Пстой! — угрожающе сказал он. — Украл, а теперь удочки сматываешь? Все вы такие, беспризорники. Отдай вёдра и топай отсюда, ну!

Шурка не сдвинулся с места. Слёзы обиды подступили к самому горлу и душили. Ивасик, стоявший с братом в стороне от Митьки Япончика и двух его дружков, пропищал:

— Не трожь его, Митька! Ничего он не воровал.

Но это на Япончика не подействовало. Пальцем шёлкнул он Шурку по носу и презрительно процедил сквозь зубы:

— Тоже мне, Орлёнок нашёлся. Ты не Орлёнок, а дохлый цыплёнок. Ну, отдавай вёдра и чтоб больше духу тут твоего не было!

Япончик протянул руку за вёдрами, но получил от Шурки такого пинка, что отлетел на несколько шагов и упал.

Митькины дружки кинулись на Шурку с двух сторон, Шурка замахнулся на них вёдрами, и нападавшие быстро отскочили от него. Только Митька, поднявшись с земли и держась одной рукой за ушибленный бок, медленно надвигался на своего противника.

— Уходи, гад! — нервно крикнул Шурка и сразмаху ударил Япончика по кулаку ведром, да так, что в ветхом проржавевшем ведре образовалась дыра.

Митька завизжал и, увидев кровь на руке, стремительно помчался прочь, а за ним — дружки. Отбежав к лужице, Япончик стал отмывать кровь с ссадины.

— Ну, попомнишь меня! — крикнул он Шурке.

Да, было над чем задуматься Шурке: не успел поработать, а ведро уже испортил. Воды и то не принёс. Как тут вернуться в кузницу? Да и Япончик в покое не оставит. Выходит, опять надо в амбаре ночевать, в жару по базару шататься, харч искать...

Он спрятал вёдра в высоком бурьяне и направился к базару.

Шумно илюдно стало на базаре. Появились крестьянские повозки с овощами и фруктами. Возле одной из них, где шла бойкая торговля, Шурка увидел своего соседа по ночлегу Савку Замурзу. Он действительно был всегда, как говорят на Украине, замурзанный — грязный. Савка подмигнул Шурке, подозвал к себе и шепнул:

— Тащи торбу с яблоками, я её с воза сбондил. Ну, поживей же, Тютя!..

И не успел Шурка ответить, как в его руках оказался тяжёлый мешочек, похожий на наволочку. Осталось одно: прикрыть его полой своего длинного пиджака и уйти поскорей, чтоб не заметили и не избили. В конце фруктового ряда Шурка сел в тень, под навес пустого рундука, куда вскоре пришёл и Замурза.

— Вот и пообедаем сегодня, Тютя! — сказал Замурза незлобно.

Тютями он обзывал всех, подразумевая под этим словом человека неповоротливого, неуклюжего, неумелого. Себя же Савка считал самым ловким и удач-

ливым, хотя и ему часто влетало, когда попадался.

Шурка промолчал. Есть ещё не хотелось. А Замурза, раскрыв мешок-наволочку, увидел отборные большие яблоки и восторженно закричал:

— Ох и лафа какая! Вот это здорово! Такие яблоки сразу в ход пойдут, на что хошь обменять можно: и на макуху, и на хлеб даже! Давно я хлеба не ел. А ну-ка, попробуй поменять у торговков!

Но Шурка и с места не сдвинулся.

— Не пойду я. И обедать рано. А есть хочешь, возьми вот: — И он протянул Замурзе краюху житного, вкусно пахнувшего хлеба.

Замурза с жадностью посмотрел на хлеб и, всё ещё не веря, что это ему, с удивлением спросил:

— Где сбондил?

— Не сбондил, а заробил, — с нотками гордости в голосе ответил Шурка.

Вдруг он умолк, словно споткнулся. В голове мелькнула мысль: «Поесть-то поел у Гдалия и ещё хлеба прихватил, а ничем ему не помог. И ведро прохулил. Не годится так. Надо вернуться... А как вернёшься, без вёдер? Да ещё Митька Япончик грозился искалечить. У него ж дружки, а Шурка один...»

Его мысли перебил Савка Замурза:

— Где ж ты нанялся?

— У кузнеца Гдалия, в ряду третий с краю, — ответил Шурка и опять задумался: вернуться, нет ли...

А Савка над ним посмеивается:

— Рабочничек... Брось это! Махнём-ка лучше в Одессу. Там, знаешь, как слободно! На пароход шуганём и — по всему свету! Чи струсил?

Шурке, конечно, хотелось бы по свету на пароходах плыть, и вовсе он не боялся скитаний, привык уже к ним. Страшней было встретиться с Япончиком. Нелегко и в кузнице робить. Об этом он и рассказал Савке Замурзе.

— Аппетитно вгрызаясь в сочное яблоко крупными белыми зубами, Савка слушал рассказ, потом сказал:

— Ясно, спугался в Одессу... Работо-о-таты!... Нема дурных!.. Я б не стал... А Япончика нечего бояться... И ведро — пустяк: старое было... Только лучше поехали со мной... Слободный будешь... Со мной не пропадёшь.

Слушал Шурка своего нового дружка, а сам думал: «Если не вернусь в кузницу, будет Митька Япончик язык чесать: сдрейфил Шурка, трус он, а не орлёнок, пятки показал... А Гдалий сразу поверил Шурке, накормил. Что же он теперь подумает о нём?.. Нет, будь что будет, а Шурка вернётся в кузницу!»

— На, Савка, забери! — протянул он дружку мешочек с яблоками и решительно зашагал в сторону Кузнечного ряда.

Замурза понял, что Шурка с ним не пойдёт... А жаль. Выходит, вовсе не Тюнтя он, а смелый шкет, если решил вернуться туда, где ему угрожали расправой. Хорошим дружком был бы в дороге Шурка Орлёнок... А может, ещё удастся его уговорить?..

* * *

Через полчаса, отыскав спрятанное в бурьяне уцелевшее ведро, Шурка пошёл к колодцу. Осторожно стал поднимать на журавле ведро с водой. «Что ж, скажу всю правду Гдалию. А за погубленное второе ведро отработаю!» — решил он и уже смело стал пересекать пустырь, направляясь к кузнице Гдалия.

Шурка шёл размеренным шагом, чтобы вода из ведра не расплёскивалась, и думал об одном: оставит его у себя кузнец или выгонит? Если выгонит, он попытается наняться в другую кузницу, а не получится, тогда, наверно, придётся опять куда-то переезжать. Может, лучше сразу уехать? По крайней мере, не один, а в компании с Замурзой.

Незаметно для себя Орлёнок подошёл к кузнице, возле которой стояли две повозки. У порога его встретил Гдалий. Не спрашивая о втором ведре, о двухчасовом отсутствии, старик, словно бы ничего не произошло, сказал:

— Смочи уголь и выходи на улицу, поможешь мне коня подковать, норовистый попался.

Шурка удивился: кузнец ни о чём его не расспрашивал, не попрекал. На душе у паренька стало легко. Он с благодарностью посмотрел на старого, но ещё крепкого Гдалия, затем быстро пошёл в кузницу — выполнять поручение. Смочив уголь, Шурка вышел на улицу. Возле конюшни стояла лошадь, к одной её ноге была привязана верёвка.

— Держи вот, — сказал Шурке кузнец, протягивая ему верёвку и зажимая коленями лошадиное копыто. — Если сильно задёргает, ты верёвку за столбик заведи, легче держать будет.

Шурка с большим старанием выполнял все указания мастера и внимательно присматривался к его работе. Мальчишка удивляло, что невысокого роста, уже старый кузнец смело хватается за ногу норовистого коня, вступает с ним в борьбу и в конце концов побеждает: конь становится смирным, и кузнец спокойно расчищает копыто, прибывает подкову. «Вот бы мне таким стать!» — думает Шурка и решает: «А что? Подучусь у него и таким же буду!»

День выдался жаркий, Шурка вспотел. Он носился взад-вперёд, раздувал меха, но не чувствовал усталости — ему хотелось, видимо, заглядеть свою вину перед кузнецом. А может быть, ему так понравилась работа?

Во всяком случае, когда мастер доверил Шурке бить кувалдой по шине, которую «натягивали» на колесо, Шурка так увлёкся, что ничего не замечал вокруг. Правда, ему однажды показалось, будто за повозками мелькнула чья-то фигура. «Не Япончик ли?» — подумал Шурка с тревогой. Но скоро забыл об этом.

* * *

После вкусного украинского борща, приготовленного женой кузнеца, Шурка сбегал в амбар за торбой, заменявшей ему и чемодан и матрас. Савки не было.

Отдохнув немного и снова почувствовав себя полным сил, Шурка вернулся в кузницу.

К вечеру жара спала и работы стало меньше.

— Что ж, хлопчик, принеси водицы, да и отдохнуть. Спать в боковушке можешь, во дворе. Там тебе Ида постель устроила. Ну, бери ведро и шагай, — сказал кузнец.

«Бери ведро, — отметил про себя Шурка. — Значит, он обратил внимание на то, что я пришёл только с одним ведром, а ничего мне не сказал... Хороший он, наверно, человек...»

Шурка заглянул под верстак, где утром оставил ведро, и вдруг увидел там ещё одно — совсем новое. Он вытащил оба ведра и с удивлением посмотрел на кузнеца, словно спрашивая, откуда взялось новое ведро. Но этот же вопрос мальчишка прочёл и в глазах Гдалия.

Из-под кустистых бровей недобро смотрел на Шурку старый кузнец. Затем, отделив каждое слово, коротко сказал:

— Зачем украд ведро? Мне краденого не надо. Запомни это, хлопец, если хочешь у меня работать.

— Дяденька Гдалий, — с искренней обидой в голосе произнёс Шурка, — я не крадл.. И не знаю, откуда оно взялось. А старое... Митька Япончик на меня наскочил, так я...

— Знаю, — перебил его старик, — про старое ведро знаю, мне Ивасик и Стёпа Голубенковы всё рассказали. А ты мне лучше не брешь, признайся, где новое своровал и зачем его сюда принёс?

— Не воровал я его, не воровал, — упорно повторял Шурка.

— Что же, оно само прискакало? Чудес, хлопец, не бывает. Лучше прямо скажи! — отрезал кузнец.

— Не воровал я, дядя Гдалий, — снова горячо повторил Шурка, но, видя, что кузнец ему не верит, вдруг замолк и словно обмяк весь. Он сел на круг, на котором ещё недавно ремонтировал колёса, и, потупившись, молчал.

Молчал и Гдалий.

— Значит, не верите? — резко поднявшись и глядя прямо в глаза кузнеца, спросил Шурка.

— Как можно? Я ведра не покупал. Откуда же оно, откуда?

Шурка ничего не мог ответить, на глазах его блеснули слёзы. Он рванулся с места и побежал через пустырь к амбару. Там он встретил Савку Замурзу, но разговаривать с ним не хотелось. Он пошёл в угол, где ночевал, лёг на редкую солому, подложил под голову шапку и пожалел, что унёс свою торбу.

В голове у Шурки один и тот же вопрос: «Зачем понадобилось Гдалию выдумать такое, будто я ведро краденое притащил? Сам, наверно, купил... Нет, старик же сказал: «Я ведра не покупал». Откуда оно взялось?.. Эх, а я-то думал, что кузнецом стану... Интересно как: летят кругом искры, а тебе всё нипочём! Целый дождь искр обрушивается на фартук, на голые руки — не беда! Искры быстро гаснут, а боль небольшая, стерпится, на то ты и кузнец... Но теперь всё пропало. Гдалий меня вором считает... Ну как ему докажешь?..»

Эти тяжёлые мысли прервал Савка. Он неслышно подошёл к Шурке и спросил:

— Ты чего засумуval, Тюнтя? Опять с Япончиком стыкнулся? Чи коваль тебя обидел, а?

В голосе Савки Шурка почувствовал теплоту, хотя дружок и обозвал его Тюнтей. И Шурка, такой всегда замкнутый и неразговорчивый, рассказал ему и о своей мечте стать кузнецом. и о том, как

всё разрушилось из-за нового ведра, неизвестно как попавшего в кузницу.

— Значит, старик тебе не поверил? — спросил Савка, загадочно улыбаясь.

— Нет, ни капельки, — угрюмо ответил Шурка и, не понимая Савкиной улыбки, добавил:

— И тут не до смеху...

— А ты в запарку не лезь. То ж я ведро притарабанил в кузню.

— Как ты? Когда?

— А так. Когда ты на улице колесо справлял.

— Так это ты за повозками проходил?

— Ясное дело, я. А то кто ж?

Шурка оживился, заулыбался:

— А я вроде кого-то заметил. Думал, это Митька Япончик крадётся.

Но вдруг опять потух:

— Эх, ладно, теперь уже всё равно.. Не поверит мне старик.

— Ясное дело, тебе не поверит. А мне поверит. Айда к нему вместе. Ну, потопали!

Шурка вскочил на ноги, и дружки побежали, перепрыгивая через канавы и кусты репейника и бурьяна...

Кузнец выслушал Савку, затем спросил его:

— Где ж ты взял ведро?

— Эге, дяденька, далеко взял, а где взял, там его уже нема...

— Значит, украл? Дружка хотел выручить — это добре. А вышло, что навредил ему. Так вот, друже, отнеси ведро туда, где взял.

— Не, не могу: принесу обратно, спасибо не скажут, а кости поломают. Спасибочки вам! — И Савка неуклюже поклонился, как клоун в балагане.

Гдалий подумал и сказал:

— Добре, пусть остаётся... Но чтоб такое больше не повторялось!

Шурка обрадовался, он понял, что слова «пусть остаётся» относились и к нему. Это понял и Савка. Он подошёл к Шурке, похлопал его по плечу и, широко улыбаясь, сказал:

— Ну, бывай! Главное, не дрейфь! Не положено тебе трудного дела бояться. Ты ж Орлёнок!..

И Савка ушёл не оборачиваясь. А Шурка Орлёнок смотрел ему вслед и думал о том, что Савка совсем не такой чёрствый, каким он ему казался внача-

ле. Что вот он, Шурка, опять остался в одиночестве... Впрочем, нет, не в одиночестве, — с ним рядом взрослый, добрый кузнец Гдалий, за Шурку будут и братья Голубенковы... А с Митькой Япончиком ему ещё придётся столкнуться не раз... Что ж, ничего! Не больно-то испугался он Япончика. Прав Савка: главное — перед тяжёлой работой не дрейфить!..

И Шурка, сложив ладони дудочкой у рта, крикнул вдогонку Савке:

— Са-а-вка-а! Мы сибиряки-и! Не сре-ей-фим!..

Савка, уже вдаль, остановился, помахал шапкой, затем снова зашагал, но не к амбару, а в сторону вокзала.

Быстро сгущались сумерки украинского вечера, на тёмно-синем небе замелькали звёзды, ветерок приятно охлаждал разгорячённое тело Шурки. Он долго ещё смотрел в ту сторону, куда ушёл Савка, хотя его уже не было видно, и думал: жаль с дружкой расставаться, да и от добрых людей уходить неохота...

Очерк

И. Давыдов

Посылка из каменного века

— Вот, брат, какая она — сибирская-то тайга! — сказал Костя, когда они с Лёнкой подошли к опушке леса. — Смотри, любуйся! Ты в своей Москве такого не увидишь!

— Ну, и ничего особенного в вашей тайге нет. — Лёнка пожал плечами. — Лес как лес. У нас под Москвой таких лесов сколько хочешь. Даже совсем дремучие есть.

— Подожди хвастаться, — остановил его Костя. — Тайга, она себя не сразу показывает.

На опушке, среди валежника, Костя выбрал прочный сосновый сук, обрезал с него перочинным ножом высохшие ветки и, помахав палкой, сказал:

— Ну, брат, айда в тайгу!

Лёнка на всякий случай вынул из кармана компас, посмотрел на него и установил, что опушка, а следовательно, и го-

род Тобольск, из которого ребята пошли в тайгу, находятся на западе.

После этого мальчики углубились в лес.

Костя все свои двенадцать лет прожил в Тобольске, никуда из него не выезжал и обычные железнодорожные паровозы с вагонами видел только на картинках да в кино, так как до Тобольска железная дорога ещё не дошла, и от ближайшей железнодорожной станции этот город лежит почти в трёхстах километрах. Зато Костя прекрасно разбирался в марках самолётов, которые почти каждый день летали над городом, и знал, как он говорил, «в лицо» и «по голосу» чуть ли не все пароходы и буксиры, которые ходили мимо Тобольска по могучим сибирским рекам Тоболу и Иртышу.

Лёнка приехал в Тобольск на летние каникулы, к бабушке, которую до сих пор видел только тогда, когда она приезжала к ним в Москву. Бабушка жила в од-

ном дворе с Костиными родителями, и поэтому Костя был первым мальчишкой в Тобольске, с которым Лёнька познакомился.

Ребята быстро сдружились, и уже через несколько дней после Лёнькиного приезда всюду ходили вместе.

Лёньку в Тобольске удивляло всё — и то, что здесь дощатые тротуары и дощатые мостовые, и то, что здесь нет даже трамваев, но зато, как и в Москве, есть Кремль. Правда, Кремль здесь был совсем маленький, с низенькими седыми стенами, и стоял он не на ровном месте, как в Москве, а на высокой зелёной горе. На эту гору вела длинная деревянная лестница, в которой было больше ста ступенек.

Совсем необычной была в Тобольске и речная пристань. Лёнька ещё никогда не видал таких. В других местах пристань как пристань и расположена всегда на земле. А в Тобольске пристань расположена не на земле, а в воздухе, на высоких деревянных столбах. На этих столбах держится и широкая, просторная деревянная мостовая, и пассажирский зал, и камера хранения, и разные другие здания. Даже всякие ящики, якоря, цепи, электромоторы и очень многое другое лежит тут на широких просторных деревянных площадках, устроенных на тех же самых высоких столбах.

Лёнька постоял возле перил пристани, посмотрел вниз и спросил Костю:

— А почему у вас пристань на столбах?

— Это чтоб её весной не заливало, — ответил Костя. — Иртыш весной знаешь как поднимается. Все эти столбы заливаются. Идешь, и прямо под настилом вода хлюпает. Если бы пристань на земле устроить, — её бы сразу затопило. И стояла бы она по два месяца в году под водой. А кому такая пристань нужна?

Лёнька подумал, что, действительно, пристань, которая находится под водой, никому не нужна. Только почему же тогда её сделали на деревянных столбах?

— Кость, а Кость, — спросил он, — почему у вас столбы-то деревянные? Гниют же они в воде. У нас бы на каменных сделали.

— Да и у нас бы сделали на каменных, если бы камень был, — ответил Костя. — Но вот беда — камня нет.

— Как так нету камня? — удивился Лёнька. — Его же везде сколько хочешь!

— Это, может, у вас везде, а у нас нету. Видел мостовую, как к переправе ехать? На улице Ленина-то... Так вот её всю сюда с Урала везли. Издалека... А вот леса у нас сколько хочешь — тайга-то рядом.

— А какая она, тайга? — заинтересовался Лёнька.

— Про неё не расскажешь. — Костя задумался. — Её посмотреть надо.

— А в ней заблудиться можно?

— Конечно, можно! — Костя сделал важное, строгое лицо. — Только со мной не заблудишься. Я тут близко все места знаю. А далеко мы не пойдём.

Тогда-то ребята и решили в первый же солнечный день отправиться раненько утром в тайгу.

И вот они идут по опушке, на которой попадаются старые газеты, пустые бутылки и консервные банки.

— И ничего-то в тайге нет страшного, — говорит Лёнька. — У нас под Москвой тоже в любом лесу бутылки и банки полно. Значит, тут люди бывают.

Однако, чем дальше ребята уходили от опушки, тем реже попадались в лесу следы пребывания человека. Скоро дороге стали преграждать поваленные бурей деревья с громадными, вырванными из земли корнями, которые поднимались над головой ребят как щупальца какого-то страшного чудовища.

Стволы некоторых поваленных деревьев сгнили. Когда Лёнька наступал на них, под ногой мягко оседала труха, как будто он наступил не на дерево, а на перину.

Когда ребята перебрались через одно поваленное дерево, Лёньку кто-то больно ударил в левое плечо. Рука сразу занула. Лёнька чуть вскрикнул и оглянулся. Но вблизи никого не было. Лишь у своих ног он увидел большую, как поллитровая банка, шишку.

Подняв её, Лёнька откинул назад свои густые чёрные волосы и сказал:

— Смотри, Костя, какая шишка громадная! Это, наверно, она меня по плечу треснула... И откуда такие берутся?

— А это с кедра,— ответил Костя.— В ней орехи есть. Вкусные! Видишь, кедр стоит? У нас их ещё мало, а вот на Севере, в Ханты-Мансийском округе, много кедров растёт...

Лёнька поднял глаза на могучее дерево, которое стояло над ним, и ясно увидел, как по одной из веток быстро пробежало что-то рыжее и пушистое. Пока Лёнька сообразил, что это самая настоящая живая белка, зверёк исчез.

— Костя, а я белку видел!— обрадованно закричал Лёнька.

— Подумаешь!— Костя равнодушно махнул рукой и, приподняв кепку с помятым козырьком, почесал на своей голове ёжик золотисто-белых волос. — Тут не то что белку — тут сохатого увидеть можно!

— Какого сохатого?— испуганно спросил Лёнька. Он почему-то подумал, что сохатый — это какое-то страшное мохнатое чудовище с громадной оскаленной пастью.

— Как какого?— не понял Костя.— Ну, обыкновенного сохатого! Лося.

— Ах, лося!— Лёнька облегчённо вздохнул.— Ну, лося-то я видал. Это не страшно.

— Конечно, не страшно,— согласился Костя.— Он к тебе сам ни за что не подойдёт! А где ты сохатого видел? Они под Москвой тоже есть?

— Нет, не под Москвой.— Лёнька покачал головой.— Они прямо в Москве есть. В самой Москве.

Он загадочно улыбнулся.

— Ну, это ты заливаешь!— Костя прищурился.— Сохатый к деревне и то редко подходит. А уж к городу ни за что не подойдёт.

— А вот и не заливаю! В самой Москве есть. Хочешь, поспорим?

Костя удивлённо посмотрел на Лёньку и произнёс:

— Что это с тобой? Вроде ты до сих пор не врал!..

— Да совсем я не вру!— Лёнька рассмеялся.— Есть лоси в Москве. Честное слово, есть! В зоопарке они, чудила!

— Ах, в зоопарке!— протянул Костя.— Так бы сразу и говорил. А то водишь за нос, как маленького. Ну, ладно, пошли дальше.

— Знаешь, мне чего-то пить хочется,— признался Лёнька.— Мы, растяпы, с собой воды-то не захватили...

— Ну, это не беда,— успокоил его Костя.— Тут ключи есть. Сейчас давай направо свернём и как раз к ключу выйдем.

Ребята повернули направо.

Скоро они, действительно, вышли к ключу, который бил в глубоком узком овраге.

Спускались в овраг по узенькой крутой тропинке, удерживаясь руками за кустики травы, за выступы глиняного обрыва.

Внизу, напившись прозрачной, холодной воды, Лёнька огляделся. Вверх уходили высокие, с двухэтажный дом, почти отвесные стены оврага. Позади они смыкались, а впереди овраг расширялся, откосы его становились пологими и кое-где уже поросли густым кустарником. Ещё дальше овраг переходил в широкую, просторную ложбину, заросшую молодым березняком.

— Интересно как! — сказал Лёнька.— Вот здесь начинается овраг. А дальше его уже нет...

— Тут талые воды весной стекают, — произнёс Костя. — Ну, и размывают его понемногу. Видишь, вон наверху дерево подмыло. Даже корни наружу торчат...

Лёнька повернул голову и увидел, что, действительно, в одном месте над оврагом висели оголённые корни сосны. Земля под этими корнями обвалилась и ещё не успела зарости травой. В самом низу обвала, почти на дне оврага, среди сухой глины чернел гладкий, чуть изогнутый сук. Лёнька, перепрыгнув ручей, подошёл к этому суку и сильно пнул его ногой, надеясь, что он вылезет из глины.

Однако сук не сдвинулся с места, а пальцы на ноге заныли так, как будто Лёнька стукнул не по дереву, а по камню. Завертевшись от боли на одной ноге, Лёнька охнул, а затем сел, снял ботинок и стал растирать рукой ноющие пальцы.

— Ты чего? — громко спросил его Костя.

— Нogu зашиб, — ответил Лёнька. — Стукнул по суку, а он — как камень. Только пальцы отбил...

Костя тоже перепрыгнул ручей, подошёл к чёрному суку и поддел его кончи-

ком своей палки. Однако кончик обломился, а сук так и остался на месте.

— Хм... Интересно, — произнёс Костя. — Очень интересно.

— Он, наверно, очень длинный, — высказал предположение Лёнька, — и его концы завалило глиной. Ну его! Пошли отсюда! У меня уже меньше болит...

Он стал осторожно натягивать ботинок на ушибленную ногу.

— Подожди-ка, подожди... — произнёс Костя и, размахнувшись, сильно стукнул своей палкой по деревяшке.

Палка издала тонкий дребезжащий звук, как будто ею стукнули по камню.

— Подожди-ка... — снова проговорил Костя и стал быстро откапывать палкой сук.

Лёнька с удивлением посмотрел на него и спросил:

— Зачем ты? Нужен он нам! Пошли лучше!

— Подожди.. подожди... — почти машинально повторял Костя, изо всех сил орудуя палкой. — Подожди малость...

Лёнька видел, что он сейчас не думает ни о чём, кроме этого странного чёрного сука. Посмотрев немного, он вынул из кармана перочинный нож и стал помогать Косте, осторожно откапывая сук с другой стороны.

Несколько раз он случайно чиркнул ножом по чёрной, шершавой, как у ели, коре сука. И снова звук был такой, как будто нож прошёлся по камню.

Наконец Костя, откопав сук с одной стороны, подсунул под него палку, навалился и выворотил его из глины.

Сук был очень странный — длинный, совершенно гладкий и чуть изогнутый.

Лёнька попробовал поднять его, покраснел от натуги и с трудом оторвал сук от земли. Опустив его, он откинул со лба чёрные волосы и, отдышавшись, произнёс:

— Первый раз такой сук вижу. Тяжёлый, как камень...

— Ничего ты не понимаешь! — Костя усмехнулся. — Никакой это не сук. Это мамонтовый бивень!

— Что? Что? — переспросил Лёнька.

— Ну, бивень мамонта, — снова пояснил Костя. — Знаешь, в каменный век мамонты были? Так вот это его бивень.

— Про мамонтов-то я знаю. — Лёнька снисходительно улыбнулся. — Читал! А вот насчёт бивня — что-то непохоже. Бивни должны быть гладкие, белые, блестящие — как слоновая кость. А этот — как еловая чурка.

— Слоновая кость потому и блестит, что она свежая, только что со слона, — возразил Костя. — А этот бивень, может, сто тысяч лет в земле пролежал. Тут что хочешь сверху почернеет. А внутри он белый. Вот дай ножик!

Лёнька протянул Косте перочинный нож.

Костя с силой надавил им на шершавую кору, ковырнул, и под лезвием мелькнуло маленькое кремовое пятнышко.

— Видишь? — торжествуя спросил Костя. — Внутри он белый.

— Ну, что ж. — Победённый, Лёнька вздохнул. — Его теперь в музей надо...

— Нет, — Костя покачал головой. — В музее такие есть. Его надо в косторезную артель.

— В какую артель?

— В косторезную. У нас в Тобольске такая артель есть, где из этих бивней всякие статуэтки вырезают, брошки, мундштуки, шкатулки и даже чернильные приборы.

— Вот это интересно! — воскликнул Лёнька. — Что же ты мне про эту артель не сказал? Посмотреть бы, как они это делают! Ты видел, а?

— Нет, — признался Костя. — Не видел. Как делают, не видел, — поправился он. — А статуэтки артельные видал. У моего папки даже мундштук есть из мамонтовой кости. На нём ещё медведь вырезан. Маленький такой медведь. А вырезан здорово — даже шерсть видна. А у дедушки портсигар из мамонтовой кости есть. Старый-престарый портсигар. Дедушка говорит, что ещё до революции его купил. Тут ведь и до революции косторезы были. А на портсигаре тобольский Кремль вырезан. Совсем как взаправдашний. Вот погоди, мы к дедушке сходим — посмотрим. Ладно?

— Ладно, — согласился Лёнька. — А вот как бы в артель попасть? Посмотреть, как они это делают... Туда пускают?

— Вообще-то, наверно, не пускают. Что ж это за артель, если по ней всякий шататься будет? Но, если мы бивень в артель принесём, то, может, нас пустят посмотреть. Им же бивни нужны. Они за них даже деньги платят тем, кто найдёт.

— И нам заплатят?

— Не... Ребятам не платят. Родителей вызывают.

— Ну, что ж... Потасили его в артель. Только как понесём-то? Ведь он тяжёлый...

— Донесём... — успокоил Лёньку Костя. — У тебя брюки без ремня держатся?

— Конечно!

— И у меня тоже. Снимай ремень!

Костя тоже снял с себя ремень, сделал на своём и Лёнькином ремнях петли, продел в эти петли концы бивня и туго затянул их.

— Теперь бери ремень на плечо и пошли! — командовал Костя.

Мальчики вдвоём подняли бивень. Перекинув ремень через плечо, Лёнька почувствовал, что сейчас бивень не так уж тяжёл. Нести можно.

Медленно, осторожно переставляя ноги и удерживаясь свободной рукой за кустики травы и глиняные выступы обрыва, мальчики стали подниматься из оврага по узенькой тропинке.

Наверху они остановились и положили бивень, чтобы отдышаться.

Костя снял кепку, вытер носовым платком вспотевшую голову с коротеньким ёжиком светлых волос и, растянув в довольной улыбке пухлые губы, произнёс:

— Вот дотащим бивень до артели и скажем: «Принимайте, товарищи косторезы, посылку из каменного века. А нам за это покажите, как вы свои штуки из кости делаете». Я думаю, покажут, а, Лёнька?

— Мне тоже кажется — покажут.

Передохнув, ребята снова перекинули ремни через плечо и зашагали на запад. Тяжёлый, чёрный бивень мамонта, который пролежал в земле десятки тысяч лет, медленно покачивался между ними.

Необычный доктор

Улица Ленина — длинная и прямая. Это, наверно, самая длинная и самая прямая улица в Тобольске. Она тянется почти от подножья горы, на которой расположен Кремль, до переправы через Иртыш, которая находится на самой дальней окраине города.

На этой улице стоит затейливое, красивое, как сказочный русский терем, деревянное здание Тобольского драматического театра. Костя как-то сказал Лёньке, что Тобольский театр — самый древний театр в Сибири, что во всех других сибирских городах театры были созданы позже.

Лёнька тогда удивился и не поверил.

— Подумаешь! Если уж ты в Тобольске живёшь, так, по-твоему, всё в Тобольске самое древнее?

— Всё-то не всё, — спокойно ответил Костя, — а кое-что есть. Театр у нас точно — самый древний в Сибири. И ещё у нас в Тобольске вышла первая в Сибири газета и первый сибирский журнал. Нам про это в школе говорили.

— Кто говорил-то?

— Учительница по географии. Уж она-то знает! И ещё она говорила, что То-

больск — это второй город, который русские построили в Сибири. Первый — Тюмень, а второй — Тобольск. Понятно, что у нас тут много древнего есть.

Лёнька тогда не стал больше спорить. Пожалуй, Костя свой город знает лучше Лёньки. И ведь должно же где-нибудь быть всё самое древнее!.. Так почему не в Тобольске? Пусть тут! Это даже очень интересно — будет о чём рассказать ребятам, когда вернёшься в Москву...

Спустившись с горы, ребята вышли на улицу Ленина и двинулись по ней с тяжёлым мамонтовым бивнем, который уже давно оттянул все плечи. Лёнька думал, что идти им придётся далеко, дальше театра.

Однако до театра они не дошли. На первом же квартале Костя свернул в ворота двухэтажного деревянного домика и, опустив бивень на землю, облегчённо вздохнул.

— Ну, наконец-то дотащили! Вот она, косторезная артель!

Лёнька пренебрежительно осмотрел двухэтажный дом с небольшими окнами и сказал:

— У нас в Москве такие сносят...

— А у нас такие строят! — сердито возразил Костя. — Ты не всё на Москву равняй...

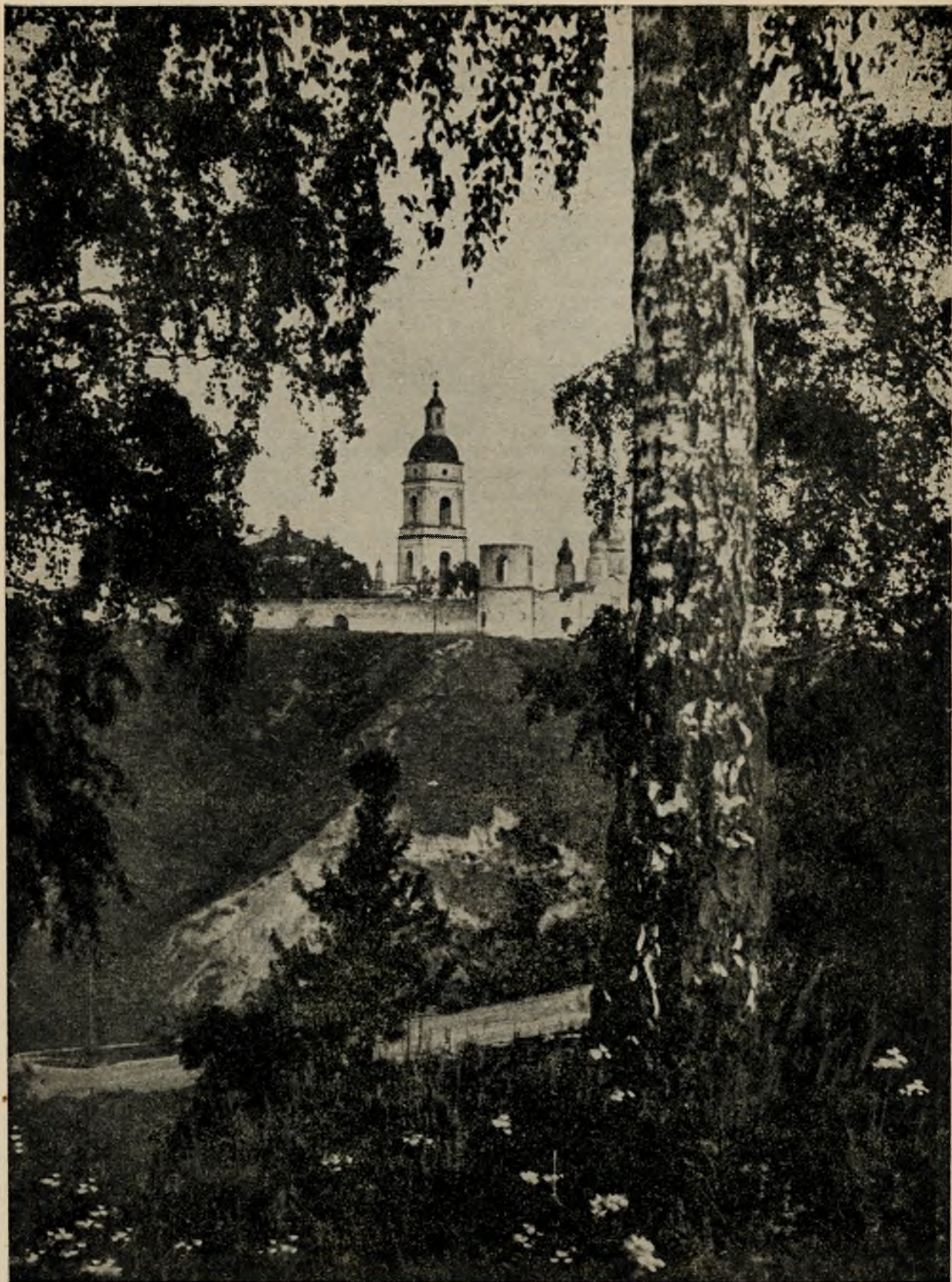
— Ну, ладно, не обижайся, — примирительно сказал Лёнька. — Это же я просто так. А где сами-то косторезы?

— А вон, в окнах видны!

Лёнька посмотрел в одно окно, в другое и увидел самых обыкновенных людей. Одни были в синих халатах, другие — в рубашках. Где-то в глубине комнаты сидела девушка. В общем, ничего таинственного, ничего такого, что говорило бы о связях этих людей с предметами из каменного века. Люди как люди...

— Ты тут посиди, — услышал он голос Кости, — а я к председателю артели сбегаю. Пусть принимают посылку от мамонта!

Костя убегал в дом, а Лёнька сел на лавочку и сразу же увидел во дворе большие штабеля дров, которые не заметил раньше. Это неприятно поразило его: значит, и тут печки топят! Ну, совсем как в обыкновенном доме! А он-то думал, что здесь всё таинственно и необычно. «И ничего тут необычного нет! — по-

Тобольский Кремль.

Фотоэтиюд А. Семёнова.

чему-то решил он. — И всё-то Костя наврал!»

Однако Лёнька ошибся. Необычное ещё только начиналось.

Вот из дома вслед за Костей вышел коренастый, плотный мужчина в коричневом халате и с маленьким молоточком в руках.

— Где, говоришь, твоя посылка? — недоверчиво улыбаясь, спросил мужчина. — Покажи-ка её!

— Вот, возле лавочки лежит. — Костя показал рукой. — Это мы в тайге у родника нашли. Там земля обвалилась, он и открылся...

— Так, так, — проговорил мужчина, подошёл к лавочке и слегка стукнул по бивню молоточком.

Бивень глухо, как бы недовольно отозвался.

— Ого! — произнёс человек и стукнул по бивню снова, уже в другом месте.

Бивень снова отозвался глухо и сердито.

Мужчина улыбнулся и стукнул молоточком в третьем месте, у самого тонкого края бивня.

На этот раз бивень ответил на удар звонко и весело. Однако этот весёлый звук вовсе не порадовал коренастого мужчину. Он поморщился и пробормотал:

— Всё-таки есть, проклятая. Жаль... Жаль...

Глядя на его недовольное лицо, Лёнька почему-то подумал: сейчас мужчина скажет, что бивень никуда не годится, его придётся уносить со двора, и тогда их планы рухнули. А ведь Лёнька всю дорогу из леса мечтал, как он будет рассказывать у себя, в московской школе, о тобольских косторезах и как весь класс, даже самый первый балагур и задавала Борька Хмелин, будет тихонько сидеть, слушать, затаив дыхание, и смотреть Лёньке в рот...

Однако мужчина в коричневом халате совсем не торопился браковать их находку. Он поднял бивень, положил его на лавочку и стал выстукивать молоточком со всех сторон — совсем так, как выстукивает в поликлинике доктор больного. Только доктор выстукивает пальцами, а этот дяденька молоточком. Впрочем, и

доктор иногда пользуется молоточком, особенно когда стучает по коленкам...

— Дядя, вы совсем как доктор, — сказал Лёнька. — Выстукиваете... Выстукиваете...

— А я и есть доктор. — Мужчина улыбнулся. — Доктор по мамонтовым болезням...

— По каким, по каким? — не понял Лёнька.

— По мамонтовым! Ну, знаешь, мамонты раньше были? Так вот по их болезням... Вроде как ветеринар...

Лёнька, поняв наконец, что мужчина шутит, улыбнулся и спросил:

— А зачем вы бивень выстукиваете?

— Чтобы определить его болезни.

— Какие же у него могут быть болезни? Он ведь не живой...

— Это ты, конечно, прав — бивень не живой. А болезни у него всё равно могут быть. Вот, например, трещины или всякие там пустоты.

— А как вы узнаете про эти трещины и пустоты?

— По звуку узнаю. Звук, брат, говорит всё. Все болезни наружу выкладывает. Если бивень звучит глухо, значит, он цельный, без трещин. А если трещина есть, то она сразу же звонкий звук даст, иногда даже дребезжащий. Вот в вашем бивне на кончике трещина, а так-то он вообще хороший, целый бивень. Только маленький. Обычно они вдвое, а то и втрое больше бывают.

— Вы его примете, да? — обрадовался Лёнька.

— Конечно, примем! Если ещё такой найдёте — обязательно тащите. Тоже примем! Да, скажи-ка, как тебя зовут? — Лёнька.

— А его? — Мужчина указал на Костю.

— Его — Костей.

— Так вот что, Лёня и Костя! Скажите своим родителям, чтобы они завтра пришли в артель. Мы с ними рассчитаемся за вашу находку. Ладно?

— Ладно! — ответил Лёнька. — А как вас зовут?

— Александр Александрович.

— А вы тут кем работаете? Доктором?

— Нет. — Александр Александрович улыбнулся. — Я тут работаю технурком, то есть техническим руководителем.

— А вы тоже косторез?

— Да. — Александр Александрович кивнул. — Я косторез.

— И вы умеете выделывать мундштуки, портсигары и разные статуэтки?

— Да. — Александр Александрович снова улыбнулся. — Умею.

— А вы покажете нам, как их у вас в артели делают?

— Ну, что ж... — Александр Александрович задумался. — Пожалуй, вам можно будет показать.

— Ой, прямо сейчас можно?

— Нет уж, давайте не сейчас, ребята. Давайте завтра. Утром завтра пусть ваши родители придут, а после обеда сами приходите. Идёт?

— Идёт! — хмуро ответил Костя, довольный, очевидно, тем, что весь разговор с необычным доктором вёл бойкий на язык Лёнька, а ему, Косте, оставалось только стоять да слушать.

Александр Александрович записал в свой блокнот фамилии и адрес ребят, попрощался с ними за руку, подхватил бивень и унёс его в дом.

В царстве страшных машин

Самыми страшными машинами, какие только создал человек за всю свою историю, Лёнька всегда считал бормашины, стоящие в кабинетах у зубных врачей.

Все остальные машины, которые знал Лёнька, — а он знал их много, — делали какую-то полезную для человека работу, облегчали, а чаще и совсем заменяли труд человека. И одна только бормашина, по глубокому Лёнькиному убеждению, никакого труда не облегчала, не заменяла, а была предназначена специально для того, чтобы причинять человеку боль. Кто и зачем придумал эту страшную машину — Лёнька не знал. Но никаких добрых чувств к её изобретателю он, разумеется, не питал.

Каково же было Лёнькино изумление, когда на другой день после находки мамонтового бивня, войдя в рабочий цех косторезной артели, Лёнька оказался в настоящем царстве страшных бормашин.

Их было в этом цехе невероятно много — Лёнька ещё никогда не видел столько бормашин сразу. Гибкие шлан-

ги с блестящими наконечниками извивались на всех столах, как змеи, свисали со столов вниз, шипели, жужжали и визжали, вгрызаясь в кость. От одного вида этих машин, от издаваемых ими звуков у Лёньки сразу заныли зубы и закружилась голова, как она кружилась каждый раз, когда он сидел в кресле у зубного врача.

Впрочем, всё это было уже потом. А рассказывать надо с самого начала.

Утром Лёнька и Костя с нетерпением ждали, когда их отцы вернутся из косторезной артели.

Отцы вернулись довольные, весёлые, дали Лёньке и Косте денег на мороженое, на кино и на пару хороших книг.

Возвращаясь домой из книжного магазина, уже после того, как все деньги до последней копейки были истрачены, Костя говорил:

— Вот бы каждый день находить по бивню! А, Лёнька? Вот бы здорово! Знаешь, айда после обеда в тайгу?

— Нет. — Лёнька покачал головой. — После обеда мы к косторезам пойдём. Ты разве забыл, что Александр Александрович сказал нам после обеда приходиться?

— Подумаешь! — Костя махнул рукой. — Успеем посмотреть, что там косторезы делают. Не убегут они никуда. Пошли лучше бивни поищем.

— Нет, — ещё раз отказался Лёнька. — Раз договорились прийти — значит, должны прийти. Дал слово — держи его. Иначе, какой же ты пионер? Тому, кто один раз своё слово нарушил, в другой раз уже не верят.

— Ладно, — мрачно согласился Костя. — Пойдём сегодня в артель. А завтра — в тайгу. Хорошо?

— Вечером решим, — сказал Лёнька. — Придём от косторезов и решим. Что мы сейчас загадывать будем?..

И вот, наконец, ребята в косторезной артели. Александр Александрович водит их из помещения в помещение, показывает и рассказывает, какой путь проходит в артели мамонтовый бивень, прежде чем он становится вещью, которая нужна людям.

В одной из комнат была установлена обыкновенная круглая электропила, какие Лёнька не раз видел на лесопилках.

Только зубья у этой электропилы были чуть поменьше, чем у тех, которые видел Лёнька. С помощью этой пилы большие и тяжёлые мамонтовые бивни разрезают на небольшие куски, пригодные для изготовления различных статуэток, на тонкие пластинки, из которых, как объяснил Александр Александрович, будут изготавливаться брошки, шпильки и гладкие, блестящие подставки для скульптурных групп.

К удивлению Лёньки, мамонтовый бивень разрезался пилой легко и быстро, будто он вовсе и не был таким твёрдым, как камень.

— Это, кстати, очень ценная особенность мамонтовой кости — то, что её легко резать, — заметил Александр Александрович. — Именно поэтому она и стала материалом для изготовления различных изделий. Она ведь прочная, твёрдая и режется легко. Нигде больше такого материала нет. Её не то что электропилой — её даже простым перочинным ножом резать можно. Старики рассказывают, — продолжал Александр Александрович, — что до революции именно так и работали некоторые тобольские косторезы — простым перочинным ножом. А бивень они разрезали на небольшие куски обыкновенной пилой. Электропилы-то тогда ещё не было!

— А дальше что с костью делают? — спросил Лёнька.

— А дальше-то вот, собственно, и начинается работа костореза, — пояснил Александр Александрович. — Распилить кость на куски определённого размера сможет любой рабочий. Для этого высокая квалификация не требуется. А вот чтобы из куска кости сделать скульптуру — нужно умение, мастерство. И так, сразу, этим мастерством не овладеешь. Люди ему годами учатся.

— А я смогу научиться? — снова задал вопрос Лёнька.

— Не знаю, — ответил Александр Александрович. — Это зависит от твоих способностей. Ты из пластилина умеешь лепить какие-нибудь фигурки?

— Нет, — признался Лёнька. — Никогда не лепил. Неинтересно.

— А рисуешь ты хорошо?

— Плохо. — Лёнька произнёс это грустно. Он уже понимал, к чему клонит

Александр Александрович. — У меня по рисованию всё больше тройки. А вот задачи я здорово решаю. Лучше всех в классе.

— Вот и будешь, наверно, математиком. — Александр Александрович улыбнулся. — Или ещё физиком. А косторезом, наверно, не будешь. В нашем деле обязательно нужно уметь рисовать и лепить. Иначе ничего не выйдет. Ведь мастер, прежде чем вырезать из кости статуэтку, рисует её в альбоме, и не один раз, потом лепит её из пластилина, отделяет в ней каждую складочку и только после этого начинает резать кость.

— А портсигары тоже сначала лепят? — спросил Костя.

— Нет, портсигары не лепят, — ответил Александр Александрович. — Просто рисунок, который мастер хочет вырезать на крышке портсигара, сначала делается в альбоме. А потом уже, когда рисунок окончательно отработан, мастер переводит его на кость и начинает вырезать резцами.

Лёнька посмотрел на руки костореза, возле которого они стояли. Тот делал гладкий длинный нож для разрезания книг. Лезвие ножа было уже готово. Сейчас мастер отделявал красивую рукоятку.

Лёнька видел: на одной части рукоятки что-то уже вырезано, а на другой — нарисовано карандашом. Что нарисовано — Лёнька не понял. Но вот косторез провёл по карандашной линии вращающимся резцом бормашины, и на костяной пластинке образовалось углубление, а в стороны полетела мелкая, как мука, костяная пыль.

Мастер провёл резцом по этому углублению ещё и ещё раз. Оно стало глубоким, хорошо заметным. Потом резчик начал прорабатывать резцом другие карандашные линии, и скоро Лёньке стало ясно, что он вырезает на рукоятке ножа голову сленя с большими рогами.

Работал мастер быстро, потому что резец бормашины свободно, безо всякого усилия, резал кость.

— А ведь раньше это был тяжёлый физический труд, — заметил Александр Александрович. — Когда я начинал работать в артели, всё делалось ручными резцами. О бормашинах мы тогда и не

мечтали. В первые месяцы, когда ещё учеником был, к вечеру с непривычки руки болели. Потом уж привык...

— Скажите, пожалуйста, — попросил Костя, — почему у мастера кость не блестит, а у моего дедушки портсигар блестит? У дедушки ведь портсигар тоже из мамонтового бивня.

— Этот нож ещё не отполирован, — ответил Александр Александрович. — Когда мастер кончит его вырезать, он отшлифует его шкуркой, а затем наденет на вал электромотора щёточку, смоченную спиртом, и отполирует нож этой щёточкой. И он станет таким же блестящим, как портсигар твоего дедушки.

— А готовые ножи, статуэтки, портсигары нам можно будет посмотреть? — спросил Лёнька у технорука косторезной артели.

Александр Александрович взглянул на часы и сказал:

— Это уж давайте, ребятки, завтра. У меня сейчас много работы, а завтра я смогу показать вам все наши сокровища.

— Какие сокровища? — удивился Лёнька.

— Ну, это я так называю наш художественный фонд. Мы многие работы оставляем в артели, чтобы по ним учились резать кость молодые мастера. И у нас есть работы старых, давно умерших мастеров. Эти работы сейчас так дорого стоят, что их спокойно можно назвать сокровищами.

— Когда нам прийти? — спросил Костя.

— Давайте как и сегодня, — после обеда.

Александр Александрович пожал ребятам руки и ушёл в свой кабинет.

Сокровища стеклянных шкафов

В одном из залов громадного Тобольского музея стоят пять небольших стеклянных шкафов. На полочках этих шкафов расположены ослепительно белые или чуть пожелтевшие от времени фигурки — совсем маленькие фигурки людей и животных, которым было бы просторно на ладони человека.

Малы эти фигурки, но какая громадная притягательная сила заключена в них!

Подолгу простаивают перед каждым из шкафов обычные посетители музея, переводя взгляд с одной фигурки на другую. Ещё дольше задерживаются здесь люди, неизменными спутниками которых являются блокноты и самопишущие ручки. Нередко перед этими шкафами по нескольку часов сидят юноши и девушки с альбомами и карандашами.

Никто не пройдёт мимо маленьких фигурок, никого они не оставят равнодушным. Такова уж сила настоящего искусства, что равнодушным к нему быть невозможно.

Эти фигурки вырезаны из белого бивня мамонта руками тобольских резчиков по кости.

Костя и Лёнька стоят возле стеклянных шкафов, разглядывают фигурки и слышат голос экскурсовода:

— Изделия тобольских косторезов украшают залы не одного только Тобольского музея. Они есть в музеях Москвы, Ленинграда, Омска, Тюмени и некоторых других городов страны. Скульптуры тобольских мастеров не раз завоёвывали золотые и серебряные медали на международных выставках. Маленькие фигурки из мамонтовой кости принесли нашему городу Тобольску большую мировую славу. В этих шкафах находится немало редкостных, неповторимых работ старых тобольских мастеров, работ, которые являются настоящими сокровищами русского народного искусства...

Экскурсия уходит в другой зал. Голос экскурсовода затихает, а Костя и Лёнька остаются возле стеклянных шкафов с маленькими белыми фигурками, остаются потому, что самое интересное — впереди.

Вместе с мальчиками возле шкафов стоят двое юношей — ученики косторезной артели — и опытный мастер Гавриил Андреевич. Мастер пришёл сюда с учениками, чтобы показать им работы старых мастеров и рассказать о них. А Костю и Лёньку он взял с собой, чтобы они тоже послушали. Им ведь интересно...

У Лёньки до сих пор не прошло чувство какого-то непонятого удивления. Ведь ещё вчера утром он ничего не знал о Гаврииле Андреевиче, а сейчас этот известный всему миру мастер разговарива-

ет с ним, как со старым знакомым, и даже обещал вырезать что-нибудь на память. Удивительно! Всегда вот так: живёшь, живёшь, ничего особенного вроде не знаешь, и вдруг что-нибудь такое случится, что на всю жизнь запомнишь...

А получилось всё это так.

На другой день, после того как технорук Александр Александрович провёл ребят по цехам артели, Лёнька и Костя снова пришли в артель после обеда смотреть сокровища, которые обещал показать Александр Александрович.

Технорук повёл их в комнату на второй этаж и поставил перед большим, почти до потолка, стеклянным шкафом, в котором было столько разных фигурок, ножей, шкатулок, брошек и всяких других вещей из мамонтовой кости, сколько Лёнька ещё за всю свою жизнь не видал.

Александр Александрович открыл одну дверцу шкафа и стал вынимать и показывать ребятам некоторые фигурки.

Вот появилась на столе лошадь, запряжённая в сани, с хвостом. Возле лошади стоит маленький мальчик в громадных рукавицах.

— Эта скульптура называется «Мужичек с ноготок», — говорит Александр Александрович.

А Лёнька сразу вспоминает некрасовские стихи:

«...Гляжу — поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хвосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,

Лошадку ведёт под уздцы мужичок

В больших сапогах, в полушубке овчинном.

В больших рукавицах, а сам с ноготок...»

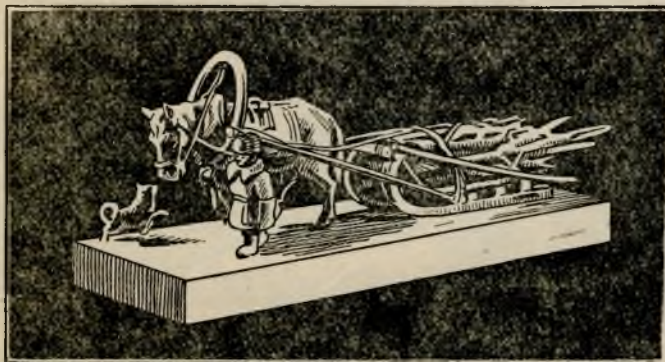
Лёнька глядит на скульптуру и видит, что лошадке, действительно, трудно. Она натужно упёрлась копытами в землю, она идёт в гору. И по наклонному слегка телу мальчика тоже видно, что он поднимается в гору. А хвост... До чего интересно сделан хвост! Как настоящие, лежат в крошечных санях белые сучки, стволы молоденьких ёлок и берёзок.

— Кто это сделал? — восхищённо спрашивает Лёнька.

— Эту скульптуру сделал художественный руководитель нашей артели Виктор Степанович Синицких, — отвечает Александр Александрович и с гордостью добавляет: — Она была на последней всемирной выставке в Брюсселе.

Лёнька с уважением смотрит на лошадку и мальчика, которые ездили в далёкую Бельгию. «Вот бы мне туда, — думает Лёнька. — Я бы там марок бельгийских накопил!..» Бельгийских марок у него в коллекции не очень много. Почему-то они редко попадаются...

— А эту работу вы, ребята, должны назвать сами, — говорит Александр Александрович и ставит на стол узенькую белую дощечку, на которой стоит, ухватившись за большую репу, дед в лаптях, а за деда одна за другой уцепились бабка, внучка, Жучка, кошка и мышка.

— Это «Репка», — снисходительно говорит Костя. — Я эту сказку ещё в детском саду знал. Это, наверно, игрушка?

— Нет, это не игрушка, — возражает Александр Александрович. — Но ты, Костя, прав — эта скульптура называется «Репка». И сделал её опытный мастер Фёдор Степанович Фёдоров. А вот, посмотрите, ещё одна «Репка».

Александр Александрович вынимает из шкафа ещё одну узенькую белую дощечку, на которой старик изображён уже с репой на плече. Он вытащил её и несёт домой. А за ним важно идут бабка, внучка, Жучка, кошка и мышка.

— А это тоже сделал Фёдоров? — спрашивает Лёнька.

— Нет, это уже работа не Фёдорова, а Гавриила Андреевича Хазова. Обе «Репки», ребята, как и «Мужичок с ноготок», ездили на всемирную выставку в Брюссель. У Хазова туда ещё три работы отправляли. В Чехословакию одну его работу увезли. Так что Гавриила Андреевича, считайте, почти во всём мире знают. А вот ещё одна скульптура Фёдорова. Она называется «Мужик и лиса».

Лёнька смотрит на скульптуру, которую держит в руках технорук артели, и снова видит лошадь, запряжённую в сани. Только на этот раз лошадь бежит лёгкой рысью, и её погоняет закутанный в тулуп мужик.

Лёнька сразу вспоминает слышанную давным-давно сказку о том, как лиса

притворилась мёртвой, как мужик положил её к себе в сани, где лежала рыба, и как лиса рыбку за рыбкой выкинула с воза весь улов.

И здесь, в скульптуре, совсем как в сказке, за спиной у мужика лежит мешок с рыбой, а возле мешка хозяйничает рыжая кумушка. Несколько рыбок уже валяются на земле возле саней. Скоро за ними последуют и остальные.

— А вот такие скульптуры тобольские мастера изготавливают уже очень давно — лет шестьдесят, а то и семьдесят, — говорит Александр Александрович. — Называются они «Тройка оленей» и «Поездка на собаках».

Он вынимает из шкафа две изогнутые узкие белые пластинки, на одной из которых стремительно бегут запряжённые в сани три оленя, а на другой такие же сани с человеком тянет целая упряжка собак. И олени и собаки сделаны так искусно, что кажется, будто они вот-вот соскочат со своих пластинок и унесутся куда-то вдаль.

Лёнька смотрит на оленей и собак и думает: неужели их могли сделать семьдесят лет назад? Неужели так давно, когда ещё даже бабушки на свете не было, здесь уже делали такие интересные штуки?

Он спрашивает об этом Александра Александровича, и тот подтверждает:

— Да, Лёня, такие фигурки умели делать семьдесят лет назад. А всего тоболь-

ская резьба по кости существует почти двести пятьдесят лет. Ещё при Петре Первом в Тобольске изготовляли из слоновой кости табакерки, мундштуки, гребни и разные шкатулки. А потом научились делать фигурки и даже целые макеты. Вот посмотрите.

Александр Александрович подводит ребят к шкафу и показывает в его углублении, под скошенным стеклом, большой макет, на котором изображены чум, люди возле костра, олени с санками и высо-

кий шест с каким-то совсем допотопным динамиком.

— Смотри, Костя, какой динамик смешной, — говорит Лёнька. — Я такие только в старых-старых журналах у бабушки видел. А чум! Посмотри, какой чум! Неужели в них до сих пор живут?

— Сейчас в них живут уже очень немногие, — говорит Александр Александрович, — в основном, оленеводы, которым приходится кочевать по тундре.

А вообще ненцы строят себе теперь хорошие деревянные дома. Вот когда изготовлялась эта скульптура, они все жили в таких чумах. И динамики у них были такие же, какой тут показан. Нынешних мощных динамиков тогда и в помине не было.

— А когда эту скульптуру делали? — интересуется Лёнька.

— Давно, лет двадцать пять назад. Я тогда сам был ещё таким же пацаном, как ты. А здесь, в артели, уже работали замечательные мастера, у которых я потом учился. Одного из них звали Виктор Никитич Лопатин. Он вот и сделал эту скульптурную группу. Называется она «Радио в тундре». Радио-то в ту пору ещё было диковинкой.

— А что Лопатин сейчас делает? — спрашивает Костя.

— Нет сейчас Лопатина, — печально говорит Александр Александрович. — Погиб на фронте. Когда с фашистами воевали.

Ребята замолчали. Александр Александрович начал ставить скульптуры обратно в шкаф.

В это время в комнату заглянул худощавый, тёмноволосый мастер в чёрном халате, которого ребята видели вчера в цехе.

— Виктора Степановича нет? — спросил он технорука.

— Нет, — ответил Александр Александрович. — Он в горисполкоме. Да ты зайди.

Мастер вошёл в комнату.

— Вот познакомьтесь, ребята, — сказал технорук, — это Гавриил Андреевич Хазов. Тот самый, который вторую «Репку» сделал.

Лёнька и Костя по очереди пожали протянутую им руку мастера.

— А что вы здесь делаете, ребята? — спросил Гавриил Андреевич.

— Они бивень принесли, — ответил за ребят Александр Александрович. — И вот интересуются нашим делом. Им бы посмотреть Терентьевские шкафы в городском музее. Только чего они там сами поймут?

— А я завтра двух учеников в музей поведу, — сообщил Гавриил Андреевич. — Вот пусть и идут с нами. Послушают. Пойдёте, ребята?

— Пойдём, — твёрдо ответил Лёнька.

— Тогда завтра к двум часам давайте сюда. Договорились?

— Договорились. — Лёнька кивнул. — Только скажите, пожалуйста, что это за Терентьевские шкафы?

— А это вы завтра узнаете, — пообещал Гавриил Андреевич и, попрощавшись, вышел.

Александр Александрович тоже протянул ребятам руку.

— Ну, пока, хлопцы. Завтра вам Хазов кое-что расскажет, а потом заходите снова.

— Скажите, пожалуйста, — спросил на прощанье Лёнька, — а ваши работы здесь есть? — Лёнька показал на большой застеклённый шкаф.

— Вот одна есть. — Александр Александрович достал маленькую фигурку в больших охотничьих сапогах, с ружьём за плечами и убитой птицей в руках. — Вы сами видите, что это охотник. Скульптура так и называется «Охотник с глухарём».

Он поставил статуэтку обратно в шкаф, и все трое вышли в коридор.

И вот сегодня ребята уже стоят в Тобольском музее перед стеклянными шкафами с работами косторезов и слушают рассказ Гавриила Андреевича.

Стоят они долго. За это время по залу прошло уже несколько экскурсий, а уходить всё не хочется.

Гавриил Андреевич рассказал своим ученикам и Лёньке с Костей, почему два шкафа в музее называются «Терентьевскими». В них собраны работы знаменитого старого тобольского резчика Порфирия Григорьевича Терентьева. Он почти всю свою жизнь прожил ещё до революции. Но и после революции, уже глубоким стариком, проработал целых десять лет. Умер в 1927 году, как раз тогда, когда родилась Лёнькина мама.

За свою долгую жизнь Терентьев сделал столько разных вещей из мамонтовой кости, что о них можно было бы рассказывать несколько дней. Если бы он жил и сейчас, он наверняка был бы знаменитым человеком. Но в старину его работы обычно забирал себе хозяин мастерской и продавал с маркой своей мастерской, не указывая даже фамилии резчика.

Гавриил Андреевич рассказал, что в 1900 году работы Терентьева были очень высоко оценены на международной выставке в Париже. Хозяин мастерской получил за это золотую медаль, тобольский городской голова — бронзовую, а о самом мастере никто и не вспомнил.

В терентьевских шкафах ребята увидели статуэтки, изображающие пенцев, сибирских крестьян и горожан старого времени. Много было самых различных фигурок животных — оленей, медведей, зайцев.

Об одной работе Терентьева Гавриил Андреевич рассказал особенно подробно. Эта скульптура называлась «Один с сошкой, семеро — с ложкой».

Давным-давно, ещё задолго до революции, в России появилась карикатура «Один с сошкой, семеро — с ложкой». Она изображала крестьянина, который пашет сохой землю и добывает хлеб. А навстречу ему идут с ложками помещик, поп, купец, жандарм и другие паразиты, которые сидели в царской России на шее трудового народа.

Карикатура эта ясно говорила, что жизнь в царской России организована несправедливо, что трудящихся рабочих и крестьян эксплуатируют дворяне, купцы, попы и чиновники.

И вот по этой крамольной в то время карикатуре Порфирий Григорьевич Терентьев решил вырезать из кости скульптуру.

Много времени потратил резчик. Тщательнейшим образом отделявал он каждую фигурку, вкладывая в скульптуру всю свою ненависть к эксплуататорам, всю свою любовь к трудовому народу. Сын сибирского крестьянина, долгие годы ходивший за плугом и тянувший ямку солдатской службы, Терентьев хорошо знал жизнь бедняков и смертельно ненавидел богачей.

И вот наконец последнее движение резца. Работа закончена. Пора позаботиться о том, чтобы она пошла к людям и заставила их ещё раз задуматься о несправедливом строе царской России. Однако косторезу заботиться об этом не

пришлось. За него позаботилось тобольское губернское начальство. Оно запретило показывать где-либо «крамольную» скульптуру. Так люди и не видели этой замечательной работы до тех пор, пока после Октябрьской революции, после окончания гражданской войны, запрещённую при царизме скульптуру Терентьева не выставили для всеобщего обозрения в Тобольском музее.

В 1926 году Терентьев начал изготавливать копию этой скульптуры. Довести работу до конца мастеру не удалось. После смерти Терентьева скульптуру закончил один из его учеников — Терентий Семёнович Песков. Сейчас она хранится в Московском музее народного искусства.

Своё мастерство Порфирий Григорьевич Терентьев передал двум лучшим ученикам и товарищам — Василию Ивановичу Денисову и Терентию Семёновичу Пескову. Денисов и Песков уже после смерти Терентьева создали в Тобольске косторезную артель, которая существует до сих пор, и вырастили целое поколение молодых резчиков по кости, продолжающих развивать и совершенствовать старинное народное искусство.

Когда Гавриил Андреевич кончил рассказывать, Костя спросил его:

— А вы тоже учились у Денисова и Пескова?

— Нет, ребятки, я у них не учился.— Гавриил Андреевич улыбнулся.— Они умерли в 1942 году. Я ещё тогда маленьким мальчишкой был, меньше вас, и жил очень далеко отсюда, в Архангельской области. Там тоже есть косторезная артель — в Холмогорах. Только в Холмогорах больше вазы делают, а в Тобольске — видите, разные статуэтки. Ну, я в Холмо-

горах школу художественной резьбы окончил и вот приехал сюда, в Тобольск. Тут с тех пор и живу.

Уже перед самым уходом из музея, когда ученики косторезной артели прятали свои блокноты в карманы, Лёнька позвал Гавриила Андреевича к одному из шкафов и показал на красивую костяную шкатулку. На крышке этой шкатулки из цветных кусочков было выложено изображение тройки бегущих оленей, которые везут сани, или, как их называют на Севере, нарты (так сказал Лёньке Костя). На стенках этой шкатулки также были различные рисунки из цветных кусочков.

— Это сделано в вашей артели?— спросил Лёнька.

— Да,— ответил Гавриил Андреевич.

— А как это делается?

— Это очень сложная работа, ребятки. Она называется инкрустацией из мамонтовой кости. Сейчас нам уже пора уходить, а завтра забежите в артель, и я расскажу вам про неё. А если Александр Александрович будет свободен, то он вам расскажет ещё лучше, потому что он сам этой инкрустацией занимается и очень её любит.

Картина, которая создаётся тысячелетиями

С утра льёт дождь. Его косые струи звонко барабнят по железной крыше в сенях. Иногда, подхваченный ветром, дождь кидается на оконное стекло и, разбившись об него, стекает вниз множеством мелких капель.

На улице сразу стало грязно, и без галош можно ходить только по деревянным мосткам.

Мутно-серая пелена дождя затянула всё вокруг, и гора, на которой стоит тобольский Кремль, уже не столько видится, сколько угадывается вдали. Она стала каким-то тёмно-серым расплывчатым пятном.

Лёнька смотрит из окна на эту гору и думает о том, что в Москве, когда идёт дождь, можно пойти в кино, или забежать в соседнюю квартиру к Тольке и поиграть с ним в шахматы, или вырезать картинку из старых журналов, или заняться марками, которых у Лёньки перед

отъездом было тысяча триста сорок две штуки. В общем, в Москве в дождь не скучно. А здесь, в Тобольске, вот пошёл дождь, и прямо помереть от скуки можно. До кино идти далеко, и не везде есть мостки, а таскаться по грязи не хочется. Да и картину, которая идёт, Лёнька видал два дня назад. А второй кинотеатр закрыт на ремонт. Костя говорил, что есть ещё кино где-то далеко, на горе, за Кремлём. Но идти туда в такую погоду не хочется. Да и неизвестно, что там идёт. Может, Лёнька уже видел эту картину?

В шахматы Костя играть не умеет, а в шашки Лёнька уже обыграл его пять раз подряд, и это надоело. Марки остались в Москве. Старые журналы бабушка рвать не даёт. Ну, в общем, совсем нечего делать.

Лёнька ещё недолго глядит в окно, потом встаёт и лениво, медленно идёт в кладовку, где в сундуке у бабушки вместе с молитвенниками в кожаных переплётах хранятся перевязанные бечёвкой в пачки старые журналы. Лучше уж посмотреть эти журналы ещё раз, чем разглядывать лужи во дворе.

Лёнька поднимает тяжёлую крышку сундука и перекладывает журналы. Вот «Крокодил» за 1938 год, вот «Огонёк» за 1936 год... Это всё Лёнька уже видел. Вот растрёпанные пачки совсем старинных журналов «Нива» и «Солнце России», в которых всё написано через допотопную букву «ять» и с твёрдыми знаками на концах слов. Эти журналы хорошо бы посмотреть. Лёнька их ещё не видел. Вот кипа какого-то тоже старинного журнала «Всемирная панорама» за 1916 год. Посмотреть её тоже, что ли?

Лёнька закрывает сундук и уносит в комнату три пачки журналов. «Всемирная панорама» лежит сверху, и Лёнька начинает с неё.

Журналы оказываются не такими уж интересными. В них портреты каких-то усатых и бородатых дядек, каких-то старомодных женщин в длинных, до самой земли, платьях. Нигде нет ни одной машины. А что в журналах смотреть, если там нет машин? Изредка попадаются фотографии, над которыми написано: «С фронта». На этих фотографиях изображены отдыхающие солдаты в смешных

фуражках без козырьков, или пушки, или колонны пленных австрийцев.

И вдруг в одном журнале Лёнька видит несколько фотографий таких же белых фигурок, какие он видел вчера в стеклянных шкафах Тобольского музея.

Лёнька не верит своим глазам. Он закрывает и снова открывает журнал. Нет, глаза его не обманули. В журнале действительно помещены снимки тобольских косторезных изделий.

А вот и заголовок — «Скульптор-самоучка». Под заголовком написано:

«В Петрограде появился крестьянин Тобольской губ. Порфирий Григорьевич Терентьев, с поразительной художественностью и экспрессией воспроизводящий непосредственно с натуры фигуры животных, статуэтки и целые сцены из костей мамонта.

Орудием для резьбы ему служит преимущественно перочинный ножик.

По мнению профессоров Академии, видевших его произведения, — это исключительно крупный талант».

«Это же про того Терентьева, — сразу догадался Лёнька, — про которого вчера Гавриил Андреевич рассказывал! Вот здорово!»

Он схватил журнал и кинулся на кухню к бабушке.

— Бабушка! — закричал он ещё с порога. — Можно я этот журнал у тебя возьму?

— Опять резать? — сердито спросила бабушка. — Резать не дам!

— Нет, бабушка, не резать. Тут про Терентьева есть, который из Тобольска.

— Про какого ещё Терентия?

— Про Терентьева, костореза.

— Ах, про Терентьева!.. Про Терентьева я знаю. Молодая была — всё за брошками к нему бегала. Да не я одна — все тобольские молодухи у него брошки покупали. Да и приезжие — тоже. Славный старик был, добрый, умный. Читал много. Перед смертью, говорят, фигурку Ленина из кости сделал. В Москву её, что ли, увезли?..

— Вот смотри, тут в журнале про него написано. — Лёнька раскрыл перед глазами бабушки журнал. — Видишь?

— Без очков-то мне плохо видеть. Да я потом гляну. А зачем тебе журнал-то?

— Я, бабушка, его в Москву повезу. Буду там ребятам в школе про тобольских косторезов рассказывать. И про Терентьева тоже. И журнал этот им покажу. Интересно ведь! Ещё до революции про него писали, что он — талант...

— Это другое дело, — довольно сказала бабушка. — Ребятам показать или рассказать что — для этого журнала не жалко. А резать не смей! Изрезал бы вот раньше и не увидел бы сейчас про Терентьева-то. Изрезать всегда успеешь. А полежат — глядишь, в дело сгодятся. Вышивку там взять или ещё что...

Но Лёнька уже не слушал бабушку. Накинув пальто, он выскочил во двор и, прыгая через лужи, побежал с журналом к Костиному дому.

А после обеда, когда дождь кончился и летнее солнце подсушило грязь на перекрёстках, ребята взяли журнал и снова пошли в косторезную артель.

Журналом «Всемирная панорама» в артели заинтересовались. Гавриил Андреевич листал его, разглядывал фотографии Терентьевских работ и говорил:

— Слыхал я про этот журнал. Читал даже про него в одной книжке, а видеть не доводилось. Интересно! Очень интересно!

Он тут же вынул из ящика своего верстака альбом, карандаш и стал срисовывать с журнала те работы Терентьева, которые он видел впервые.

— Мы, ребята, — сказал он, — перепишем текст этой заметки в свой артельный альбом и завтра отдадим журнал вам. Ладно?

— Ладно, — согласился Лёнька. — Пожалуйста.

Потом технорук артели Александр Александрович увёл Лёньку и Костю в склад, открыл один из шкафов, на полках которого стояли разные шкатулки, и сказал:

— Мне Гавриил Андреевич говорил, что вы интересуетесь инкрустацией. Попробую вам рассказать, что это такое. Вы мозаику знаете? Игра такая есть...

— Знаем.

— Вот инкрустация — это как мозаика. Только не из цветных глиняных кружочков, а из цветных кусочков мамонтовой кости — коричневых, зелёных, синих, розовых...

— А откуда они берутся, эти цветные кусочки?— спросил Лёнька.— Ведь мамонтовая кость — белая.

— Да, мамонтовая кость — белая, — согласился Александр Александрович. — Но она лежит в земле очень много тысяч лет. И за это время корочка мамонтового бивня пропитывается различными солями, которых в земле немало. В зависимости от того, какими солями она пропиталась, корочка может стать светло- или тёмно-коричневой, розовой, зелёной, голубоватой, синей, серой. Иногда на одном и том же бивне корочка в различных местах имеет различный цвет.

Толщина этой корочки — всего несколько миллиметров. А дальше у бивня обычный белый цвет.

Очень долгое время старые мастера, подготавливая бивень к работе, спиливали с него цветную корочку и выбрасывали её, как ненужную.

Но вот однажды Терентий Семёнович Песков, у которого мне посчастливилось учиться, решил использовать эту цветную корочку для создания рисунков на костяных пластинках, то есть для инкрустации. Он брал костяную пластинку, набрасывал на неё карандашом рисунок, а потом вырезал по этому рисунку углубления и заполнял их маленькими кусочками цветной кости. Кусочки эти крепко приклеивались, и на пластинке получалась цветная картина. А потом он из таких пластинок с картинками собирал шкатулку. Такие шкатулки называются инкрустированными.

За свою жизнь Терентий Семёнович сделал очень много инкрустированных шкатулок. На них изображались сцены из жизни пенцев, северные пейзажи, орнаменты северных народов, а также животные тайги и тундры.

Искусство инкрустации у Пескова перенял его ученик Геннадий Сергеевич Килин, который сейчас уже на пенсии, в артели не работает, но по-прежнему живёт у нас в Тобольске и не оставляет косторезное дело. Геннадий Сергеевич сумел воспользоваться одной особенностью мамонтовой кости, на которую Песков не обратил внимания.

Дело в том, что между цветной корочкой мамонтового бивня и его светлой сердцевинной иногда встречается очень

тонкий промежуточный слой, в котором постепенно исчезают краски, внесённые в кость солями. Пластинка этого слоя — обычно в разводах, порою самых причудливых. Песков, отбирая материалы для инкрустации, выбрасывал такие пластинки, так как из них нельзя было вырезать кусочки кости одного определённого цвета.

А Геннадий Сергеевич как-то заметил, что цветные разводы одной такой пластинки случайно создали очень красивую картину северного заката. На пластинке ясно обозначалось чистое небо в разрывах облаков, тучи у горизонта и бледные лучи уходящего солнца. На этом фоне оставалось только изобразить инкрустацией тройку оленей, нарты, погонщика — и прекрасный рисунок для шкатулки был готов.

Так Геннадий Сергеевич и сделал, изготовив одну из своих лучших шкатулок — шкатулку «Поездка на оленях».

С тех пор Килин стал собирать такие пластинки с разводами и использовать их для инкрустации. И выяснилось, что среди пластинок с разводами иногда можно найти такую готовую картину, какой никогда не создашь даже самой тонкой и искусной инкрустацией из кусочков цветной кости.

Я как-то видал у Геннадия Сергеевича одну интересную костяную пластинку, на которой сам собой получился морской вечерний пейзаж. В такую пластинку достаточно врезать маленький кусочек белой кости, который будет изображать парус рыбацкой лодки, и инкрустированная картина готова. И эту картину создал не человек. Она создавалась сама в глубине земли. А человек лишь нашёл её и открывает другим людям её красоту.

Такая картина не потускнеет от времени. Её краски не смоят ни вода, ни какой-либо химический растворитель. Она создавалась тысячелетиями и может существовать столько же.

Александр Александрович показал ребятам, какне шкатулки делают современные мастера, и подарил на память несколько фотографий тобольских косторезных изделий. Фотографии были очень интересные — чёрные-пречёрные. И на чёрном фоне — белая статуэтка или какая-нибудь другая вещичка.

А на другой день Гавриил Андреевич вернул Лёньке журнал «Всемирная панорама» с заметкой о Терентьеве и подарил ребятам по маленькой фигурке бегущего оленя.

* * *

Через несколько дней Лёнька уезжал в Москву. Он увозил с собой старинный журнал «Всемирная панорама», фотографии, подаренные Александром Александровичем, и фигурку бегущего оленя.

В последние дни перед отъездом Лёнька пересмотрел у бабушки все старые журналы, но про косторезов ничего больше не нашёл. Костин папа сказал ему, что до войны с фашистами выходил журнал «Омская область», и в нём иногда писали про тобольских резчиков и печатали фотографии их работ. Но найти этот журнал в библиотеке Лёнька уже не успел. Он только записал про него в свою записную книжку и решил поискать этот журнал в московских библиотеках.

Автобус в Тюмень, откуда нужно было ехать в Москву поездом, уходил утром. Костя проводил Лёньку до самого автобуса и обещал писать ему в Москву часто-часто. Лёнька тоже обещал писать и присылать марки, которые будут падаться ему в двух экземплярах.

Костя был грустный и часто безо всякой причины шмыгал носом. Лёнька тоже был грустный. Он привык к Косте, и ему жаль было с ним расставаться, тем более, что они, занявшись косторезами, так и не сходили больше в тайгу. А хотелось бы...

И вот уже автобус тронулся, и поднятая Костина рука осталась позади. Тихий маленький город Тобольск, со своими деревянными мостовыми, с пристанью на столбах, поехал куда-то назад и, после переправы через широкий Иртыш, совсем скрылся из виду. Но Лёнька знал, что он будет вспоминать об этом городе очень долго, может быть, всю жизнь, что он будет часто рассказывать о нём своим московским товарищам — о маленьком, красивом сибирском городе, в котором даже нет трамваев, но зато, как и в Москве, есть Кремль.

БЕЗБИЛЕТНЫЙ ПАССАЖИР

М. Михайлов

Кто не знает маленького юркого зверька, живущего в сибирских лесах, белоснежного зимой, рыжеватого в остальное время года, с чёрной кисточкой на хвосте, злыми глазками-бусинками! Это — горноста́й, враг мышей-полёвок и других мелких грызунов.

Однажды с ним приключилась интересная история.

Дело было весной, в половодье. Солнце клонилось к закату, когда мы с Захаром Широбоковым, известным рыбаком и охотником, пересекли русло Тобола и погнали лодку извилистой протокой.

Весна в тот год была дружной и многоводной. Тобол вышел из берегов и необозримыми озёрами затопил пойменные луга. Среди сверкающей глади воды сиротливо торча-

ли кусты тальника и редкие берёзы, а местами прошлогодней некою желтели островки, до которых ещё не добралась вода.

Над нашими головами то и дело со свистом проносились стаи уток. Где-то за кустами гоготали гуси, крякали селезни, свистели кулики и надсадно кричали лягушки.

Захар, коренастый, рыжебородый, с весёлыми серыми глазами, помахивая веслом, без усталости рассказывал о старицах, богатых рыбой, о птичьих «базарах», где на кормёжку собирается уток, что комарья в безросное утро. Я, устроившись с фотоаппаратом на носу лодки, слушал Захара и одновременно один за другим делал интересные снимки.

— Смотри-ка, что за благодать! Самое царство пернатых,— указал Захар веслом на затопленную болотину, усеянную табунами дичи. И каких только тут уток не было! Гоголи, чернеть, свиязь, шилохвост, чирки — все они кричали на разные голоса, ныряли, гонялись друг за дружкой. Взглянув на Широбокова, я заметил, как в его глазах блеснул азартный огонёк охотника.

Однако на этот раз наша поездка носила чисто натуралистический характер. С нами даже не было ружей. Мы хотели к вечеру добраться до Большого Займища и у Песчаных островков, сделав засидки, заняться изучением повадок пернатых.

Выплыв на широкое плёсо, мы заметили небольшой островок с одинокой ветвистой ракушкой.

— Перекурим, что ль? — подгоняя лодку к островку, спросил Захар. Не дожидаясь моего согласия, он ловким движением весла причалил её боком к зашуршавшей траве полузатопленного островка. Не вынимая весла из торфяного грунта, Захар второй его конец закрепил к борту лодки.

— Заякорил. Пошли! — И он легко выпрыгнул на берег.

Не успели мы сделать и трёх шагов, как из-под наших ног со злым стрекотом выскочил горноста́й. Зверёк молнией метнулся к ракушке и, оказавшись на её ветвях, повернул к нам точёную головку со злыми глазками-бусинками, не переставая при этом стрекотать. Его частые белые зубки хищно сверкали в оскале рта, а рыжеватый ворс вздыбился. Мы остановились, наблюдая за разъярённым зверьком. Я нацелил фотоаппарат и щёлкнул затвором.

Зверёк моментально спрыгнул с ветвей под наши ноги и на секунду скрылся в траве.

— Ну и злой, чертёнок! — восхищённо воскликнул Захар.

В это время горноста́й снова показался из травы, однако на этот раз не один. В зубах он держал маленького горноста́йчика. Сунув малыша в траву и издавая звонкие, частые звуки, похожие на звук металлической трещотки, горноста́й снова бросился в траву, где у него, видно, было гнездо.

Не отрываясь, смотрели мы на мелькавшего, словно искра, горноста́я. Одного за другим вытаскивал он своих детёнышей из гнезда и прятал в разных уголках островка. Я щёлкал фотоаппаратом, делая снимок за снимком, а Захар восторженно повторял одно и то же:

— Вот бесёнок! Пятого потащил, а!

Сунув в траву пятого зверька, горноста́й взлетел на ракушку и, пострекотав, осмотрелся кругом, как бы выискивая что-то, потом спрыгнул на землю, в несколько прыжков добежал до лодки и по веслу юркнул через борт.

— В лодку, каналья, забрался. Что ему там надо? — недоумевал Широбоков.

— Подождём. Посмотрим, что он будет делать. Не оставит же он своих детёнышей одних, — заметил я.

Но вот горноста́й выпрыгнул из лодки, кинулся в траву, отыскал одного из детёнышей, схватил его в зубы и бросился с ним обратно, в... лодку.

— Э! — удивлённо посмотрел на меня Широбоков.

В носу лодки у нас были сложены одежда и сумки с продуктами. Мы

видели, как горноста́й скрылся в куче одежды, потом показался снова, спрыгнул на берег и, схватив второго малыша, утащил его в лодку. Так повторилось пять раз. Спрятав в лодке последнего детёныша, горноста́й больше уже не показывался.

— Ловко! Даже нас не спросил, а! Вот так пассажир с семейством, — разводя руками, удивлялся Захар.

— Зверёк предчувствовал, что скоро его затопит. Не пройдёт и двух часов, как тут будет вода, — указал я под ноги Захара.

— Пожалуй, что и так, — согласился он, посмотрев на искрящуюся серебром водную равнину. — Что ж, Антон Павлович, поплывём с пассажиром. Не выселять же его с семьёй, — улыбаясь в рыжие усы, добавил Захар, направляясь к лодке.

Мы отчалили и, взяв направление на Большое Займище, погнали лодку. В лодке было тихо. Горноста́й со своим потомством не подавал никаких признаков жизни.

Пробираясь из протоки в протоку, в одном месте мы были вынуждены волоком перетаскивать лодку. Изрядно намучившись, решили отдохнуть. Мы уселись на борту лодки и закурили, наблюдая за проле-

тающими табунками уток и забыв на время о нашем пассажире.

Тихо шелестела прошлогодняя трава, нависшие над водой ветви кустов издавали тонкий аромат распускающихся почек. Вокруг жёлтых мохнатых серёжек вербы кружили шмели. Мы молча сидели, прислушиваясь к звукам угасающего дня.

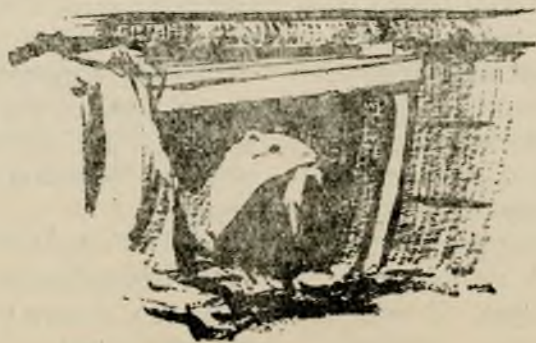
Вдруг позади нас раздался шорох. Мы обернулись и увидели: на груди одежды, держа в зубах детёныша, замер горноста́й. Он насторожённо смотрел в нашу сторону. Лишь на мгновение задержался наш пассажир, затем мелькнул за борт лодки и скрылся в траве.

— Ага, приехал, безбилетник! — не удержался Ширококов.

Горноста́й, между тем, не обращая больше на нас внимания, стремглав носился из лодки на берег и обратно, таская по одному в зубах своё семейство.

Вот он схватил последнего и, снова задержавшись на миг, посмотрел на нас чёрными глазками-бусинками, как бы говоря: «Ну, я приехал, а до вас мне и дела нет!» и, юркнув в траву, больше уже не показывался.

— Вот хитрец, даже спасибо не сказал за бесплатный проезд, — весело смеясь, заметил старый охотник.

ЖУРКА

М. Мамин

Рано утром, сойдя с рыбозаводского катера «Налим», я вошёл в знакомую хантыйскую деревушку и остановился у юрты Ивана Чеускина. Идти в дом не хотелось, так как было рано и хозяева ещё спали. Сняв рюкзак и ружьё, я сел на опрокинутую старую лодку у огорода.

Туман постепенно рассеялся, и мне была хорошо видна широкая Юганская протока. Я достал бинокль и стал смотреть в сторону острова, откуда слышалось криканье уток. Вдруг из тростника, растущего на берегу протоки, донёлся крик журавля.

Я навёл бинокль и увидел крупную птицу. Это был орёл-беркут.

Он часто махал крыльями, лапы его были распушены, очевидно, приготовился к схватке. Вдруг орёл молниеносно пал в тростник, и больше его не было видно. Стих и крик журавля.

«Наверное, орёл убил журавля», — подумал я.

В это время отворилась дверь, и вышел хозяин, ханты Иван Лукич.

— Ты что не заходишь в дом-то, Михайло Васильич? Сидишь у плетня, как сирота, — сказал он, подходя ко мне.

Поздоровались. Я объяснил Ивану Лукичу, зачем приехал, и рассказал, что слышал крик журавля.

Позавтракав и собрав всё, что требовалось, мы на бударке¹ поехали через протоку к тому месту, где я видел беркута. Когда переехали, я вылез из лодки и, взяв ружьё, пошёл бродить по редкому тростнику.

¹ Бударка — лодка из досок для плавного лова рыбы.

Проходив минут двадцать, я увидел журавлиные перья и расклёванного журавля. Беркута не было. На обратном пути к лодке я увидел журавлёнка. Он оперился, но на крыльях перьев ещё не было, и поэтому летать он не мог. Увидев меня, журавлёнок забрался в камыш и притаился. Но я подкрался, схватил его и понёс к лодке. По-видимому, убитый беркутом журавль был отцом или матерью журавлёнку и защищал его от орла. Журавлёнок сидел у меня на руках и жалобно пищал.

— Я растил журавлей — приятная птица, — сказал Иван Лукич, увидав у меня журавлёнка. — Пусть вместе с внучкой живёт у меня — товарищем ей будет, — добавил он.

Так Журка, как мы называли журавлёнка, остался жить у Ивана Лукича...

Вспомнил о нём я осенью, когда услышал в воздухе крики журавлей, улетающих на юг.

«Жив ли журавлёнок? Может, улетает с этими», — подумал я.

Я написал Ивану Лукичу письмо, в котором просил сообщить о судьбе журавлёнка. Долго не было ответа. Но вот в один зимний день почтальон принёс от него письмо.

«Дорогой Михайло Васильич, — писал Иван Лукич. — Сам знаешь, как тоскливо у нас зимой — всё замело снегом. Журка жив и здоров. Я отпустил его осенью на волю. Крыльев ему не подрезал, и он улетел на остров, за протоку, но к ночи прилетал домой и спал в ограде. Бывало, услышит в небе крики журавлей, замашет крыльями, побежит по деревне и полетит, а потом опять возвращается домой. Так он и остался зимовать у нас. Я сде-

лал ему клетку, и он в ней живёт. Выпускаю его ходить по избе, а на улицу он не идёт. Выйдет в сенки и — назад, в избу. Видно, холодно ему: пуху на нём нет, и перья ног не закрывают, как у лебедя или гуся. Весной выпущу на волю, а когда из тёплых краёв прилетят журавли, может, найдёт себе пару.

Подружился Журка с внучкой Надей, и она ухаживает за ним».

Летом я снова получил письмо от Ивана Лукича, в котором он писал: «Журка весной улетел на остров, к журавлям. Однако часто прилетал к избе. Походит около дома, покричит и улетит опять за протоку, на остров. Наверное, завёл семью. Если поздней осенью не прилетит, то, значит, улетел с товарищами в тёплые края. Прошлой осенью я убил на острове двух беркутов, и теперь их не видно близко. Наши люди не стреляют журавлей, так как журавли едят лягушек и змей. Значит, Журку никто не тронет».

Позднее Иван Лукич сообщил мне: «Видел на острове летом двух старых журавлей и трёх молодых, нелетающих. А с Семёнова дня¹ не стало слышно их курлыкканья. Наверно, улетели в тёплые края. Эту зиму будем жить без Журки, а привыкли мы к нему с Надей и Даниловной. Умная птица — журавль.

Лебеди — тоже важные птицы. Они первые прилетают к нам на север. Ещё снег кругом — зима, а лебеди уже кричат по замёрзшим озёрам. Осенью я поймал лебёнка со сломанным крылом. Крыло ему пришлось отрезать: оно срослось в сторону и мешало ему.

¹ Семёнов день — 14 сентября.

Крылом-то он и запутался в камыше, когда я его ловил. Лебедю придётся жить с нами всё время, так как летать он теперь не может.

Приезжай, Михайло Васильич, к нам осенью на охоту. Желаем тебе здоровья. Твои знакомые — Иван, Катерина и Надя Чеускины».

Прочитав письмо Ивана Лукича, я мысленно перенёсся на далёкую Юганскую протоку Оби, где на горе, окружённой кедровником, стоит его

родная таёжная деревушка Чеускина.

Сердитые сибирские ветры обмели теперь её сугробами. Уныло стоят поседевшие от снега кедры. А по лацуге Ивана Лукича ходит лебедёнок. Он ещё в детском пепельном наряде, но к весне перелиняет и станет белым лебедем, которого ханты считают священной птицей.

И мелодичный лебединый голос напоминает Ивану Лукичу о весне.

Тайга.

Фотоэтиюд А. Космакова.

В ТАЙГЕ

Владимир Сидоренко

Шорохи ночи

Октябрь

Осенью все звуки в ночной тайге заглушают деревья: длинноусыми ветвями шелестят кедры, с присвистом шумят островерхие пихты, трепещут последними листочками осины.

Тенью промелькнул маленький сыч. В ветвях кедра раздался отчаянный писк пухляка, вероятно, попавшего в хищные когти. Где-то вдали затараторила спросонок сорока. Ей ответила другая. Затрещали сучки, будто от чьих-то тяжёлых шагов. На тонкой, протяжной ноте завыл волк... Затем всё смолкло.

И снова шум ветвей да мягкие вспышки костра. Ярко расцвечено октябрьское северное небо... Стожары уже висят вниз, значит, скоро полночь. На востоке, на фоне желтеющей полосы горизонта, чернеют острые вершины пихтача.

Со всех сторон ползут и ширятся шорохи. Время от времени можно услышать шумное дыхание бродящего недалеко медведя, который,

увидев сквозь деревья огонь костра, поворачивается и уходит походкой уставшего человека.

А тайга шумит... Шумит не только в вершинах, а как-то вся — сверху донизу. Не шумит — дышит.

Слов нет, кто раньше никогда не бывал ночью в тайге, тот не увидит, не услышит ничего, кроме звуков, заставляющих сердце сжиматься от страха.

Светаёт. В воздухе чувствуется крепкая свежесть, становится зябко. Деревья застыли, скованные октябрьским утренником. Лист не шелохнётся. Предраассветная тишина делает все звуки отчётливыми: дятел с утра принялся за работу — стучит крепким клювом по стволу сухостойной сосны, циркует белка, на километр слышен крик сойки.

Безмолвие

Январь

Хороша!.. Так хороша зимняя тайга!

Освещённая январским солнцем, покрытая пушистыми комьями

снега, похожими на свернувшихся клубками белоснежных котят, тихая, примолкшая стоит тайга.

Миллиарды снежинок, отражая солнечные лучи, сверкают всеми цветами радуги, окрашивая снег то в розовый, то в голубой цвет.

Чуть слышно звенит воздух. Это поют кристаллы инея. С ясной вышины серо-голубого неба, искрясь и переливаясь самоцветами, падают они, невидимые.

Плотной стеной стоят красавицы-ели вперемежку с нежными пихтами и кудрявыми сосёнками. Столетние кедры, словно сторожа, охраняющие свои владения, раскинули над деревьями лохматые вершины.

Тишина... Даже проказник ветер куда-то запропастился и не шелохнёт несмелым дыханием ни одной вершинки, ни одной заснеженной ветки.

Но безмолвие обманчиво... Полной жизнью живёт тайга. Падающий с вершины сосны снежный ком выдаёт белку. То и дело попадают семящие следы колонка и горноста, осыпающийся свежий след соболя. А вот и вчерашний волчий след, припорошенный инеем. Вон, возле пихточки, след глухаря, лакомившегося почками. Откуда-то издали доносится звонкая долбёжка дятла. На вершине сосны тревожно пискнул пухляк, а под разлапистой елью завозились мыши. Не видно лишь следов плутовки-лисы и медведя. Спит глубоким сном в своей берлоге косолапый.

Так хорошо, что хочется закричать, звонко, по-озорному, с переливами. Заухать, засмеяться...

«Зинь-зинь-вер»

Февраль

В феврале дни становятся заметно длиннее. Солнце уже даёт себя знать. Чернеют дороги, пригревает. У корней деревьев в снегу вмятины. Сугробы осели, а на открытых местах появился наст.

Морозно только ночью. Чувствуется, что зима сдаёт, но до весны ещё далеко. Иной раз так завихрит — свету белого не видно. Зато как утихнет непогода — тепло.

Бывает в феврале день, когда становится как-то по-особенному радостно: искрящийся снег, ласковое солнце, оглушительный гомон воробьёв, снующих на черёмухе...

Такого второго дня больше не будет. Он один в году. И только в этот день можно услышать, как поёт синица.

Кто не знает попискивания синицы: «тинь-тинь, тинь-тинь, тарарах, тинь-тинь». Тинькая, она проворно снуёт повсюду, бесстрашно залезает в комнаты.

В этот же февральский день синица поёт.

— Зинь-зинь-вер! Зинь-зинь-вер,— заливаясь она на крыше дома, на заборе, на голых ветках берёзы.

Минуту-две поёт, потом стихнет. Повертит чёрной головкой из стороны в сторону, отряхнётся, взглянет вверх, на солнце, и снова поёт:

— Зинь-зинь-вер, зинь-зинь-вер! Весна идёт, весна идёт!

...Весна идёт. У деревьев начинается сокодвижение, на тальнике за серебрились серёжки...

После этого дня любой злой буран никого не пугает: синица уже пропела. Скоро весна.

ИЗ ВСЕВЕДКИНЫХ СКАЗОК

Виталий Бугров

Есть на свете такой дедка — дедка Всеведка. Много он перевидал на своём веку, многое знает. За то и прозвали его люди таким именем. Стар этот дедка, а до нового охоч по-прежнему, как в юности. Мимо не пройдёт, чтобы не полюбопытствовать: а это что? к чему? зачем? И запоминает накрепко, что ему сведущий человек расскажет... Да и сам дедка Всеведка любит сказки сказывать, ох, как любит! Всегда вокруг него ребятишки увиваются, ждут, когда он новую сказку расскажет. А в сказках этих правды больше, чем выдумки: не зря же он по свету бродил, с людьми встречаясь, до всего допытывался!..

Хотите дедку Всеведку послушать?

Как Компас с Картой повздорил

По горам, по лесам, по дорогам да тропинкам шёл-вышагивал Турист, с рюкзаком на спине, с посохом в руках, с котелком на боку — всё честь по чести.

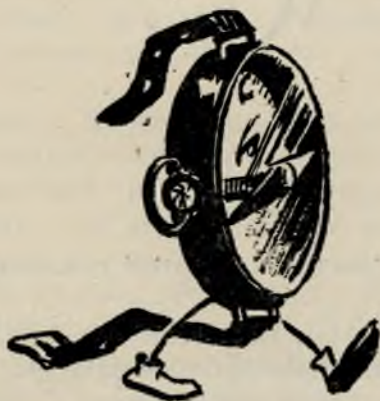
Шёл — не спешил: птиц слушал, выслеживал зверюшек, в речках купался, пейзажами любовался, а путь-дорогу по Карте и Компасу определял. Давно ведь известно, что в хороших руках Компас показывает, Карта рассказывает, а оба вместе — подсказывают, в какую сторону идти и где речку перейти, и где влево-вправо свернуть, и как болото вовремя обогнуть...

Солнышко в небе светило, резвились облачки-барашки, загорелое лицо ветерок обведал, и было теп-

ло, не жарко. Шёл Турист и песенку насвистывал. Легко на душе у человека, когда не заботят его ни тревоги, ни горести.

Долго ли, коротко ли шёл он так,— кто его знает. Только приключилась с ним досадная неприятность. Всегда жили дружно Компас и Карта, все трудности делили, вместе в полевой сумке Туриста ночи коротали, а тут вдруг поссорились между собой.

Однажды вечером, когда стал Турист на ночлег устраиваться, Компас, и без того толстый и круглый, совсем заважничал.

— Учись, — говорит Карте, — как людей по незнакомым местам проводить надо. Ни разу наш Турист с пути не сбился с тех пор, как я его веду.

— Ну, что ж, — Карта отвечает. — Для того он тебя и взял, чтобы ты дорогу показывал. А только напрасно хвалишься: каждый из нас важное дело делает, и я нашему Туристу к цели идти помогаю.

— Это ты-то? Вот как! — захихикал Компас. — Да тебе ли, такой

длинной да тощей, дорогу знать! На тебя и смотрят-то затем только, чтобы ты без дела в сумке не валялась. — И забыл Компас от самозабвения великого, что Карта, как и он, с людьми тоже разговаривать умеет. — Вот посмотришь, как я завтра нашего Туриста один поведу. Без тебя! Куда захочу, туда стрелкой и покажу. Как захочу, так и поведу!

— Что ты, что ты! — встревожилась Карта. — Ведь заблудится Турист, собьёшь ты его с толку.

Но напрасно старалась Карта, не уговорить ей зазнавшегося друга.

Вот и ночь прошла, утро наступило. Проснулся Турист, в ближайшем ручейке умылся, зарядку проделал, позавтракал для порядка, угли от костра затоптал, чтобы пожар не получился, и в дорогу двинулся.

Идёт — птиц слушает, лесные шорохи ухом ловит, полянки ягодные присматривает, на Компас изредка поглядывает. А тот и рад стараться: стрелкой-головкой вертит, словно подмигивает: то на Юг покажет, то на Север. Турист идёт, на тропки сворачивает, сквозь бурелом пробирается, а что не туда идёт, куда надо, — не догадывается...

А Компасу всё мало. Уж так он старался, так старался, что завёл Туриста к речушке незнакомой. Завёл и ещё радуется: «Вот, дескать, каков я!.. Без карты к реке вывел».

Заслышал Турист речной волны задумчивый всплеск и удивился. «С вечера по Карте смотрел, — вслух размышляет, — никакой реки на моём пути не было...» Достал он Карту, развернул. Карта обрадовалась, шепчет, что Компас вместо

Запада на Север Туриста ведёт, а Турист не слышит её шёпота, да и услышал бы, так всё равно не понял.

Зато другой язык Карты — письменный — он на все пять с плюсом знал. Рассказала ему Карта этим письменным языком, что речушка без названия не на Западе, а на Севере протекает.

А какое там «на Севере», когда всё утро по Компасу на Запад шёл. Но впереди, в просветах между деревьями, река на солнце поблескивает, бирюзой отливает.

Видит Турист: дело не ладно, не то Карта сказывает. Песенку насвистывать перестал, задумался: «В чём же дело?» Взглянул на солнце, посмотрел на часы — и улыбнулся. Опытный он человек был, этот Турист. Солнце-то с Востока на Запад идёт, времени ещё немного, утра десять часов. Значит, там, где солнышко, — Восток, а не Север, как Компас показывает.

— Вот он где, корень зла, — смеётся Турист. — Это Компас размагнитился... А я-то, грешным делом, думал уже, что Карта виновата, неверные приметы говорит.

Карта услышала такое решение справедливое, зашуршала, зашелестела на ветерке: «Так, мол, так, Турист, правильно!» Забыла на радостях, что не понимают люди её шелеста.

А Турист воткнул посох в землю, Компас на ладонь положил, постучал по нему, посмотрел, посмотрел,

как стрелка вертится, да и засунул зазнайку в кармашек на рюкзаке. Лежи, мол, зазнайка, и без тебя дойду...

И пошёл он вперёд, снова пензенку свою любимую засвистел. Идёт — на солнце поглядывает, Карту перед собой держит... Скоро и на правильную тропинку вышел, совсем повеселел. «Вот, — думает, — что значит по солнцу уметь ориентироваться...»

Распеваёт на бодрый мотив немудрёные слова, идёт вперёд уверенно, ни туманов, ни туч, ни ночи не боится. Да и чего ему бояться? Ведь он — человек опытный, не только по солнцу ориентироваться умеет, а и по деревьям: где ветви гуще — там и Юг, с какой стороны лишайники-бородачи растут — там

и Север. Да и других примет в лесу много... А ночью на небе в Малом ковше яркая звезда горит, у нас, в местах северных, на Север манит...

Страху-то у Туриста и взяться неоткуда.

Так вот и к дому своему вышел, из путешествия по лесам и горам благополучно вернулся.

А дома на Карте пройденный маршрут красным карандашом прочертил и на стену её, Карту, повесил, друзьям и знакомым показал, где он с испортившимся Компасом блуждал. Потом взял Компас, сходил с ним к товарищу и намагнитил стрелку Компасову, да как следует, чтобы не зазнавался больше.

Теперь Компас и Карта опять верные друзья.

Иван Истомин

Четвёрка упитанных оленей бежала по снежной тундре бойкой рысью. Ёнко, двенадцатилетний мальчик-ненец, правил упряжкой, как настоящий оленевод. И немудрено — родился он в чуме пастуха. Отец с шести лет стал обучать его ездить самостоятельно. В тундре так принято.

Хорошо мчались олени, но Ёнко то и дело понукал их хореем — длинной палкой. Ещё бы! Кто не любит быстрой езды, а он с самой осени даже в нарту не садился. Как

приехал из стада в школу-интернат, не удавалось ездить. А сегодня повезло.

Широкое курносое лицо с пухлыми, покрасневшими на морозе щеками выражало искреннюю радость. Капюшон малицы откинут для важности. Густые чёрные волосы уже успели закуржеветь, но ничего. У взрослых же так бывает. Малица и пимы — из меха, ему тепло.

Ёнко всей грудью вдыхал чистый холодный воздух, не обращая

внимания на встречный колючий ветер. Уж очень хорошо было на душе. Всего час назад он сидел в классе и вот — мчится на оленях. А как получилось: прибежал из школы — говорят, отец его прибыл в посёлок на колхозное собрание. Ёнко, отказавшись от обеда, сразу побежал к нему.

Приятной была встреча после четырёхмесячной разлуки. Пожилой Тыуман не замедлил поинтересоваться, как живёт, учится сынок. Года полтора назад отец об учёбе и не спросил бы даже. Сколько раз увозил он тайком сына обратно в тундру. Однажды прямо с урока, не обращая внимания на протест учителя, уволок парнишку.

— Тут мальчику делать нечего! — сердито кричал седовласый оленевод. — Только бумагу знать учите, грамотными делаете. Одной грамотой как жить будут? Кто будет в тундре оленей пасти, пушнину промыслять, рыбу ловить? Почему таким делам тоже не учите в школе?

Посадил сына в нарту и умчал в стадо, даже урок сорвал.

Ёнке тогда самому страсть как хотелось скорее уехать из школы. Отец в тундре постоянно брал его на дежурство в стадо, на охоту, а в школе — только уроки да уроки, весь день в четырёх стенах сиди. И не один Ёнко тайком покидал школу-интернат, хотя кормили и одевали там очень хорошо. К концу учебного года обычно оставалось не больше половины учеников. А осенью снова с большим трудом привозили их учителя в школу.

Теперь совсем другое дело — ввели в школах уроки труда. Ненецких детей учат рыбачить, охотиться, оленей пасти, столярничать,

многому другому полезному учат. Опытному рыбаку, зверолову, оленеводу поручили вести уроки труда. Довольны все. Родители сами привозят детей к началу занятий. Никто больше не убегает из школы-интерната. Наоборот, родители хотят, чтобы ребята учились старательно и грамоте, и труду.

— Ты, сынок, стремись быть отличником, — ласково поучал отец Ёнко, угощая его вкусным гостинцем — копчёной олениной. — Песца, говоришь, добыл? Молодец!

— Ага, папа, правда песца поймал, — прошамкал Ёнко ртом, полным приятно-солончатого жирного мяса. — И знаешь, какой песец? Хитрющий-хитрющий! У него на шее семь петель было.

— Да? Смотрите-ка. Значит, семь раз до этого попадал в чьи-то ловушки и ухитрялся спастись! — удивился Тыуман.

— Ага, — опять кивнул сын. — А я поймал. Капканом поймал. Как попался — никуда не ушёл.

— Саво! (Хорошо!) Вот молодец-то. — На широком, обветренном лице пожилого ненца появилась искренняя радостная улыбка. — Вот, оказывается, какой ты у меня. Хорошим охотником можешь стать. А кто вас промыслять учит?

— Дядя Эйси.

— О, это добрый охотник!

— Мы с ним ходим на лыжах в тундру. Он учит, как находить и распознавать следы зверей, как правильно ловушки и капканы ставить. Мы уже несколько горностаев поймали, а я добыл песца, — продолжал гордиться сын.

— И куда же вы добытую пушнину деваете?

— Заготовителю сдаём, — ответил Ёнко, — а на вырученные деньги покупаем для школы капканы, лыжи, нужное снаряжение. Если много пушнины добудем, может, и ружья купят нам.

Отец спокойно сказал:

— Ружья-то доверять вам ещё рано. А вот подрастёте, в старших классах учиться будете, почему вам ружья не дать? С хорошим учителем тогда и ружьё доверить можно.

Потом Тыуман, теребя совсем редкие седеющие усики, поинтересовался, кто обучает детей оленеводству. Ёнко, наевшись вдоволь оленины, затараторил:

— Оленеводству в старших классах обучают, и я учителей плохо знаю. Мы только в кружке физкультуры тренируемся кидать тынзян.¹ Знаешь, папа, я на соревнованиях по тынзяну второе место занял. Как кину — зззжжжик! — сразу заарканил санки. Ты знаешь, к санкам приделали олени рога и спускали их с горы. Вот на эти-то рога мы и набрасывали тынзян.

— Саво, — опять похвалил отец, но тут же спросил: — А почему не первое место занял?

— Первое место взял Вылка Сано. Мне второе место досталось. И то хорошо. Другие совсем плохо тынзяном владеют, даже на стоячий хорей не могут закинуть. А я поймал арканом за рога бегущие с горы санки. Понял?

— Понятно, только ты должен стараться кидать тынзян лучше всех, как я, — спокойно и серьёзно ответил отец. — Ты же сын оленевода, а у Вылки Сано отец — рыбак.

¹ Тынзян — аркан для ловли оленей.

— Постараюсь, — пообещал Ёнко и вдруг спохватился — ведь во дворе стоит отцовская упряжка. Ему захотелось покататься, как бывало в тундре. И он стал просить отца разрешить ему это.

— Соскучился об олешках? Это хорошо, — заулыбался Тыуман. — Про оленей, про тундру не надо забывать. Только, сынок, упряжка-то моя с дальней дороги. Олени устали и голодны. Тут, совсем близко, выпас для приезжих упряжек. Надо бы олешек-то с кем-нибудь туда отправить, сдать пастуху.

У Ёнки загорелись глаза:

— А давай, папа, я буду помогать пастуху караулить оленей? Завтра ведь выходной день, успею и отдохнуть, и уроки подготовить. Возьму с собой лыжи и утром вернусь обратно. Ой, как я хочу покараулить оленей! Разреши, папочка.

— А ты знаешь, где выпас? Ну, смотри. Оденься потеплее. Я-то разрешаю, но из интерната отпустят ли? Иди отпросись.

Ёнко от радости обнял отца. Потом они надели малицы и вышли к упряжке. Короткий полярный день был на исходе — опускались сумерки. Дул резкий, обжигающий лицо ветер, мела позёмка. Кое-где начал светиться огнями недавно выросший в тундре посёлок.

— Скоро уже темно будет, — сказал Тыуман и предупредил: — Собирайся живее, захвати поесть. А я мяса сушёного положу тебе.

— Я живо! — воскликнул Ёнко и побежал к воспитательнице. Та выслушала его и разрешила отлучиться из интерната до утра — ребята часто отпрашиваются на выходной день побывать у родных, если чумы стоят близко к посёлку. Да и прось-

ба отпустить караулить прибывшую упряжку тоже не была новостью. Скучают дети по родной тундре. Воспитательница дала Ёнке булочек с маслом да сахару. Оделся, обулся Ёнко потеплее, взял лыжи и — к отцу, даже ребятам ничего не сказал — так торопился.

У отца упряжка уже на ногах. Сам он хлопотал возле нарты, поправляя амдер — мягкую оленью шкуру для сиденья.

— Тут вот тынзян лежит, смотри не вырони, — сказал он сыну. — А вот здесь — мясо сушёное.

— А ты, папа, привяжи конец тынзяна к нарте — надёжнее, — предложил Ёнко, укладывая в нарту свои лыжи — широкие и короткие.

— Верно, можно привязать, — согласился Тыуман, потом, пылливо оглядевшись вокруг, произнёс: — До темноты-то, пожалуй, успеешь доехать до выпаса. Вон по той тропке поезжай. Смотри, от пастуха далеко не отлучайся. Говорят, волк появился. Помогай пастуху отпугивать его. Да сам не испугайся.

— Охо-хо! — звонко засмеялся Ёнко и, тронув упряжку, весело закончил: — Я не из пугливых!

...И вот он уже мчится по тундре, поминутно понукая оленей хореем. Хорошо Ёнке, весело. Перебравшись через узкую тундровую речушку, мальчик пересек невысокий холм, оказался за речным поворотом. И тут его осенила счастливая мысль — ведь отсюда до их места промысла совсем близко. «Что если попутно доехать сейчас до капканов и осмотреть их? — подумал Ёнко. — Когда ещё отправимся к ловушкам, а в последние дни

был снегопад, сегодня вон тоже метёт позёмка. Занесёт капканы — какой толк. А я бы осмотрел их и поправил. Может, песец попался — звери могут съесть, а я вовремя снял бы добычу. Здорово было бы! Эйси наверняка похвалит меня. Только вот не догадался попросить у отца разрешения использовать упряжку для поездки к капканам».

Мысль у Ёнки заработала так, что он даже остановил упряжку.

«Нет, надо доехать до капканов, — наконец, твёрдо решил Ёнко. — Ничего, что с папой не договорился. Если бы попросил, он бы не отказал. Что ему — жалко что ли оленей? Тут же недалеко. Ну, может, и поругает немного. А если вернусь с добычей, так ещё и похвалит. Только вот поздновато уже, да и пурга будто начинается. Но ничего. Сколько успею — осматриву, а потом помчу во весь дух к пастуху».

И Ёнко повернул упряжку с тройки направо. Снова понукая оленей, он помчался по снежной целине. Чем дальше, тем всё пристальней приходилось ему всматриваться в сумрачную затуманившуюся даль. Вот он уже у первых капканов. Они пока без улова и порядочно занесены снегом. Привязав упряжку, юный охотник встал на лыжи и принялся очищать снег с ловушек, поправлять приманки. Насторожение некоторых капканов ему не понравилось. Ёнко мысленно обругал ребят за неумение и халатность.

И снова упряжка двинулась вперёд. Вскоре мальчик почувствовал начавшуюся не вовремя пургу: носящийся в воздухе снег больно сек лицо, забивался в волосы, таял и струйками стекал по вискам, за капюшон, а ветер щипал щёки. Ёнко

тряхнул снег с волос, надел кашошон и посмотрел вокруг, потом взглянул на небо. Уже поздно. «Однако надо спешить к пастуху», — подумал Ёнко.

Вдруг весело бежавшие олени с диким храпом отпрянули в сторону. Ёнко едва не свалился с нарты. Силясь удержать взбесившуюся упряжку, он с ужасом увидел сквозь снежный вихрь совсем рядом что-то большое, тёмное, с горящими глазами. Волк! Он не то рычал, не то скулил. Его мутная тёмная фигура странно шевелилась. Ёнко, оторопев, соскочил с нарты и изо всех сил стал удерживать рвущуюся прочь упряжку. Олени, храпя и задрав головы, тол-

кали друг друга, крутили нарту на месте, а Ёнко с вожжой в руке прыгал рядом с оленем-вожаком, утопая в снегу по колена.

Постепенно они удалились немного от горящих глаз. Не видя и не слыша волка, олени перестали кру-

жить и, тяжело поводя боками и косясь в сторону зверя, начали топтаться на месте. Опомился и Ёнко — надо удирать или готовиться к защите. Волк, видно, только что попался в песцовый капкан и ещё не успел высвободиться из неподходящей для него ловушки. Что, если зверь оторвёт капкан от якорька и кинется сюда? Успеет ли Ёнко удирать? А если защищаться, то чем?

Всё это молнией промелькнуло в голове мальчика. Так же быстро подумал он о своём снаряжении. «Тынзян»,—осенило вдруг. Не выпуская вожжи, Ёнко вскочил на нарту, схватил тынзян. Он не обращал больше внимания на обжигающий ветер и колючий снежный вихрь пурги, зорко всматривался в громко скулящую, еле видимую фигуру волка. Олени нетерпеливо дёргали нарту, ветер то сбоку, то сзади старался свалить парнишку. Но Ёнко, широко расставив ноги, приготовился к броску тынзяна, конец которого остался привязанным к нарте. Через миг петля, подхваченная порывом ветра, со свистом полетела к светящимся в темноте точкам.

Сквозь шум пурги послышался резкий визг зверя. И не успел Ёнко схватить брошенный в снег хорей, как окончательно испуганные олени рванулись и понеслись куда-то. Ёнко с трудом удерживался на нарте, готовой вот-вот перевернуться. Он почувствовал, как под ним туго натянулся тынзян, а где-то позади в смертельном страхе заорал волк. От этого крика олени понеслись ещё бешеней. Править ими без хорея было трудно, и упряжка мчалась куда вздувается.

Темень, пурга, предсмертный волчий рёв, дикий бег испуганной упряжки... Мальчику сделалось страшно. Озябшими, онемевшими руками держался он за края нарты, чтобы не свалиться с сиденья. По разгорячённому лицу текли струи растаявшего снега и неприятно, больно щекотали. Заиндевевшие ресницы мешали видеть. В голове шумело. Во рту пересохло.

Сколько прошло времени в такой езде, трудно было определить. Во всяком случае, мальчику казалось, что пробежали олени огромный путь. Мало-помалу упряжка начала бежать ровней. Сидеть на нарте стало легче. Ёнко немного успокоился и заметил, что волчьего рёва уже не слышать. Бросил беглый взгляд назад — не оторвался ли зверь? В месиве из снега и темени не увидел ничего. Потянул рукой тынзян — тяжело поддаётся. Значит, волк в петле, видать, задушился.

Уставшие олени шли всё тише и тише. Они хватали снег разгорячёнными ртами и, наконец, совсем остановились, не чувствуя хозяйской руки. Ёнко даже вожжой не шевелил, куда едет — не знал.

Только хотел было подняться с нарты, как подумал:

«А вдруг волк ещё живой? Очнётся — беда может случиться».

— Кыш! Кыш! — погнался он оленей, дёргая вожжу.

Животные лениво поплелись вперёд, но вскоре опять остановились. Двое из них даже улеглись в пушистый снег — отдохнём, мол, опасность миновала, куда спешить?

Ёнко, пряча лицо от хлёсткого снега, подёргал на всякий случай тынзян, натянувшийся струной.

«Сдох, конечно», — решил мальчик, устало поднялся на ноги, привязал передового, как принято, к копылу нарты и, озабоченно оглядываясь, стал размышлять, что же делать дальше.

Была уже ночь и буранило по-настоящему: ветер, холодный, пронизывающий, со свистом кружил жёсткий снег. В нескольких шагах не было видно ничего. Утопая в снегу, Ёнко обошёл кругом упряжку. Поглядел на небо и тяжело вздохнул: хоть бы звёздочка какая светилась — одна бурлящая мгла. Понял — ехать дальше бесполезно. Как тут узнаешь, где пастух с оленями, где посёлок? По Полярной звезде, по сполохам северного сияния Ёнко легко бы узнал, где Юг, где Север. Кто в тундре не осведомлён в этом? Но сегодня небо — плохой ориентир.

Грустно стало мальчику, хотелось плакать, позвать на помощь. Он сел на нарту и растерянно крутил в руке конец вожжи, ёжась от холода. А в глубине ребячьей души словно кто-то участливо, ласково шептал: «Только не пугаться и не теряться. Не куралесить зря по тундре, не мучать себя и оленей. И не плакать. Лучше переждать буран. Куропачий-то чум на что? Да ещё с оленями».

Это были слова, не раз слышанные мальчиком от взрослых. И Ёнко сейчас невольно вспомнил этот совет. Правда, теперь он один, без взрослых. Но что ж — Ёнко уже не грудной младенец, самостоятельно ездит на оленях, вон волка тынзяном задушил, только хорей потерял.

Подумав о волке, который находился где-то совсем рядом в снеж-

ной кутерьме, мальчик снова почувствовал страх. Но он сумел быстро отогнать от себя мысль о возможном воскрешении зверя. Когда Ёнко взглянул в сторону, куда уходил тынзян, ему даже захотелось поглядеть на свою добычу. Он встал с нарты, но сильно покачнулся от резкого порыва ветра и раздумал. Подойдя к лежащим кучей оленям, уже заметно занесённым снегом, Ёнко минуту постоял, внимательно всматриваясь в их неясные очертания. Затем осторожно пробрался и поудобнее улёгся между вожаком и соседним оленем. Олени даже не шевельнулись.

Ёнко закрыл глаза и вдруг почувствовал сильный голод. Глотая слюну, стал мечтать об ужине, который, наверное, уже давно закончили интернатские ребята. Вспомнил, что за пазухой под малицей лежат булочки. Спихватился и о сушёном мясе, положенном отцом в нарту. Но вставать и идти за мясом не хотелось, и Ёнко, сунув руку за пазуху, нашёл булочки, сахар, начал есть.

«Да, плохо получилось, — думал он, пряча лицо в густой, тёплой мех оленя-вожака. — Отец, наверное, считает, что я помогаю пастуху оленей караулить. Поди, доволен, что удалось быстро отправить оленей на пастьбу. А бедные олешки лежат голодные, зубами скрежещут — в упряжи-то трудно доставать корм из-под снега. И воспитательница, наверное, тоже считает, что я в безопасности, возьме пастуха. А я совсем не знаю, где я нахожусь. Может, долго придётся так лежать. Могу даже уроки пропустить. Ой, как нехорошо получилось. И зачем только я вздумал к

капканам поехать. Теперь давным-давно был бы с пастухом. Пастуху, однако, трудно одному караулить оленей в такую пургу. Я бы очень помог ему — вдвоём-то уж наверняка не допустили бы волка к стаду. А не этот ли, задушенный мной зверь, беспокоил оленей. Может быть, я уже помог пастуху избавиться от хищника? И вообще, раз я уничтожил волка, значит, всё равно помощь в сохранении оленей оказал. Пожалуй, папа не очень сильно будет ругать меня за самовольную поездку к капканам. И воспитательница не так расстроится, что я в пургу ночевал один в тундре. Вот только не пропустить бы уроков и успеть подготовиться к ним».

Ёнко беспокойно зашевелился. Ненадолго почувствовал жгучий снежный вихрь. Снова спрятал лицо в олений мех. Шевельнул ногами, начавшими согреваться от близости с животными. Пурга всё больше и больше заносила упряжку и её маленького хозяина, словно куропаток, зарывшихся в снежную лунку на ночлег. Недаром ночёвку в открытой тундре называют пребыванием в «куропачьем чуме».

Усталость и время брали своё. Вскоре Ёнко задремал, а потом уснул. Проснулся он оттого, что кто-то вдруг бросил его лицом в снег и стал громко хлопать возле уха. Ёнко открыл глаза, поднял голову и почти над собой увидел стоящего оленя. Животное, в мех которого мальчик прятал лицо, видно, не стерпело голода, вскочило на ноги и возле самого уха хозяина начало бить копытами в снег в поисках корма — ягеля.

Неуклюже заворочавшись, Ёнко

насилу выбрался из-под толстого слоя снега, поднялся на ноги и стал осматриваться. Тьма поредела, пурга заметно стихла, и мальчик видел теперь довольно хорошо. Наступало утро — вот сколько, оказывается, он спал.

Утопая пимами в глубоком снегу, Ёнко добрался до нарты, рукавом малицы смахнул снег с амдера и сел на оленью шкуру. Позёвывая, снова стал оглядываться, поглядывать на небо. Да, наступало утро, а оно здесь зимой позднее, значит, времени уже много.

«Чего же мне сидеть? — стал размышлять Ёнко, пристально всматриваясь в пепельно-мутную даль. — Может, я совсем недалеко от пастуха и можно давно уже попасть к нему? Где же всё-таки я?»

Ёнко встал и принялся внимательно изучать местность, прощупывая взглядом еле видимые ямы, сугробы. «Нет, ничего тут не узнаешь, — думал он. — А может, испуганные олени понесли меня в обратную сторону и я где-нибудь недалеко от посёлка?»

Мальчик повернулся лицом к ветру и стал старательно принюхиваться. Вроде дымком припахивает. Значит, на ветреной стороне есть жильё. Только это может быть и не посёлок, а чей-нибудь чум.

Ёнко ещё несколько раз втянул в себя воздух и решил: «Пахнет здорово дымом. Наверняка там наш посёлок. Ох, и далеко же завезла меня взбесившаяся упряжка. Когда я выехал из посёлка, ветер дул с левой стороны, а сейчас дым несёт на меня. Выходит, я проехал мимо посёлка и далеко в обратную сторону. А не переменялся ли ветер?»

Мальчик опустился на корточки и стал рассматривать снежные заструги.

— Нет, ветер без перемены, — произнёс он вслух и мысленно добавил: «Теперь, чтобы к пастуху попасть, всё равно нужно ехать через посёлок. Вернусь с упряжкой домой».

Пока Ёнко размышлял и определял своё местонахождение, заметно посветлело. Буран, словно обесилев от неумеренного буйства, налетал изредка и незлобно. Ёнко решил не мешкать и двигаться на запах дыма. Окончательно освободившись ото сна, он чувствовал себя довольно бодро, только ноги снова начали зябнуть и больно горело лицо, иссечённое колючим снежным вихрем. Чтобы несколько согреться, мальчик принялся расталкивать ногами оленей, занесённых снегом. Потом стал хлопотать возле нарты. Увидел натянутый тынзян, вспомнил про волка. Как же быть со зверем? Опять волочить на аркане? А вдруг оторвётся? Ищи его потом, а добыча-то почётная. И мех, поди, можно повредить — пока тащишь, на боку у волка лысины появятся.

Наконец Ёнко отважился посмотреть на свою добычу. Он изо всех сил потянул за тынзян, но тот не поддавался: должно быть, волк сильно занесён снегом. Тогда Ёнко, предусмотрительно держась за аркан, чтобы не потерять упряжку в ещё не совсем утихшей пурге, побрёл к добыче. Идти пришлось долго — тынзян был длинный.

Вот он и у своей жертвы. Волк действительно почти целиком занесён снегом. Ёнко не без труда сбросил с околевшего зверя плотный снег и удивился — полярный волк

был большой, как годовалый олень.

Ёнко решил подтащить тушу к нарте и взвалить волка на неё. Тащил он долго, то и дело падая в снег. И уже у самой нарты догадался, что лучше было бы подвести к добыче упряжку. Потом упорно старался взвалить тушу на нарту, но так и не смог — не хватило силёнки.

Подумав, Ёнко привязал убитого зверя сзади нарты вплотную к сиденью — волк теперь касался снега лишь хвостом.

Устало выпрямившись, мальчик опустил капюшон малицы и увидел вдаль бледную цепочку огней. Это же огни посёлка! Значит, правильно сориентировался. От радости Ёнко даже запрыгал. Наскоро поев сушёного мяса, двинулся в путь. С сожалением подумал о хорее — без него нелегко править упряжкой. Встал на лыжи и повёл упряжку за собой.

Въезд Ёнки в посёлок с волчьей тушей первыми учуяли собаки. Разноголосым лаем проводили они упряжку до квартиры Тыумана. Когда отец вышел к неожиданному появившимся оленям, Ёнко горячо стал рассказывать ему обо всём случившемся. Пока Тыуман вникал в суть дела и журил самовольного сына, вокруг них собралась целая толпа зевак.

Не сразу поверили некоторые рассказы мальчика, но волк действительно был задушен тынзяном, всё ещё стягивающим горло зверю. Ран видно не было, а от выпавшего где-то капкана остался на лапе волка лишь еле заметный след. Выходило, что Ёнко не обманывает.

Слух о том, что двенадцатилетний мальчик в пургу тынзяном пой-

мал и задушил волка, быстро распространился по посёлку. А сколько изумления и гордости было в интернате! Воспитательница, конечно, беспокоилась не простудился ли Ёнко, но тоже была довольна смелостью и находчивостью мальчика. Тыман же, немного для порядка побранивший сына за самовольство, отправил с попутчиком оленей на выпас и каждому встречному с гордостью сообщал о трофее его Ёнко.

О поступке Ёнко упомянули и на колхозном собрании, так как волки приносят оленеводству большой вред. Говорил учитель — охотник Эйси.

— Хорошо, что у нас растут такие смелые, находчивые ребята, — сказал Эйси. — Этому способствует

и то, что в школе их обучают труду. Надо, чтобы колхоз всячески помогал школе в этом деле.

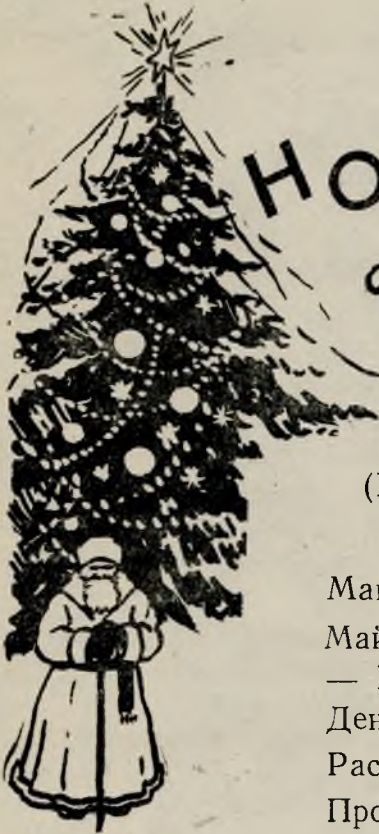
Колхозники горячо поддержали его. Собрание решило выделить средства для обеспечения школы охотничьим инвентарём. А за убитого волка Ёнко, конечно, должен получить премию.

А Ёнко в это время спал, как и положено славно потрудившемуся человеку. Во сне он отвечал у доски урок, и учительница хвалила его за то, что он вовремя вернулся из тундры и хорошо подготовился к занятиям. Потом Ёнко видел, будто за уничтоженного хищника (а это полагается по закону) ему выдали премию — ружьё. Ёнко был безгранично счастлив и улыбался во сне.

НОВОГОДНЕЕ УТРО

(Про мальчика Майму)

Майма папу разбудил,
Майма папу попросил:
— Папа, миленький, сегодня
День особый, новогодний.
Расскажи мне что-нибудь
Про ребят, про ёлку
И про то, как вышел в путь
Дед-Мороз к посёлку.
Папа сыну рассказав:
«Долго Дед-Мороз шагав.
Океаном, лесом, тундрой
Шёл он, ласковый и мудрый.
Нынче утром вышел прямо
На посёлок Гыдоямю.
А в фактории, у школы,
Много девочек весёлых,
Много радостных ребят
Дед-Мороза теребят:

— Заходи к нам! Что принёс
Ты, товарищ Дед-Мороз?»
...Майме стало так обидно,
Майме стало так завидно,
Что едва сдержал он слёзы:
Захотелось самому
Посмотреть на Дед-Мороза,
Что-нибудь сказать ему.
Только Майма не заплакал —
Стал опять отца просить:
— Нужно, папа, мне, однако,
Тоже в школу поступить!

Перевёл с ненецкого
МИХАИЛ ЛЕЦКИН,

Яблонька расцвела...

Фотоэтиюд Л. Славолюбовой.

У НАС В ГОСТЯХ

„БЯРОЗКА“

В одной из дореволюционных книг писалось: «Есть на Руси немало мест, холодных и голодных, но мало можно найти обширных краёв, таких скорбных, какова Белоруссия».

За годы Советской власти неузнаваемо изменилась Белоруссия. «Край болот» превращён в цветущую республику, которая имеет развитую промышленность, богатые колхозы, множество школ и высших учебных заведений, интересную литературу, новые города и красивую столицу Минск.

«Он красив, наш город, — зелёный и солнечный или празднично убранный в белую накидку зимы, но всегда многолюдный, шумливый. Он кажется ещё красивее с наступлением вечера, освещённый тысячами сверкающих огней и тихих людских улыбок. Белорусскую столицу давно перестали миновать её многочисленные гости — делегации рабочих, крестьян, интеллигенции зарубежных стран. Им нравится наш молодой город, выросший на небывалых руинах последней вой-

ны. Пройдитесь сегодня по Минску, и вы не увидите улицы, где не строился бы новый дом. А над домами, перекрещивая синь неба длинными решётчатыми стрелами, высоко вздымаются подъёмные краны. Они, как маяки, показывают, где возводятся стены нового дома, за которыми вскоре заструится тепло человеческого жилья. Вдоль улиц, за строительными лесами, прихорашиваются, одеваются в свой замысловатый наряд уже построенные дома. Кажется, что они и прячутся за лесами только для того, чтобы вдруг выглянуть из-за них во всей своей красе и обрадовать собой людское око», — так любовно описывает белорусскую столицу В. Полторан в своём очерке «Чувство высоты».

Богатой стала Советская Белоруссия и счастливой. Здесь в тяжёлые годы гитлеровского нашествия рождались герои, отдавшие свои молодые жизни за свободу народа.

Об одном из таких героев рассказывает гостящий у нас белорусский журнал «Бярозка».

Сергей Граховский

Не смоет дождь
и не заснежит заметь
Глубокий след ровесников моих.
О них, отважных,
не сотрётся память,
И даже время не состарит их.
Где пепел был,
там расцвела черешня,
Давно травой
могилы заросли,
Но по сей день
живёт
в Европе песня,
С которой
умирать
ребята шли.
Никто не потревожит их ни разу,
Спокоен сон ровесников моих.
Я помню их и клятвенно обязан
Не только жить,
но и творить за них!

*Перевёл с белорусского
Е. РУЖАНСКИЙ.*

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Очерк

«Ты будешь лесоводом»

В горячий июльский день к правлению колхоза подъехала автомашина. Из неё вышли несколько человек. Они направились в здание правления.

— Мы из области, — назвали себя приезжие. — У нас задание — сделать снимки вашего района. Вот наши документы.

— Какая помощь вам нужна от нас? — спросил председатель, возвращая удостоверения.

— Проводник в лесу нам нужен.

— Не знаю что и делать. Люди все в поле. А без проводника вам в

наших лесах действительно не обойтись. Слыхали, видать, о нашей местности?

— Слыхали. Нам такого наговорили, что мы и ехать к вам боялись.

— В наших лесах пройти нелегко — чащи, трясина... Но мы вам поможем. Возьмите в проводники Тихона Борона.

В тот же день председатель привёл к топографам Тихона. Это был невысокий, худой мальчик лет двенадцати. На его лице поблескивали большие серьёзные глаза.

Топографы доверились Тихону. Несколько дней водил он их по лесной глухомани. Мальчик оказался

хорошим проводником. С шести лет он ходил с отцом на охоту в лес и знал здесь каждую тропку.

Закончились съёмки местности. Начальник группы топографов наградил Тихона подарком и крепко пожал ему руку.

— Ты будешь хорошим лесоводом, — сказал он. — Как закончишь школу, напиши мне, я помогу тебе поступить в институт.

Чёртово болото

Тихон любил лес, он готов был проводить в нём дни и ночи. Мать сначала боялась — а вдруг мальчик заблудится, погибнет. Но убедившись, что он знает лес, как родной дом, успокоилась. Мальчик относился к лесу, как к другу. В один из летних дней он уговорил своих одноклассников провести санитарный осмотр леса, собрать сухие ветки, валежник.

Но было в лесу одно место, которого боялся даже Тихон. В глубине Ружанской пуши раскинулось болото, которое называли Чёртовым. Подойти к нему почти невозможно. Только самые опытные люди могли пройти по его трясиным тропинкам. У болота была плохая слава. Говорили, что ведьмы и черти по ночам устраивают на нём игрища.

Однажды Тихон решил добраться до этого болота. Он вышел из дому после обеда, а пришёл к болоту уже вечером. Никаких чертей мальчик не заметил. Вдруг где-то вдалеке блеснул огонёк, второй, третий... Тихон испуганно замигал глазами. Что такое?.. Огоньки не исчезали. Всё это и вправду напо-

минало чёртов танец. И Тихон в страхе бросился бежать. А когда опамятовался, то не узнал места. Всю ночь блуждал он, пока не вышел на поляну, на которой стоял домик лесника.

Много знал Тихон о лесе, но ещё не знал он того, что не черти это были на болоте, а просто выходил из него болотный газ, который и светился.

С того времени Тихон всегда вспоминал Чёртово болото со страхом.

Боевое крещение

Сданы последние экзамены. Впереди — лето, полное интересных дел. Тихон с друзьями решил пойти в поход по окружным лесам.

Но началась война. Немецкие танки с грохотом мчались по дорогам в Ружаны. В селе остановилась фашистская часть. Многие колхозники успели уйти в партизаны. Вместе с семьёй ушёл в лес и Тихон Борон. Он стал партизаном отряда имени Кирова.

Сначала паренёк боялся, что для него не найдётся в отряде работы. Но дело нашлось — его послали в разведку. Потом Тихон распространял листовки, был связным. Весной 1943 года он принял первое боевое крещение.

Большая группа партизан, в которой находились отец Тихона и брат Василий, была окружена немцами. Завязался жестокий бой. Несколько раз немцы переходили в атаку, но отступали, теряя при этом много солдат. Тогда фашисты решили окопаться и послали за подкреплением.

В штабе партизанского отряда стало известно, что группа попала в окружение. Решили идти на помощь. Но путь далёкий. Правда, можно было пойти по прямой, через болото. Однако этой дороги никто не знал. Командир отряда Урбанович вспомнил о Тихоне.

— Сможешь провести?

— Смогу! — смело ответил мальчик.

— Смотри, Тихон, на тебя вся надежда. Если сомневаешься или забыл тропку, — не берись.

Партизаны пошли за юным про-

водником. Тихон уверенно вёл их через болото. И вот уже неподалёку стали слышны выстрелы. Помощь отряда подоспела вовремя: немцы с минуты на минуту ждали подкрепления. Удар с тыла был для фашистов неожиданным. Партизаны вышли из окружения. Но в этом бою погиб брат Тихона Василий.

Последняя дорога

На счету четырнадцатилетнего разведчика было немало убитых фашистов. Но однажды зимой, в январе 1944 года, случилось несчастье.

Тихон был в родном селе Байки, когда его окружили фашисты. Вот

они уже во дворе. Тихон не успел спрятаться, как они ворвались в хату.

— Попался! — закричал по-русски низенький лейтенант. — Связной?

Тихон молчал. Лейтенант ударил его кулаком в лицо.

— Где отец?.. Где братья?.. Ну?..

Глаз у Тихона заплыл кровью. В голове шумело от побоев.

— Вот что, — сказал наконец гитлеровец, — мы можем тебя сейчас же расстрелять. А заодно — и мать, и бабушку, и сестёр. Мы знаем, что партизаны прячутся где-то за болотом. Проведёшь нас по тропкам через болото?..

Тихон молчал.

— Не бойся, никто не узнает, что ты нам помог. Мы ничего плохого не сделаем твоим родным.

В это время в хату ввели бабушку Тихона, мать и его маленьких сестёр — Женю и Надю. Их поставили к стене.

— Соглашайся! — закричал лейтенант и направил пистолет на Женю. — Или я застрелю её. Раз, два, три...

Раздался выстрел. Комната наполнилась дымом. Женя упала. Офицер захохотал.

— Да нет же, я её не убил. Я пошутил. Но учти... Я их и впрямь расстреляю, если ты откажешься проводить нас к партизанам.

Вдруг Тихон решил:

— Хорошо, я провожу вас!

— Тихон! — вскрикнула бабушка и посмотрела на внука с немым укором.

— Молчать! — заорал лейтенант и сильно ударил старушку ногой. Тихон отвернулся и повторил:

— Я провожу...

— Молодчина! Вот тебе за это, — офицер протянул Тихону плитку шоколада. Мальчик взял её и горячо заговорил:

— Только вы не убивайте бабушку, маму и сестрёнок. Хорошо? А главное — никому не говорите, что это я вас проводил!

— Нет! Что ты! — усмехнулся фашист. — Мы умеем держать своё слово.

Через два часа отряд карателей выходил из села. Впереди шёл Тихон, рядом с ним — офицер, а следом цепью растянулись вооружённые солдаты.

Вот и лес. Грозно шумят деревья, и в их шуме слышится Тихону укор. Но никто не знал, о чём думал паренёк.

Лес становился всё гуще. Приходилось перелезать через завалы. Колонна разорвалась на части, солдаты часто останавливались, чтобы подождать отставших. Шли долго. Тихон оглядывался, словно вспоминая дорогу. А лейтенант кричал:

— Нужно быстрее! Не видишь, темнеть начинает!

Фашист боялся ночи. Он рассчитывал закончить операцию и вернуться в село засветло. Тихон же нарочно ждал темноты. Вот и дошли до болота. Тут уж совсем не было дорог. Шли напрямик. Солдаты выбивались из сил.

— Где же партизаны? — кричал офицер.

— Они где-то там, — показывал паренёк вперёд рукой и вёл фашистов всё дальше и дальше в глубину болота.

— Стой! Веди назад! — приказал офицер. — Ты, щенок, врёшь! Ты, видать, заблудился!

Тихон прикинулся плачущим, стал громко всхлипывать:

— Да, господин, заблудился...

Темнота окутывала землю. Офицер схватил мальчика за руку:

— Выведи нас отсюда. Мы дадим тебе много денег.

Тихон молчал. Потом он неожиданно бросился в кусты.

— Стой! — закричал немец.

Но Тихон бежал, не оглядываясь.

Вслед застрочили автоматы...

Мальчик упал. Перед его глазами всё закружилось, поплыло... И вдруг замелькали какие-то огни. Тихон приподнялся на локте. Огней было всё больше и больше.

«Это ж Чёртово болото!» — промелькнуло в голове паренька, и

он счастливо улыбнулся. Теперь он почти с наслаждением думал об этом таинственном и страшном месте. Фашисты не выйдут отсюда, не выберутся...

Паренёк жадно глотнул влажный воздух и прошептал:

— Бабушка, родная, не бойся... Я никого не выдал...

Он попробовал приподняться, но силы оставили его, и Тихон упал.

Грустно зашумел лес над телом юного героя, славного патриота нашей Родины. Подвиг его никогда не забудут советские люди!

*Перевёл с белорусского
Е. РУЖАНСКИЙ.*

Ефим Ружанский

Есть в области Брестской
Посёлок Ружаны,
Где в бедности предки
Мои родились.
Развеяло солнце
Гнилые туманы —
Принёс нам Кастрычник¹
Счастливую жизнь.

И рос бы посёлок —
Старинный мой тёзка,
Но враг налетел,
Всё порушил,
Разбил.
Вошёл он и в Байки —
Ближайшую вёску²,
Где Тихон,
Сынишка колхозника,
Жил.

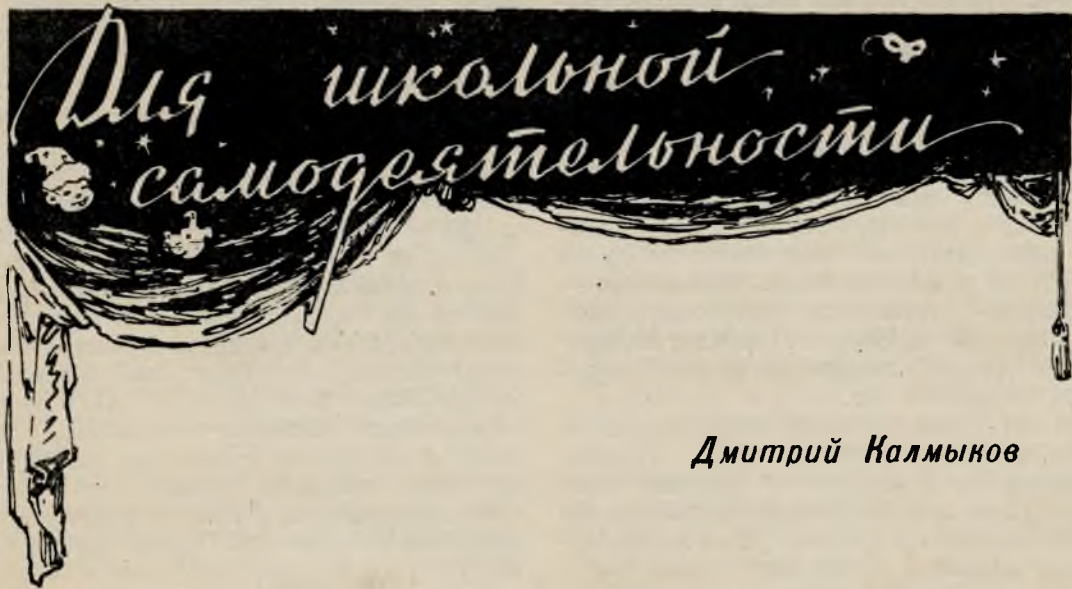
¹ Октябрь.

² Село.

Лесным следопытом
Сызмальства был Борон,
Мечтал лесоводом
Когда-нибудь стать.
Враги приказали,
Чтоб вёл их чрез бор он —
Они партизан
Торопились карать.

И мальчик повёл их.
В чащобе притих он.
Трясина!
Врагам она —
Вместо могил!..
И выстрел раздался.
Но умер ли Тихон,
Коль подвиг Сусанина
Он повторил?

Нет, помнят о друге своём
Партизаны,
И знает его
Белоруссия вся.
И стал знаменитым
Посёлок Ружаны:
В нём юный
Отчизны герой
Родился!

Дмитрий Калмыков

ПЕТЬКИН СОН

*Пьеса-сказка
в одном действии, трёх картинах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петя, ученик 5-го класса. Пионер.
Бабушка.
Царь Митрофан Первый.
Принц Митрофан Второй.
Первый министр.
Мудрец.
Первый холоп.

Второй холоп.
Людоед.
Паук.
Первый пленник.
Второй пленник.
Стражник, он же глашатай во дворце Митрофана Первого.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната Пети. Кровать, тумбочка, настольная лампа, стол. В середине окно. Петя лежит на кровати, читает книгу. Входит бабушка.

Бабушка. Петя, ты уроки учил?

Петя. Учил.

Бабушка. А что читаешь?

Петя. Сказку про Кашея бессмертного.

Бабушка. Поздно уже. Пора спать.

Петя (*умоляюще*). Ну, бабушка...

Бабушка. Спать, спать, спать. (*Отбирает книгу.*)

Петя. Бабушка, расскажи что-нибудь.

Бабушка. Нечего рассказывать — спать.

Петя. Ну, бабушка, сказку какую-нибудь...

Бабушка (*подумав*). Ладно, слушай. Давно это было, несколько сот лет тому

назад. Тяжело жилось тогда простому народу. Цари сурово угнетали его. Единственной радостью у людей было солнышко. Оно согревало их от морозов, потому как тёплой одежды люди не имели. Благодаря солнышку созревали хорошие урожаи, и народ кормился этим. Как взойдёт солнышко, так травка расправляется, цветы расцветают, птицы щебечут, петухи поют, радостно становится на душе. Вдруг на земле появился волшебник — Людоед. Он приносил всем только горе да слёзы. Не нравилось Людоеду, что солнышко радостно людям доставляет. И решил он украсть его.

И вот, когда солнышко скрылось за горой, чтобы отдохнуть до утра, Людоед схватил его и запрятал в большой сорокапудовый сундук. Сундук закрыл на замок и спрятал в своём царстве-государстве за морями и океанами.

Утром встали люди, а солнышка нет. Наступила на земле сплошная ночь. Загоревали люди, приуныли птицы, поблекли травы, урожаи пропали. Народ стал умирать с голоду. Но вот однажды добрый молодец, вроде тебя... Ты слышишь, Петя? Петя!.. Спит. Спокойной ночи.

Укрывает его, гасит свет настольной лампы и уходит.

В окне появляется луна. Петька встает, подходит к окну, долго смотрит.

Петя. Неужели будет вечная ночь? Да как можно с этим смириться! И что мне скажут в нашем отряде? Ведь я один

знаю, что украл солнце Людоед. Знаю, а мер не принял. Посоветоваться с пионервожатым? Нет, я сам пойду выручать солнце. Потом на совете отряда отчитаюсь во всём. И так, за дело. Ранец, фотоаппарат, фонарик, запасную батарейку. Спички пригодятся. Захватить папино охотничье ружьё на случай, если придётся драться с Людоедом. *(Снаряжается.)*

А как я проберусь через моря-океаны? Ведь в древнем царстве самолётов и вертолётов не было... Значит, и лететь туда надо на древнем транспорте. *(Снимает со стены коврик.)* Это будет мой ковёр-самолёт. Надо скатерть взять... Она будет служить мне скатертью-самобранкой. Захватчу и дедушкину тросточку, она заменит мне волшебную дубинку.

Ну, кажется, всё. *(Идёт к двери.)* Да, надо оставить записку. *(Пишет, потом читает):*

Дорогие мама, папа, бабушка и дедушка. Я не могу сидеть сложа руки в тот момент, когда солнышко находится в неволе. Я решил его выручить. Уроки я выучил. За меня не беспокойтесь. Вернусь с победой. Целую вас всех. Петя. *(Кладёт письмо на стол.)* Теперь всё. Пора в путь.

Гаснет свет, стена исчезает. Свет включается. Петя стоит на ковре.

Петя. Ну, ковёр-самолёт, в путь-дорогу. Маршрут — древнее царство.

Ковёр поднимается вверх, и Петька улетает.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Царство Митрофана. Возвышенное место, в центре — царский трон. Входит царь, напевая.

Царь. Светит месяц, светит ясный... *(Зевает).* Как солнце красное пропало, мы потеряли точный счёт. И днём и ночью спать хотим. *(Зевает, крестит рот.)* Эй, стража! *(Входит стражник.)* Стерегите наш покой. *(Устраивается на троне, через зевоту):* А мы погрузимся в государственные думы. *(Засыпает, храпит. Некоторое время молчание. Затем царь вскакивает.)* Эй, стража! Где вы?

Стражник. Здесь, Ваше величество. Царь. Ужасный сон! Немедленно зовите Первого министра и Мудреца!

Стражник *(кричит в дверь)*. Первого министра и Мудреца к Его величеству!

Далеко за дверями слышно повторение: «Первого министра и Мудреца к Его величеству!»

Входят Первый министр и Мудрец, низко, но с достоинством кланяются царю.

Первый министр. Что случилось, Ваше величество?

Мудрец. Что произошло? Как показывают звёзды...

Царь. К чёрту ваши звёзды!

Мудрец. Это так, но звёзды показывают...

Царь. Стукните этого болвана, чтобы не болтал лишнего!

Мудрец (*ударяет книгой Первого министра*). Слушаю, Ваше величество!

Царь. Да не его, а вас надо было стукнуть, ну ладно, уже отошло.

Первый министр. Вот так всегда.

Царь. Мы собрали вас, господа, чтобы сообщить страшную весть: в стране готовится смута. Всё это мне только что приснилось. Что скажет Первый министр?

Первый министр. Мне кажется, Ваше величество, надо закрыть все входы во дворец и выходы из него, запастись продуктами и переждать, пока кончится смута.

Царь. Одобряю.

Первый министр (*стражнику*). Закрыть все входы и выходы, и никого не пропускать!

Стражник (*кричит в дверь*). Закрыть все входы и выходы, и никого не пропускать!

Царь. Докладывайте по порядку, мы хотим знать, что происходит в стране.

Первый министр. Жизнь в вашей стране, Ваше величество, протекает прекрасно. С тех пор, как вы, Ваше величество, объявили оброк на слёзы, народ только улыбается. Правда, есть отдельные лица, которые по привычке плачут, так плачут они только по секрету.

Мудрец. Я считаю, Ваше величество, плакать по секрету — прямое посягательство на Вашу казну. Если холоп плачет по секрету, значит, он не хочет отдавать оброк на слёзы.

Царь. Мня-мня... Надо объявить указ, что злостных укрывателей мы будем казнить. Мня.

Мудрец записывает распоряжение царя в книгу.

Первый министр. Народ требует объявить войну Людоеду, если он добровольно не отдаст солнце.

Царь. Зачем им понадобилось солнце? Пусть покупают в церкви свечи, жгут костры — будет и тепло, и светло.

Мудрец. Ваше величество, они говорят, что урожай надо выращивать... Будет бы без солнца все с голоду помрут.

Царь. Ну и пусть себе помирают. Мы не будем из-за них объявлять войну... Пускай другие царства с Людоедом воюют. Нам своя шукура... мня-мня... тела дороже.

Мудрец. Ваше величество, нельзя допускать, чтобы они умирали. С кого же мы будем оброк собирать? Этак они...

Царь. Мня... Надо пресечь, а то, пожалуй, всем захочется умирать. Мня-мня... Объявите оброк на умирающих.

Мудрец. Мудро, Ваше величество.

Первый министр. Да здравствует Митрофан Первый!

Царь. Мня... Будет заниматься государственными делами. Мы хотим смотреть придворных артистов.

Первый министр (*стражнику*). Придворных артистов!

Стражник (*кричит в дверь*). Придворных артистов!

Вбегают артисты балета, кланяются царю, и начинается танец.

Входит принц.

Принц. Здравствуй, отец. (*Делает поклон царю.*)

Царь. Мы сколько говорили вам, мой милый принц, что при посторонних надобно называть Нас как подобает.

Принц. Простите... Ваше величество. Ваше величество, я наблюдал сейчас восхитительное зрелище. Умирая от скуки, я со своей свитой отправился на охоту, но так как из-за отсутствия солнышка в лесу темно, мы подожгли соседнюю деревню. Таким образом, мы убили двух зайцев: первое — было светло, как днём, и второе — народ оплакивал свои избушки, а мы записывали тех, с кого брать оброк на слёзы. (*Все смеются.*)

Царь. Уморил, уморил Наш сын.

Мудрец. Мудро, весьма мудро.

Первый министр. Да здравствует Митрофан Второй!

Царь. Дурак, оглушил! Ну, принц, вы Нас развеселили.

Принц. Ваше величество, там два холопа пытались погасить пожар, и я доставил их во дворец, на Ваш суд.

Царь. Пускай введут. (*Вводят двух холопов.*)

Принц. В ноги, в ноги царю! (*Холопы стоят.*)

Царь. Что? Бунт?! Мы кто вам, царь или не царь? Ну, отвечать! Мы вас спрашиваем! Мы хотим знать, кто мы?

Первый холоп. Чучело гороховое!

Мудрец. Мудро, весьма мудро.

Царь. Что? Ты с ними заодно?

Мудрец. Простите, Ваше величество, я думал, они на Первого министра намекают.

Царь. То-то.

Первый холоп. Позвольте сказать, Ваше величество...

Царь. Говори.

Первый холоп. Когда я говорил «чучело гороховое», я имел в виду вас, Ваше величество. Я тогда не знал, что Первый министр тоже..

Царь. Казнить, четвертовать, растерзать, утопить и повесить!!!

Принц. Ваше величество, разрешите мне самому казнить этих негодяев.

Царь. Мня-мня!

Принц (*к холопам*). Ну, что ж, молитесь перед смертью. (*Подходит к холопам, обнявая шпагу.*)

Слышна песня:

Потому что утром рано
Заниматься мне гимнастикой не лень.
Потому что водой из-под крана
Обливаюсь я каждый день...

Петька влетает на ковре-самолёте и останавливается над тронном.

Петя. Здравствуйте, представители древнего царства!

Все оборачиваются, видят Петьку в воздухе; ошеломленные, падают на колени. Холопы остаются на ногах.

Петя. Скажите, где я нахожусь и далеко ли до царства Людоода?

Мудрец. Это столица Его величества Митрофана Первого! А что касается царства Людоода — об этом мы не ведаем.

Петя. Царя?! У вас живой царь или на картинке?

Первый холоп. Пока ещё живой. (*Царь дрожит, пытается залезть под трон.*)

Петя. Любопытно посмотреть, никогда не видел живого царя. Ковёр, приземлись! Где же ваш царь?

Царь (*выглядывает из-под трона*). Я царь... Мня-мня.

Петя. Почему он под тронном? Это что, так полагается?

Второй холоп. Этому царю под тронном полагается.

Петя. Ну, встаньте же, покажитесь! (*Все встают.*) Так вот какие цари бывають! (*К холопам.*) Он, видно, здорово вам насолил. Что вы здесь делаете?

Второй холоп. Приговорены мы к смерти за то, что деревню спасали от пожара.

Петя (*присвистнув*). Выходит, ты не лучше Гитлера? Надо такого злодея сфотографировать. (*Вынимает фотоаппарат и наводит на царя. Все падают на колени.*)

Царь. Голубчик, не губи, убери ты эту штуку. Хочешь, мы их простим, только не убивай нас. (*Щёлкает затвор аппарата, вспышка магния. Царь ползёт на коленях.*) Хочешь, бери полцарства?

Петя. Зачем мне ваши полцарства?

Царь. Бери всё царство! Только не убивай нас!

Мудрец. Бери!

Первый министр. Бери!

Первый холоп. Бери, добрый молодец. С таким, как ты, не пропадём.

В это время принц выбегает за дверь и кричит.

Принц. Эй, стража, хватайте разбойника!

Вбегают стражники, хватают Петьку.

Принц. И холопов вяжите! (*Стражники связывают Петьку и холопов.*) Ну, как чувствует себя теперь новоиспечённый царь? (*Обращаясь к царю.*) Ваше величество, разрешите приступить к допросу.

Царь. А? Что? Мня-мня... Валяй. (*Не может встать. Мудрец и Первый министр помогают ему вскарабкаться на трон.*)

Принц. Кто ты такой? (*Приставляет шпагу к Петькиному животу.*)

Петя (*к холопам*). Это кто такой пещитится?

Первый холоп. Наследник, принц Митрофан Второй.

Принц. Ты будешь отвечать?

Петя. Уберите от меня этого поросёнка, иначе я не ручаюсь за себя.

Царь. Митрофан, отойди в сторону, пускай допрашивает Мудрец.

Принц вставляет шпагу в ножны, уходит.

Мудрец. Его величество хочет знать: из какого ты царства-государства и кто твой царь?

Петя. Простите, а вы кем здесь работаете?

Мудрец. Я служу у Его величества мудрецом.

Петя. Понятно... У царя своей мудрости нет, так он для этой цели вас содержит.

Мудрец. Мы слушаем тебя, чужеземец.

Петя. Я — представитель Советского Союза, в котором нет царей!

Царь. Мня-мня... А как же вы живёте без царя?

Петя. Как живём? Зажиточно, счастливо и свободно! Мы прогнали своего царя в семнадцатом году.

Царь. Мне кажется, это бунт?!

Мудрец. Кто ты такой и какова цель твоего визита?

Петя. Я — пионер тридцать седьмой школы. У вас проездом. Еду выручать солнце из неволи, чтобы вернуть народу счастье. Я требую немедленно развязать мне руки!

Мудрец. Ваше величество, может, правда отпустить его с миром? Ведь всё-таки он солнце хочет освободить.

Первый министр. А вещи отобрать и разделить.

Царь. Успеете ещё добро его поделить. Скажи нам, чужеземец, а кто же правит вашим государством?

Петя. С тех пор как прогнали царя, вся власть принадлежит народу.

Принц. Неслыханная дерзость — прогнали царя! Он может так смутить и наш народ. Царь-батюшка, вели его казнить.

Первый холоп. За что казнить?

Принц. За посягательство на трон.

Второй холоп. Народ вам этого не простит. Мы требуем освободить его! Он хочет вернуть красное солнце!

Принц. Ваше величество, теперь вы видите, как он опасен? Уже успел смутить холопов. Выход один — казнить. А заодно и этих свидетелей.

Царь. Не учи нас, мы сами знаем, что надобно его казнить.

Первый министр. Но прежде вещи разделить...

Царь. Всё ценное — в казну.

Принц, Первый министр и Мудрец бросаются к рюкзаку.

Мудрец (*берёт компас*). Какая странная вещичка...

Петя. Это компас. Осторожнее, убьёт!..

Все, как ужаленные, отскакивают. Затем снова осторожно подходят к рюкзаку, разглядывают вещи.

Первый министр (*берёт ружьё*). А это что?

Петя. По этой штуке я считаю... звёзды.

Царь. Отдайте мне, теперь я буду царём и мудрецом одновременно.

Принц, Первый министр и Мудрец расхватывают Петькины вещи.

Первый министр. А это мне!

Мудрец. А это мне!

Принц. А это мне!

Мудрец. Осталась неподелённой какая-то дубинка. (*Берёт тросточку, рассматривает её, затем бросает.*) Зачем он возит всё?

Петя. Сейчас увидите. Дубинка, попляши!

Дубинка поднимается вверх и ударяет царя, потом Первого министра, принца. Те отбегают. Дубинка преследует их. Суматоха. В это время Петька зубами распутывает холопам верёвки. Холопы развязывают Петьку.

Первый холоп. Вяжи царя и его свиту! (*Связывают всех.*)

Второй холоп (*обращаясь к Пете*). Мы построим нашу жизнь, как в вашей сказочной стране!

Стражник. Примите и меня. Я за такое царство, в котором нет царей. А пока я буду охранять их (*указывает на свя-*

занных). Ручаюсь, от меня не убегут.

Первый холоп. Ну, если так, принимаем. Но смотри в оба, отвечаешь головой за них.

Царь. Простите Нас, Мы вам подарим Наше царство!

Стражник (царю). Молчать! Я, видишь, на посту!

Петя. Ну, вот и всё. Теперь я буду собираться в путь-дорогу.

Первый холоп. Скажи нам, как тебя зовут?

Петя. Петька Иванов.

Второй холоп. Спасибо тебе вечное за то, что нам глаза открыл.

Первый холоп. А если солнышко освободишь, все люди на земле тебя всю жизнь будут благодарить.

Петя. Даю вам честное пионерское, если для выполнения этой задачи потребуется моя жизнь, я не задумаюсь, отдам её. (Надевает рюкзак, собирает вещи.) Ну, пора прощаться.

Прощается с холопами, подавая руку.

Первый холоп.частливого пути!

Второй холоп. Желаем удачи!

Петя. (Становится на ковёр. Ковёр взлетает.) До скорого свидания!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Царство Людоеда.

Справа—паутина, на ней — Паук. Под паутиной два связанных пленника. В центре — большой сундук, закрытый на огромный замок. На сундуке, пригорюнившись, сидит Людоед.

Людоед. Надоело мне караулить это солнце и отлучиться нельзя: только отойдешь — людишки тут как тут.

Паук. Так выбрось сундук в море-океан.

Людоед. Я сам так думал, да, пожалуй, царь морей—Нептун отдаст людишкам солнце.

Паук. Мы пропадем с голоду. Ты не летаешь, людей не приносишь, надолго ли нам этих пленников хватит?

Людоед. Людишки сами приходят сюда будут, если захотят иметь солнце. А мы их — ам и скушаем. Ха-ха-ха-ха!

Паук. Долго ждать приходится.

Людоед. Не ворчи, Паук, без тебя тошно. (Людоед встаёт, накрывает сундук покрывалом, повёртывается вокруг себя и улетает.) Я немного прогуляюсь, а ты стереги солнце и за пленниками смотри.

Паук. Слушаюсь!

Слышен голос Петьки:

Потому что утром рано
Заниматься мне гимнастикой не лень.
Потому что водой из-под крана
Обливаюсь я каждый день...

Появляется ковёр-самолёт, приземляется.

Петя. Ну, кажется, уже близко царство Людоедово. Отсюда я начну наблюдение за Людоедом.

Слышны дикие крики зверей, птиц, страшный хохот.

Петя. Как страшно здесь! А что будет, когда я встречу с Людоедом? Может быть, вернуться? Нет, я клятво дал, что обратно без солнца не возвращусь. (Устраивается на сундуке.) Надо позавтракать и отдохнуть. Ну, скатерть-самобранка, покорми меня! (Расстилает скатерть, на ней появляются тарелки с едой и фруктами. Звон цепей. Петька настораживается. Звон повторяется. Петька подходит к паутине.) Мамачка, да ведь это ж люди! Наверное, пленники Людоеда. Вот жалко, я напильника с собой не захватил. (Обращается к пленникам.) Кто вы? Как сюда попали? (Пленники кивают головами, мычат.) А, у вас рот забит кляпом! (Вытаскивает изо рта пленников кляпы.) Что вы здесь делаете?

Первый пленник. Мы так же, как и ты, добрый молодец, хотели солнышко освободить. Но Людоед схватил нас и заковал в цепи.

Петя. А может быть, я эти цепи разобью?

Второй пленник. Не поможет, цепи распадутся только после смерти Людоеда.

Петя. Что же я стою! Вы, наверное, здорово проголодались? *(Угощает их.)*

Первый пленник. Мы пять дней не ели.

Петя. Ешьте, ешьте. Я прокормить могу целый город. Так говорите, цепи распадутся лишь после смерти Людоеда?

Первый пленник. Только после смерти...

Петя. А где он солнышко запрятал?

Второй пленник. В сундуке, который стоит под этим чёрным покрывалом.

Петя убирает еду, снимает покрывало.

Петя. Ну вот, наконец-то я у цели. Остаётся сразиться с Людоедом, убить его и освободить солнышко.

Первый пленник. Убить его нельзя, пока жив Паук, потому что сердце и сила Людоеда — в Пауке. Если убить Паука, Людоед будет бессилен и сам умрёт. Об этом много раз хвастался Паук. *(Паук начинает шевелиться.)*

Петя. А где хранится ключ от сундука?

Второй пленник. У Людоеда на груди.

Петя. Пока нет Людоеда, расправляюсь с Пауком.

Первый пленник. Осторожнее: Паук смертельно кусается.

Петя вскидывает ружьё, но в это время появляется Людоед. Он бросается на Петю, выхватывает ружьё, а Петю отшвыривает.

Людоед *(зло хохочет)*. Ха-ха-ха-ха! Ты слышишь, Паук, этот щенок тоже пришёл солнышко выручать. Так скоро мы всех людей переловим.

Петя. Рано торжествуешь, Людоед. Ты со мной потягайся вначале.

Людоед. Ха-ха-ха-ха! В чём заключается твоя сила?

Петя. В народной мудрости.

Людоед. Не знаю, что такое мудрость. Ну, что ж, псказывай, на что способен.

Петя. Я могу делать огонь. А ты?

Людоед. Огонь от молнии бывает.

Петя. Смотри, а я умею. *(Достаёт коробок спичек и зажигает одну спичку.)*

Людоед. Да, в этом ты силён... А что ещё умеешь?

Петя. Сейчас темно. А хочешь, будет свет? *(Включает фонарик.)*

Людоед. Как это здорово!

Петя. А что умеешь ты?

Людоед. Я за один раз могу проглотить этих пленников!

Петя. Это всякий сумеет. Ты сделай что-нибудь умнее...

Людоед. Тогда смотри, дуну и сундук поднимется. *(Дует, сундук поднимается и опускается.)*

Петя. А можешь дунуть так, чтобы цепи разлетелись?

Людоед. Могу. *(Дует. Цепи со звоном разлетаются.)* Ха-ха, видал?

Петя. А я дуну, эти люди улетят. *(Кричит, обращаясь к пленникам.)* Становись по одному на ковёр! *(Петька дует. Ковёр увозит сначала одного пленника, затем возвращается. Петька снова дует, ковёр увозит второго.)* Ну как? Кто из нас сильнее?

Людоед. Теперь ты дунь, чтобы они обратно прилетели.

Петя. И это можно. Направь волшебную палку на Паука. *(Показывает на ружьё, которое держит в руках Людоед.)* Нажми курочки и сразу прилетит много людей. *(Людоед направляет ружьё на Паука.)*

Людоед. Так, что ли?

Петя. Точнее, точнее, в самое сердце направляй! Ну, нажимай!

Два выстрела. Паук падает. Паутина опускается. Людоед роняет ружьё, шатаясь, валится на землю.

Людоед. Что ты со мной сделал?

Петя. Ты сам просил показать тебе, что я умею делать.

Людоед. Не радуйся. Пока умру, я ещё успею стереть тебя в порошок. Силы вещие, волшебные, соберитесь вместе!

Петя. Постой, Людоед, не колдуй, не трать зря свои силы. Я облегчу твои страдания. Эй, дубинушка, попляши! *(Отбрасывает дубинку, которая беспощадно наносит удары Людоеду. Людоед теряет сознание.)* Ну вот, теперь тебе легче. Ключ от сундука. *(Снимает ключ с шеи Людо-*

еда, открывает сундук. Яркий свет озаряет всё вокруг: вверх поднимается красное солнце.)

Солнце, теперь ты свободно! Согревай теплом своим нашу планету. Пусть все люди видят твоё сияние! Освещай и показывай верный путь к счастью. Многие века народы на земле будут гордиться тем, что первые лучи солнца дал им советский человек!

З А Н А В Е С

Перед занавесом пробегает Петя, на ходу надевает фуражку, укладывает книги и тетради в портфель.

Выходит бабушка,

Бабушка. Петя, завтрак забыл, теперь ты совсем опоздаешь в школу.

Петя. Бабушка, я бегом. *(Берёт сверток, укладывает в портфель.)*

Бабушка. Как это ты проспал?

Петя. Очень интересный сон приснился, будто я, советский пионер, освободил солнце из неволи.

Бабушка. Так оно и есть, Петенька. Мы первые освободили солнце. Ну, беги, а то опоздаешь.

Петя. Бегу!

Петя убегает, бабушка смотрит ему вслед, уходит.

К О Н Е Ц

Примечание автора

При постановке пьесы «Петькин сон» юные режиссёры могут встретить ряд трудностей. Например, как показать в спектакле летающий ковёр, волшебную дубинку?

В условиях сцены это делается с помощью так называемого «человека-невидимки». Для этого во всю ширину сцены натягивается чёрный бархат. Исполнители роли человека-невидимки выступают в плащах с капюшонами из такого же материала. В чёрных костюмах они становятся незаметными для зрителей. Эти исполнители во время спектакля могут пронести по сцене всякие предметы, изображающие ковёр-самолёт, скатерть-самобранку, волшебную дубинку и т. д.

Дождь выглянул из облака
И прыгнул сверху вниз.
Цветастый мост изогнутый
Над городом повис.
Цветастый мост повис дугой,
Упёрся в лес одной ногой,

Другой ногой завяз в реке —
От садика невдалеке.
А в садике,

а в садике
Как раз был мёртвый час.
Глядит кусочек радуги
Через окно на нас.

— Пойдём поймаем радугу, —
Мне Надя говорит.

А я сказала:

— Рада бы. —

А я сказала:

— Надо бы,

Да кто нам разрешит?

— Пойдём без спроса к радуге, —
Мне Надя говорит.

И вот мы встали на ноги,

А садик тихо спит.

Мы вышли в дверь и — на крыльцо,
И побежали к речке.

Мы не поймали радуги.
Пришлось назад идти.
Вернулись мы, а в садике
Не могут нас найти.
И Лидия Евгеньевна
Ругала очень нас,
Что мы без разрешения
Гуляли в мёртвый час.

«Скорей!» — стрекочут нам в лицо
Весёлые кузнечики.
И мы бежали, как могли.
Вот речка перед нами.
А радуга уже вдали
Горит семью цветами.

Сломался Карандаш

1

Лошадку Надя рисовала,
Зелёный карандаш сломала.
Есть голова, спины начало.
Но этого лошадке мало!
Тогда достала Надя синий
И провела им много линий.
Спина готова, хвост остался —
И синий карандаш сломался.
Вот карандаш нашёлся красный —
И сразу вышел хвост прекрасный,
И две ноги уже готовы.
Но... карандаш сломался снова.

Просит Надя сестру:
 — Помоги!
 Только две у лошадки
 Ноги.
 Не бывает лошадок
 Таких,
 Чтобы ног не хватало
 У них.

Долго думали-гадали
 Две сестрёнки — Надя с Валеёй.
 И решили малыши:
 — Пусть с двумя ногами будет,
 Пусть гуляет так, как люди,
 Потому что поломались
 Все карандаши.

Нашёл

А от меня все ягодки спрятались...

Фотоэтюды Е. Вершинина.

ЛЁШИНЫ

ВЫХОДНОЙ

Борис Козулин

Сегодня выходной день. Лёша ходит в детский сад, и по утрам мама с трудом будит его. Лёша хнычет: ему не хочется открывать глаза, вставать, одеваться. Но сегодня он проснулся раньше обычного. Он больше не хочет спать.

Некоторое время Лёша молча лежит в кровати, смотрит на стену, где затейливо переплелись тени от узорной оконной занавески. Он видит в них то зайчика, то косолапого мишку, то злого волка. Лежать одному почему-то становится страшно. Лёша выбирается из-под одеяла, вскакивает на ноги и кричит:

— Мама! Хочу к вам в серединку!

Мама встаёт, берёт Лёшу на руки, кладёт рядом с папой и тихонько шепчет:

— Только спокойно лежи. Папа лёг поздно, не мешай ему спать.

Мама ложится на край кровати и тут же засыпает. Папа тоже спит. Когда рядом папа и мама, Лёше не страшно. Ему хочется играть. Он натягивает себе на голову одеяло, получается дом. Но дом маленький, и в нём так темно, что не видно своей руки. Лёша поднимает ноги, упирается ими в одеяло. Становится светлей, но одеяло сползает и с папы и с мамы. Мама притягивает сына к себе, поправляет одеяло. На секундочку Лёша замирает. Потом вытаскивает наружу руки и запускает их в мамины волосы. Он перебирает их, наматывает на палец. Мама окончательно просыпается, освобождается от Лёшиных рук и встаёт.

— Разве ты дашь поспать! — со вздохом говорит она.

Лёше скучно лежать без движения. Он придвигается к папе и на-

чинает тормозить его. Папа сквозь сон что-то мычит, дёргает локтем. Но от Лёши отвязаться не так просто. Он принуждает отца повернуться на спину, садится на него верхом и, подпрыгивая, начинает изображать из себя наездника. В такт прыжкам Лёша приговаривает:

Баба-яга — костяная нога.

Печку топила, ногу обварила,

А потом и говорит:

«У меня нога болит!»

Папа открывает глаза и, улыбаясь, говорит:

— А я и забыл, что у тебя сегодня выходной.

После завтрака Лёша идёт к себе в уголок, начинает вытаскивать из своего ящика игрушки. Но тут же что-то вспоминает, поднимается и бежит к отцу:

— Папа, дай будильник! Ведь ты же обещал вчера.

— Правильно,—говорит папа,— обещал. А раз дал слово, надо выполнять его. Идём.

Папа достаёт из шкафа полумантый будильник и отдаёт его Лёше.

— Насовсем? — спрашивает Лёша.

— Конечно. Давай, чини его.

— Тогда клещи дай. И отвёртку.

С инструментом в руках Лёша идёт в свой уголок и начинает ремонтировать часы.

Папа уже несколько раз принимался за будильник, который не хотели брать в починку ни в одной мастерской. В таких случаях Лёша садился рядом и с любопытством смотрел, как он осторожно трогает маминым пинцетом что-то внутри часов. При этом папа беспрестанно повторял одну и ту же фра-

зу: «Всё понятно старику, старику-часовщику». Однако починить будильник так и не смог. Но Лёша обязательно починит. Он знает, как надо ремонтировать.

Пыхтя и сопя, Лёша откручивает маленькие рукояточки с задней стороны будильника. Когда не хватает силы, пускает в ход клещи. С помощью отвёртки он выворачивает блестящую крышку часов и заглядывает внутрь. Хотя Лёша не раз уже видел механизм будильника, сейчас он снова переживает чувство восхищения, удивления и восторга. Сколько в часах разных колёсиков, винтиков! Сколько интересных железок! Теперь они все его. И они ему очень нужны.

Лёша запускает в механизм отвёртку, но тут случайно замечает, что отец оделся и собирается куда-то уходить.

— Папа, ты куда?

— На рынок, сынок.

— Я хочу с тобой.

— Ну что ж, пойдём. Поможешь мне сумку нести. Мама, я думаю, разрешит?

Лёше и с будильником жалко расставаться и, вместе с тем, очень хочется пойти с папой. «Ничего,— решает он,— мы быстро сходим». Мама одевает Лёшу, и они вдвоём с папой отправляются на рынок.

Лёша любит ходить с папой, потому что тот подробно отвечает на все вопросы. К тому же папа никогда не сердится, когда Лёша буквально сыплет одно за другим: «А почему у машины круглые колёса?», «Почему солнце светит?», «Почему лампочки зажигают?», «Почему молоко белое?», «Почему растут деревья?», «Почему часы тикают?», «Почему у кошки хвост?»...

Лёша и папа идут по улице. Снег сверкает на солнце так ярко, что глазам больно. По дороге проезжают одна за другой автомашины. Лёша знает наизусть почти все их марки и сейчас вслух называет папе:

— Это «Москвич».

— Это «Волга».

— Это самосвал.

— Это...

Нет, такой Лёша ещё не видел. У обочины дороги стоит совершенно незнакомая машина с чем-то вроде длинной лестницы сбоку. «Трактор — не трактор, грузовик — не грузовик, пожарная — не пожарная...» Передним краем длинная лестница уткнулась в сугроб, а с другого её конца в кузов самосвала сыплется пушистый снег. Папа говорит, что эту машину называют снегопогрузчик, и сбоку у него не лестница, а транспортёр.

Пока Лёша и папа доходят до рынка, им попадают ещё два снегопогрузчика. За ночь выпало много снега, и, чтобы он не мешал на дороге, его спешат убрать. Каждый раз Лёша останавливается и с интересом смотрит, как две большие цепкие руки машины подгребают снег на лоток и сталкивают его оттуда на транспортёр. Быстро-быстро работают железные руки. Только подъехал самосвал, транспортёр заработал — и уже кузов полон снега. Один самосвал уехал, на его место тут же другой становится.

Всю дорогу домой Лёша помогает папе нести сумку. Он крепко держится за одну из её ручек и от усердия тихонько кричит. Но почти перед самым домом просят:

— Папа, понеси меня немножко.

Отец протягивает к Лёше руки: — Как же я тебя понесу? Видишь, у меня в одной руке сумка, в другой — бидон.

— А ты дай бидон мне.

Папа весело смеётся от Лёшиной находчивости, отдаёт ему бидон и подхватывает сына на руки.

После обеда папа говорит:

— Ложись скорее спать. Проснёшься — будешь снова исправлять будильник.

— Ладно! — радостно соглашается Лёша и начинает быстро раздеваться.

Однако о будильнике Лёша вспоминает лишь вечером. Он долго катался с ребятами во дворе с ледяной горки и совсем забыл о подаренных ему папой часах.

Снимая с Лёши насквозь промокшие штаны и варежки, мама говорит:

— Немножко поиграй и спать. Видишь, стрелки куда подошли?

Лёша смотрит на новый будильник и вспоминает о своём.

Вооружившись опять клещами и отвёрткой, он долго возится с часами. Вытянув от напряжения губы, откручивает винтики, сосредоточенно ковыряет отвёрткой в механизме. «Если вытащить эти два колёсика, — думает Лёша, — часы сразу будут лучше ходить. Колёсиков много и им просто тесно. А я из одного сделаю мотороллер, а из другого — снегопогрузчик».

В тот момент, когда Лёша нацеливается вытащить самое нужное зубчатое колёсико, мама снова напоминает:

— На сегодня хватит, Лёшенька. Идём умываться, кушать и спать. Ведь завтра тебе опять на работу. Рано вставать в садик.

Лёше очень не хочется отрываться от интересного занятия, но мама неумолима. «Ничего, — решает Лёша, направляясь умываться, — завтра я его всё равно вытащу».

В комнате тихо. Мама и папа вышли в кухню. Лёша лежит в кровати, но спать ему не хочется. Он ворочается с боку на бок. Кладёт руки поверх одеяла, потом засовывает их под подушку. Там прохладно. Внезапно его рука натывается на что-то колючее. Лёша вытаскивает из-под подушки маленькое пёрышко. Рассматривает его, гладит пальцем, потом зажимает в кулачок и кладёт руку под щеку.

В голове Лёши проносятся события минувшего дня. Одна картина сменяет другую: снегопогрузчик, новая книжка про Неумейку, которую купил сегодня папа, катание с горки и, самое главное, — будильник. Лёша завтра обязательно починит его. И зубчатое колёсико вытащит. Вот так возьмёт и вытащит.

Лёшина рука сползает с подушки. Пальцы шевелятся, что-то перебирают. Кулачок разжимается, белое пёрышко неслышно слетает на пол. Выходной день прошёл. Завтра снова на работу.

КАК ИРИНКА С ПАПОЙ ПОССОРИЛАСЬ

Когда папа пришёл за Иринкой в садик, она обрадовалась. Иринка всегда радуется, когда за ней приходят папа или мама. Вы думаете, что Иринка не любит ходить в садик? Очень даже любит. Правда, иногда ей идти в садик не хочется, но это не потому, что он ей не нравится. Очень даже нравится. Просто, когда разоспишься, просыпаться не хочется. Особенно, если сон интересный увидишь.

Иринка обрадовалась. Потому что знала — сейчас они с папой пойдут на бережок. На бережок Иринка любит ходить и даже больше, чем в садик. Там столько интересного — глаза разбегаются. А в садике уже не разбегаются. И знаете почему разбегаются? Потому что на берегу строят мост. Та-

кой большой мост, что один конец видно, а другой... тоже видно, но хуже. Мост весь из железа. Тяжёлый, наверное. Мамин уют тоже из железа и хотя не такой большой, как мост, но очень тяжёлый.

Иринке весело: сейчас они с папой пойдут на бережок, потом она погуляет на улице, может быть, даже поиграет со старшими девочками в пряталки. Правда, иногда Иринку в игру не принимают. И это прямо до слёз обидно. Говорят, что Иринка маленькая. А какая же она маленькая? Ей уже половина пятого. Нет, не четыре с половиной, а половина пятого. Конечно! Она же знает, что пять больше, чем четыре. Маленькая?! Ничего подобного. Иринка уже не в малышовой, а почти в средней

группе. Не совсем ещё в средней — в «четырёхлетней». И уже сама дразнит малышей:

Малыши-карандаши
взяли палки и пошли,
палки пропали,
малыши упали...

Вы, наверное, думаете, что Иринка дразнилка и не знает, что дразниться нехорошо? И совсем даже не дразнилка. Она отлично знает, что дразниться некрасиво. Но только иногда как-то само получается: не хочет Иринка дразнить, а всё равно дразнится.

И вообще все говорят, что Иринка «растёт по часам». Сначала было непонятно, по каким часам? По тем, что на столе? Или по маминим? Потом папа объяснил: «По часам — это, значит, быстро». Папа вообще много знает. А сейчас он стоит и торопит Иринку:

— Одевайся быстрее! На бережок надо, а потом мне на работу.

— А с кем я останусь? — сразу насторожилась Иринка.

— С тётей Полей.

Иринке совсем стало хорошо. Тётя Поля всегда весёлая. У неё можно поесть картошки в мундире с чёрным хлебом и селёдкой. Ох и вкусно! Иринка не раз уже просила маму сделать ей такой обед, но мама почему-то не соглашается, а готовит разные другие кушанья.

Прыгает Иринка от радости. Сначала на двух ножках. Потом вдруг вспоминает, что она и на одной ножке может прыгать.

— Посмотри-ка, папа, — кричит она, — как я прыгаю!

— Вижу, — говорит папа, а сам хмурится. Наконец он предупреждает Иринку: — Ещё пять минут

попрыгаешь и на бережок некогда будет идти.

— А пять минут это мало? — спрашивает Иринка и продолжает прыгать на одной ножке.

— Очень мало, — отвечает папа.

А Иринке ещё прыгать хочется. И на бережок хочется. Прискакала Иринка к своему ящичку, в котором у неё одежда висит, и хочет открыть дверку. Но дверка почему-то не открывается. Прыгает Иринка, дверку открыть не может, а папа сердится. Тогда Иринка перестала прыгать, и ящичек сам сразу открылся.

Достала Иринка тёплые штанишки — на улице зима, а они вывернуты на левую сторону. Начала она выворачивать их на правильную сторону, а у неё не получается. Вообще-то она умеет, только сейчас не получается. Почему-то одна штанина обязательно на левой стороне оказывается. А папа торопит:

— Быстрее, Иринка, не успею на бережок сходить.

Наконец Иринка вывернула штанишки на правильную сторону и только села на стульчик, чтобы их надеть, как увидела на красном полотнище над дверью большие буквы. Вчера букв не было, а сегодня есть. Буквы большие, белые, так и хочется их прочитать. Вы думаете, Иринка букв не знает? Знает. Уже четыре буквы знает. Вон там написано «Р».

— Папа, это «РЭ»? — всё-таки спрашивает Иринка.

А папа вдруг говорит:

— Всё, Иринка, на бережок не пойдём. Одевайся и — домой.

Иринке от этих слов стало совсем невесело.

— Я же не виновата, что там «РЭ» написано, — говорит она.

— Одевайся быстрее, иначе я сейчас уйду!

Папины слова Иринку обидели.

— Почему ты со мной так грубо разговариваешь?—спрашивает она.

Папа удивился:

— Как это грубо?

— Конечно, грубо. Я только тебе прочесть хотела, а ты кричишь. А на бережок я всё равно пойду. Одна пойду.

Папа удивился ещё больше и сказал:

— Если я с тобой грубо разговаривал, то извини меня, пожалуйста. Однако на бережок мы не пойдём. Некогда.

— А я всё равно пойду,— заупрямилась Иринка.

Вы, наверное, думаете, что Иринка упрямая девочка. Нет. Совсем не упрямая. Это только сейчас, потому что папа с ней грубо разговаривал.

А папа улыбнулся и сказал:

— Ну, что же, иди, если хочешь.

Тогда Иринка начала одеваться быстро-быстро, словно наперегонки.

— Вот бы всегда так одевалась, — смеётся папа.

А Иринке невесело, молчит Иринка, насупилась.

Вышли они из ворот. Папа свернул направо, домой, а Иринка — налево, на бережок. Идут по улице тётки и дяди и удивляются: почему это папа идёт в одну сторону, а маленькая девочка в красном пальтишке и красной шапочке — в другую.

Прошагала Иринка немножечко и обернулась: может быть, папа за ней идёт. А папа на неё и не смотрит.

Идёт себе по улице. Уже далеко ушёл. Ещё немножко прошагала и ещё раз обернулась: идёт папа за ней или нет? А папа уже к дому подходит (Иринкин дом совсем близко от садика).

Иринке и на бережок хочется, и одной как-то страшно. Вы думаете, она трусишка и боится волков? Совсем даже не трусишка. А волков в городе не бывает. И бояться нечего. Тёти и дяди, которые навстречу идут, улыбаются Иринке.

И волков в городе нет, и тётки с дядями хорошие, а всё-таки одной страшновато. Оглянулась Иринка ещё раз, а папы уже не видно.

Было Иринке и без того не очень весело, а тут стало совсем грустно. Но она не заплакала. Нет. Только почему-то ножки тише пошли. Хочет Иринка быстрее шагать, а они, как нарочно, тише идут, словно знают, что Иринке от такого настроения и на бережок идти расхотелось.

Идёт Иринка, со своими ножками спорит и вдруг видит: навстречу собака бежит. Лохматая, грязная и, главное,— незнакомая.

Пока Иринка думала, что ей делать, ножки ещё два шажочка прошли и остановились. Не хотят дальше идти. А собака бежит навстречу, косматым хвостом помахивает, землю нюхает и глазом на Иринку косит.

Поглядела Иринка по сторонам. Спрятаться некуда! С одной стороны забор и с другой стороны забор. Только один высокий, за ним Иринкин садик, а другой низенький, за ним разные деревья растут. Не успела Иринка подумать как следует, ножки вдруг сами повернули, да назад, да бегом! Хочет Иринка остановиться и не может. Вроде бы

Иринка сама по себе, а ножки — сами по себе. Собака, наверное, давно отстала, а Иринка никак остановиться не может. Ну что тут поделаешь! Не слушаются её ножки, бегут и бегут.

Вдруг налетела Иринка с размаху на что-то мягкое. И знакомый папин голос спрашивает:

— Куда это ты, Иринка, так торопишься?

— Никуда я не тороплюсь, — отвечает Иринка, а сама вся запыхалась. — Это не я тороплюсь, это мои ножки.

— Так, так, — говорит папа. — А на бережок сходила?

— Нет, не сходила. Я хотела идти, но ножки упираются. А от лох-

матой собаки и совсем побежали обратно.

— Вот видишь, — рассмеялся папа, — какие у тебя умные ножки. Они, оказывается, папу больше слушаются, чем тебя. В следующий раз я не с тобой, а с твоими ножками буду разговаривать.

Только на секундочку задумалась Иринка.

— Ножки-то умные ведь мои, — говорит она, — значит, и я умная. — И замолчала. А когда вошли во двор, добавила: — Я с ножками почти совсем согласна была. Только очень уж они назад быстро бежали, чуть меня не уронили... И знаешь, папа, давай не будем больше ссориться.

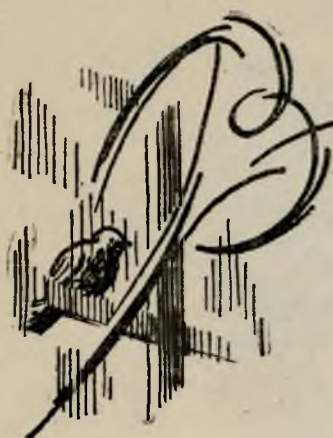

МАСТЕР

Александр Шестаков

Заколачивал молчком
Толя в крышку ящика
Настоящим молотком
Гвозди настоящие.
Потрудился он не зря —
Гвозди выстроились в ряд.
Лишь один высокий очень
Слушать мастера не хочет.
Гнётся вправо, влево гнётся,
Молотку не поддаётся.
Толя гвоздь поднёс к доске
И ударил... по руке.
Долго мальчик палец трёт.
Зареветь бы, что ли?
Но ведь мама отберёт
Молоток у Толи.

Вот ГЛУПЫШКА

Проснулась маленькая Ала
И с кровати закричала:
— Посмотри-ка, мама, мама,
Воробьишко сел на раму!
Нам тепло, ведь мы в избе,
А вот бедный воробей...
Видно, серенькая дошка
Очень плохо греет крошку.
Ой, да он совсем разутый,
Без пимишек почему-то?
Воробьишко весь озяб.

Прогонять его нельзя.
Я открою дверь тебе.
Ты не бойся кошки!..
Но глупышка-воробей
Улетел с окошка.

Не отдам!

Фотоэтиюд Е. Вершинина

Маринка и козел

Павел Анисимов

I

Что можно рассказать о человеке, которому только пять лет? Этот человек не совершил никаких подвигов. Он даже ещё не получал двоек.

Маринке пять лет. У неё круглое, как блюдечко, лицо. На середине этого блюдечка пристроился нос. Он похож на маленькую луковку, загорел и шелушится. Льняные волосы — такие же, как у куклы, только немного вьются. Каждое утро мама повязывает на них голубой бант, который по цвету не отличается от больших Маринкиных глаз. Этот бант постоянно развязывается, и, чтобы он не мешал, Маринка засовывает его куда-нибудь под диван или шкаф. Туфли у Маринки красивые, из синей кожи, с

жёлтыми шнурками. Шнурки тоже часто развязываются. Тогда она снимает туфли и бегает босиком, а мама волнуется и приказывает:

— Маринка! Сейчас же обуйся!..

Но Маринке не хочется обуваться. Поэтому иногда она не слушается мамы. Мама догоняет Маринку, сама обувает её и накрепко затягивает шнурки.

«Зачем нужно обувать какие-то туфли, когда земля такая тёплая, а травка мягкая, как ковёр?» — думает Маринка. Но так как и папа, и мама, и бабушка всегда ходят обутыми, Маринка на время мирится с этим. А когда туфли ей надоедают, Маринка снимает их и прячет в кадку с водой, которая всегда стоит около дома под водосточной трубой.

Туфли плавают в кадке, как ло-

дочки на озере. Это очень интересно!

Маринка любит книжки с картинками. Таких книжек у неё много. Их дарят и мама, и папа, и бабушка, и даже брат Витя. Особенно нравятся ей книжки, где на картинках изображены кошки, собаки, коровы, волки, медведи и другие звери и животные.

Читать Маринка ещё не умеет. Она заставляет взрослых читать ей. Сама же в это время внимательно смотрит на картинку и запоминает услышанное. Потом берёт книжку и, водя пальчиком по строчкам, «читает» сама. Так она может просидеть целый час, а то и больше.

И игрушки у Маринки — собака, кот, два медвежонка, заяц с оторванным ухом, козёл. Козла она зовёт Михеем. Так зовут настоящего,

живого козла, который съел Маринкину туфлю. А было это так.

Однажды Маринка опустила свои туфли в кадку, и вдруг во двор забежал соседский козёл. Он хотел пить и подошёл к кадке. Напился. Потом ухватил одну туфлю, отошёл в кусты сирени, улёгся и начал её жевать.

Маринка всё это видела, но никому не сказала. «Пусть козёл совсем съест эти ненавистные туфли, и тогда я буду бегать босиком», — думала девочка.

Но бабушка увидела, как козёл жуёт туфлю, взяла палку и побила козла. А мама возмущалась:

— Ну, что это за невозможная девочка! И как это она додумалась кормить козла туфлями? Вот теперь будешь ходить босиком. Не буду покупать тебе другую обувь.

Маринка хотела сказать, что она не кормила туфлями козла, что он сам их взял, но промолчала. Про себя она радовалась тому, что будет теперь ходить босиком. Однако туфли мама купила в тот же день...

Настоящего козла боялись все. Даже взрослые проходили мимо него с опаской. А ребята старались обходить Михея подальше. Маринка тоже боялась. Но так как по улицам она ходила только с мамой, папой или бабушкой, то козёл на неё не нападал, а лишь презрительно глядел на красный Маринкин сарафан. Впрочем, с таким же презрением Михей смотрел на всех жителей Береговой улицы.

Это был большой старый козёл. Никто не знал, сколько ему лет, даже Витя, который вчера перешёл в третий класс. Всем ребятам с Береговой улицы казалось, что козёл жил здесь вечно. И не было ника-

кой возможности от него избавиться.

Чёрно-бурая шерсть висела на Михее клочьями, как на старом полушубке. На лобастой голове в разные стороны торчали длинные острые рога. Седоватая борода, широкая у подбородка, клином опускалась до земли. Большие глаза всегда светились каким-то дьявольским огнём. Короткий, будто обрубленный, хвост торчал вверх.

Козёл часто забирался в огороды. Их не спасали никакие изгороди. И тогда по улице неслись возгласы огорчённой хозяйки:

— Чтобы он провалился, этот паршивый козёл! Опять капусту пожрал!..

За Михеевы шалости его хозяин, Никифор Семёнович Тимашук, каждое лето платил штрафы. Но расставаться с ним не хотел.

С козлом враждовали все мальчишки. От него трудно убежать, нельзя спрятаться. Михей всегда находил обидчика и брал его на «таран». Не раз козёл бывал бит, когда ребята собирались вместе. Но это не меняло его драчливого харак-

тера. Наоборот, козёл становился ещё злее.

Однажды ребята вздумали его «проучить». Случилось это так. Дядя Павел, который работает шофёром в совхозе «Утиное», приехал в отпуск. Как-то вечером он и Маринка сидели на крыльце. Дядя читал ей книжку. Вдруг на улице раздался отчаянный вопль:

— Ой, спасите!.. Ой, помогите!.. Ой, папа!.. Ой, мама!..

Чьи-то босые ноги торопливо прошлёпали по дощатому тротуару. Вслед за этим процокали козлиные копыта.

Дядя Павел вопросительно посмотрел на Маринку:

— Что это он так орёт?

— А это Михей будет сейчас кого-то таранить.

— Какой ещё Михей?

— Ну, Михей. Козёл. Чёрный и с бородой. И рога вот такие. — Маринка широко развела руки, чтобы показать, какие большие рога у козла.

Вопли о помощи повторились. Дядя Павел бросил книжку и выбежал за ворота. Маринка — за ним. На улице они увидели такую картину: к соседним воротам прижался мальчишка лет восьми с палкой в руке. Он тяжело дышал и громко плакал. Против него — Михей. Нагнув голову, козёл насмешливо глядел на мальчишку и наслаждался его страхом.

Дядя Павел бросился к ним. В тот же миг козёл подпрыгнул и боднул мальчишку, рогом зацепился за его штанину и покрутил головой. Мальчишка упал и опять заорал:

— Ой, спасите!.. Ой, помогите!..

Михей мекнул, отбежал в сторону и устоял на мальчишку и на дядю Павла. Маринке стало очень страшно. Она тоже заплакала и убежала в дом. А дядя Павел подошёл к мальчишке и поднял его.

— Здорово он тебя?

— Здо... здорово, — прохныкал пострадавший. — Шта... штаны порвал... Но... новые... А вчера у Мишутки — рубашку...

Мальчишка утёр рукавом нос и побежал вдоль улицы, поминутно оглядываясь. Дядя Павел прикрикнул на Михея:

— Я вот тебя, бородатый дьявол!

Козёл покосился на него, покрутил хвостом и пошёл обратно.

Вскоре пришли с рыбалки Витя и его приятель Толя.

— А Михей мальчишку гаранил! — сообщила Маринка ребятам. — Он с не нашей улицы.

— Эх вы, герои, — засмеялся дядя Павел, — паршивого козла проучить не можете. Люди тигров, львов укрощают, а они козла испугались...

— Да как его усмиришь-то? Вон он какой!..

— Очень просто. Поймайте и привяжите за бороду. Постоит так часа два-три — ручной станет. Как ягнёнок...

— Ну, ты научишь, — заворчала бабушка.

— Поймаешь его! — усомнился Толя. — Он злющий.

— Кинокартину «Табунщик» смотрели?

— Смотрели, — оба враз ответили Толя и Витя.

— Видели, как там коней арканами ловят? И козла можно заарканить.

— Да брось ты, Павел, молотыто, — недовольно заметила бабушка. — Наговоришь ребятам, они ведь тебе поверят. Ещё беду какую сделают. А вы марш спать! — прикрикнула она на ребят.

Ребята разошлись, но совет дяди Павла запомнили.

II

Полдень. Лучи солнца льются сверху прямо на голову. От зноя деревья и цветы вокруг дома стоят какие-то расслабленные. Даже светлые воробьи прекратили обычную возню в кустах сирени и куда-то попрятались.

Ребята укрылись от солнца под навесом и обсуждают, что взять с собой в поход. Они горячо спорят.

Большинство за то, чтобы чайник с собой не брать, а ограничиться жестяной банкой от компота. Её можно потом бросить, а чайник нужно тащить обратно. Вдруг Толя взглянул на калитку и крикнул:

— Ребята, Михей!..

Все вскочили. У калитки стоял козёл. Он что-то жевал и глядел на ребят, потом мекнул и тихонько двинулся к ним.

— Давайте его поймаем и прочим, как дядя Павел говорил, — предложил Витя.

— Попробуй поймай. Вон рожки-то оставил..

— Сейчас на таран пойдёт. Убегать-то некуда.. — И Толя оглянулся по сторонам.

А козёл уже подходил к ребятам. В это время откуда-то сверху упала волейбольная сетка и накрыла его. От неожиданности Михей вздрогнул, отпрыгнул в сторону и запутался в сетке.

— Хватай его! Держи! — крикнул Валерик. Это он забрался на сеновал и оттуда так удачно набросил сетку. — Хватайте!..

— А, попался! Теперь не уйдёшь! — И ребята всей гурьбой навалились на Михея.

— Надо привязать его за бороду. Вон в углу пень. Его вчера дядя Павел расколоть не мог. Клин забил, да так и оставил. Засунуть козлиную бороду в щель, а клин вынуть...

Пень тут же вытащили на середину двора. Тяжело отдуваясь, ребята подтянули сюда и козла. Двое держали его за рога, Толя засунул козлиную бороду в щель, а Витя выбил клин. Бороду защемило. Сетку распутали и сдёрнули, сами отскочили в сторону.

Разъярённый козёл в тот же миг бросился на обидчиков, но дико заревел от боли — пень крепко держал его за бороду.

Михей ревел и то бодал пень, то пытался от него убежать. Но всё напрасно.

Ребята шумно радовались своей удаче, злорадно посмеивались над попавшим в беду Михеем. А когда поиздевались вдоволь, — разошлись.

Маринка сначала смотрела на всё это в окно и возбуждённо хлопала в ладоши. Потом отыскала под столом своего игрушечного козла и привязала ниткой к стулу. Козёл молчал. Тогда девочка взяла линейку и побила его. Но козёл молчал и не сопротивлялся, и Маринке стало скучно. Она вышла на крыльцо. Настоящий, страшный козёл стоял у пня, грустно опустив голову. Маринке стало его жаль.

Она даже решила подойти к нему. Но в это время Михей увидел красивый сарафан, заревел и опять стал метаться около чурбана. Маринка очень испугалась и убежала в дом. Бабушка отдыхала. Маринка взяла книжку и стала смотреть картинки. Она так увлеклась, что забыла и про козла. Но вот она дошла до картинки, на которой были нарисованы два белых козлика. Козлики стояли и смотрели друг на друга. И тут Маринка вспомнила про Михея. Она отложила книжку и снова вышла во двор. Козёл по-прежнему стоял у пня, опустив голову. Он одним глазом покосился на Маринку, но даже не сдвинулся с места. Тогда Маринка подошла ближе и увидела, что из глаз Михея бегут крупные слёзы. «Он плачет», — подумала девочка и ей опять стало жаль наказанного козла.

— Михей, ты кушать хочешь? — спросила вдруг Маринка.

Козёл покосился на девочку и облизал губы.

Маринка побежала к цветочной клумбе, сорвала пучок травы и бросила козлу. Трава упала далеко. Козёл потянулся к ней, но не достал. Маринка ещё нарвала травы, подошла поближе и опять бросила. Теперь трава упала у самого пня. Михей посмотрел на девочку, на траву, нагнулся, захватил губами зелёный стебелёк и стал жевать.

— Кушай. Я тебе сейчас ещё принесу, — сказала Маринка и снова нарвала травы. Вытянув руку, она осторожно приблизилась к Михею и протянула ему пучок:

— На, кушай, кушай!

Козёл с недоверием смотрел на девочку. Потом вытянул шею, осторожно взял губами траву прямо из её рук и торопливо зажевал, покачивая головой.

Тут Маринка совсем осмелела и начала укорять козла:

— Ты, Михей, злой, с ребятами дерёшься. А бабушка говорит, что драться нехорошо. И мама тоже говорит. А папа сказал, что дерутся только хулиганы. Ты маленьких обижаешь, а маленьких нельзя обижать. Когда Витя меня обижал, его мама в угол ставила. Вот и тебя наказали.

— Не-е-т,— вдруг запротестовал Михей. — Не-е-т!..

— Как это «нет»? Я видела, как ты мальчишку с не нашей улицы таранил и штаны ему порвал. А за штаны ему от мамы попало. А хорошо разве в углу стоять? Нехорошо!

Козёл согласно закивал, пережёвывая травинку.

Из-под навеса вышла курица. Разморённая жарой, лениво переваливаясь с боку на бок, она прошла через двор к корыту с водой и начала пить, поминутно запрокидывая голову вверх. И Маринке тоже вдруг захотелось пить.

— А ты хочешь пить? — спросила она Михея. Козёл кивнул головой.

— Сейчас я тебе воды принесу. Девочка подбежала к корыту. Курица с тревожным кудахтаньем отскочила в сторону.

«Кто это такой?!» — возмущённо крикнул петух, услышав кудахтанье подруги.

Маринка не обратила на это никакого внимания. Попробовала поднять корыто, но оно было тяжёлое. Тогда Маринка побежала в дом и вынесла большую жестяную кружку. Бесстрашно подошла она к козлу и подставила кружку к его губам. Козёл тут же выпил всю воду.

Три раза бегала Маринка за водой, пока козёл напился. Потом из огорода принесла охапку сочных гороховых стеблей.

Козёл смотрел на всё это с большим удивлением. За всю свою жизнь он не помнил, чтобы за ним кто-нибудь так ухаживал. Он давно привык сам добывать себе пищу.

Маринка заметила, что глаза у Михея сейчас были совсем не злые, а какие-то задумчивые. Она присела тут же, у пенька, и смотрела, как козёл жевал гороховые стебли. Девочка так осмелела, что два раза потрогала его за бороду и один раз за рога. Михей к этому отнёсся равнодушно. Наевшись, он улёгся и стал дремать. А Маринка в это время говорила ему:

— Ты ведь не злой, Михей, правда? Ты ведь только играешь с ребятами, да? А они думают, что ты драться хочешь. Это потому, что они сами всё дерутся. И маленьких обижают. Мама купила мне лейку, а Витька у неё горлышко отломил. Он у куклы платье спрятал. Я её два дня гулять не водила. Без платья гулять не ходят. А ей нужен свежий воздух. Мама всегда говорит, что ребёнку нельзя без свежего воздуха. И без солнца нельзя. Только вот сейчас жарко. А тебе тоже жарко? Подожди, я бабушку позову, и мы тебя спасём. Ладно? Ты не скучай, я сейчас!..

Маринка поднялась и убежала в дом.

— Бабушка! Бабуся! — закричала она.

— Что, милая? — встревожилась бабушка.

— Бабушка, пойдём Михея спасать!

Маринка вскарабкалась к бабушке на диван.

— Михея? От кого его спасать-то? — не поняла бабушка.

— Да он привязан и плачет.

— Ладно, милая, спасём твоего козла. — Бабушка поднялась и, шлёпая туфлями по комнате, стала наводить порядок. А Маринка прижалась к подушке и задремала.

Прошло около часа. Михей отдохнул и опять стоял у пня. Ему надоело. Он снова начал реветь и бесноваться. В это время вернулся дядя Павел и сразу понял, что случилось.

— Экие бесенята, — усмехнулся он. — Вот и пошути с ними. А они за правду приняли. И как только ухитрились поймать этого дьявола.

А «дьявол» тоже увидел чужого человека и ещё энергичнее стал вырываться из плена.

— Ну, ну, не дури, — строго сказал ему дядя Павел. — Не дури, сейчас отпущу.

Он взял клин и стал тихонько забивать его в щель. Козёл испугался ещё больше и, упираясь ногами в землю, старался вырвать бороду. Щель расширилась. Козёл перевернулся вверх ногами, вскочил и в три прыжка исчез за воротами.

III

После этого случая козёл стал ещё злее и нападал на ребят при всякой встрече, особенно, если они попадались ему поодиночке. Но, странное дело, Маринку Михей не трогал.

Как-то в жаркий день девочка купала в тазике куклу. Красный Маринкин сарафан вымок, и она развесила его сушить. Во двор зашёл козёл, увидел красный сарафан и направился к нему. Маринка заметила козла, когда он был уже рядом. Ей стало очень страшно. Хотелось закричать, но слова не получались, хотя губы шевелились. Хотелось убежать в дом, но ноги не двигались.

А Михей стоял и молча смотрел на неё. Затем тихонько мекнул, потянулся к тазу и начал пить. Но вода была мыльная. Козёл недовольно фыркнул и затряс бородой. Потом улёгся возле Маринки и стал что-то жевать, прищурив глаза.

Маринка глядела на козла, на его седую длинную бороду, на клоч-

коватую шерсть, большие острые рога и думала, что же ей делать?

И тут она вспомнила, как однажды кормила и поила этого страшного зверя. Но тогда он был пленник. Как же быть теперь? Однако Михей лежал смиренно, и девочка успокоилась, она даже заговорила с ним:

— Ты зачем пришёл? Ты не будешь меня таранить?

— Не-е-ет! — протянул Михей.

— Я тебя сейчас напою.

Маринка побежала в дом за водой. В ту же секунду вскочил на ноги Михей и бросился вслед за ней.

Зачерпнув в ковш воды, Маринка вышла на крыльцо, где нетерпеливо постукивал копытцами козёл. Он сунул в ковш морду и с жадностью стал пить, уставив свои грозные рога прямо в Маринкину грудь.

— Ай, батюшки! — вскрикнула бабушка, которая в это время вошла во двор. — Ай, батюшки-светы! Мариночка, ягодка! Ведь он, ирод, сейчас убьёт тебя!..

От волнения бабушка выронила сумку с продуктами. Сумка тихонько крикнула. Из-под неё потекла молочная лужица...

Услышав чужой голос, Михей поднял голову, спрыгнул с крыльца и вихрем промчался мимо перепуганной бабушки. А она, охая и причитая, подбежала к внучке, обняла её и, торопливо ощупывая, не веря своим глазам, спрашивала:

— Маришечка, деточка моя, ты живая?

— Бабушка, он пить приходил. А потом тебя испугался. Ты его не бей, — заступилась за Михея Маринка.

Но бабушка ничего не понимала и только охала. Потом она долго рассказывала всем, как Маринка была на краю гибели и как она спасла её от неминуемой смерти...

IV

Скворешня висела на большом старом тополе. В ней уже давно пищали скворчата. Скворцы-родители то и дело подлетали к своему домику и торопливо совали червяков и мошек в раскрытые клювы прожорливых птенцов. Скворчата моментально проглатывали пищу и опять кричали, требуя добавки. Родители снова улетали за добычей. Так продолжалось целыми днями.

Однажды вечером, когда все сидели за столом и пили чай с вареньем из свежих ягод, Витя сказал:

— Скворчата, наверное, скоро летать будут. Они уже большие, головы высовывают.

— Когда я был с тебя, то хотел научить скворца разговаривать, — заметил папа.

— Как, по-нашему? И научил? А как ты его учил? И долго учил? — засыпал вопросами Витя.

— Не успел научить-то, — ответила за папу бабушка. — Недели две провозился, а потом кошка поймала ученика и съела...

— Папа, а тебе не жалко было скворчика? — спросила Маринка.

— Жалко, я даже плакал тихонько, а кошку отлупил, — смущённо ответил папа.

— Я тоже буду учить скворца, — вдруг решил Витя.

— А я не дам! — вмешалась Маринка. — Его у тебя кошка съест.

— Не съест!

— Нет съест, нет съест! — загорячилась Маринка. — У папы съела и у тебя съест!

— Хватит шуметь! Мойте ноги и — спать, — распорядилась мама.

Витя молча пошёл к тазу. Про себя он решил завтра же достать скворца и начать обучать его. С этим и заснул.

Когда Витя проснулся, было уже позднее утро. В раскрытое окно заглядывали ветви сирени. Сквозь них в комнату прорывались солнечные зайчики и жёлтыми пятнами разбегались по полу. Вместе с ними лились волны тёплого воздуха, предвешавшие жаркий день. В кустах с громким чириканьем возлились воробьи.

Витя вспомнил о своём решении и вскочил. Сделал зарядку, умылся, наскоро поел и побежал к Толе.

— Толик! Давай будем учить скворца разговаривать, — сразу же выпалил Витя.

— Зачем это?

— Ну, так, интересно... Наш папа учил...

— Выучил?

— Нет, не успел. Его кошка съела.

— Кошка съела твоего папу?

— Ну и бестолочь ты! Не папу, а скворца!

— У нас тоже кошка крольчонка съела. Маленького. Вот клетку делаю для них. А скворцы разве разговаривают? Это попугаи только могут.

— Могут и скворцы. Как человек. Папа говорит.

— А ведь это интересно! — оживился Толя. — Взять его с собой в класс, а он там вдруг заговорит... Вот будет потеха.

— В класс нельзя. Верная двойка за поведение, а то и кол... Мы в цирке будем выступать...

— Это здорово! По городу большие афиши расклеим. Нарисуем скворца и надпись красными буквами: «Сегодня и завтра выступают с говорящим скворцом артисты А. Белов и В. Сизов! Только два дня! Спешите...»

— А почему это «А. Белов и В. Сизов»? — перебил Витя. — Я ведь предложил учить скворца. И в цирке выступать — тоже я. Напишем «В. Сизов и А. Белов».

— Так не бывает. Артистов по алфавиту пишут, чтобы для них безобидно было. Перемени фамилию, чтобы с «а» начиналась. Артисты часто меняют. Напишут в афише— Жан Армадов, а на самом деле он Иван Артамонов или ещё как-нибудь.

— Нет, фамилию я менять не буду. Как же тогда наши узнают, что это я в артистах?

— Увидят в цирке и узнают.

— Нет уж, ладно, давай, как есть, по алфавиту.

— А где скворца возьмём?

— Есть. У нас в скворечнике. Молодые. А молодой скорее научится. Надо только сейчас его брать. Улетят скоро.

— Тогда пошли! — Толя быстро сложил инструменты в ящик. — Пошли!

Скворцы-родители то и дело подлетали к своему гнезду — кормили птенцов. Ребята долго стояли под деревом, задрав вверх головы. Потом Толя подошёл к тополю, упёрся в него плечом, а руки сцепил за спиной. Витя встал другу на руки, затем на спину, ухватился за нижний сучок, подтянулся и забрался

на него. С сучка на сучок он лез всё выше и выше. Толя стоял внизу и громко подавал советы. Встревожненные скворцы летали вокруг, они то садились на дерево, то вдруг срывались с него.

— А вы что тут делаете? — раздался за спиной Толи голос.

Он оглянулся. Сзади стояла Маринка в своём красном сарафане. Толя не ответил.

— А что вы делаете? — настойчиво повторила девочка.

— Скворца достаём, — буркнул Толя. — Ему явно не нравилось появление Маринки.

— А зачем вы его достаёте? — продолжала допрашивать Маринка.

— «Зачем, зачем!» Учить будем...

— А его кошка съест. Как у папы...

— И чего ты привязалась? Ну и съест. Другого достанем. Иди, купай куклу!

— Куклу я искупала, — сообщила Маринка. — А скворца я вам не дам!

— Так тебя и спросили. Давай топай, топай отсюда!

— Ты сам топай... Витька! — закричала вдруг Маринка во весь голос. — Витька!

— Ну, чего ещё? — откликнулся тот с дерева.

— Витька! Ты за скворцом полез? Не трогай скворцов, Витька!..

Но Витя не обращал на Маринку внимания. Ему нужно было ещё немного подняться, однако сучка близко не было, и мальчик думал, как быть. Видя, что друг задержался, Толя нетерпеливо крикнул:

— Ну, ты что, окаменел, что ли? Или девчонки испугался? Давай скорее!

— Не трогай скворцов! — со слезами в голосе кричала Маринка. — Я маме скажу!..

— А ну, иди отсюда!.. — Толя повернул Маринку за плечи и тихонько шлёпнул ладошкой.

Маринке показалось это обидным, и она заплакала. Размазывая слёзы по щекам, она думала, как спасти скворцов. Мама и папа на работе. Бабушка ушла в магазин. Кого позвать на помощь? Михея бы на них сейчас...

Девочка вдруг бросилась на улицу. Её ножки протопали по доскам тротуара. Добежав до ворот Тимашука, она остановилась, заглянула в щель. В тени забора лежал козёл. Маринка потянула за ремешок щеколду. Калитка открылась. С замиранием сердца девочка вошла во двор и остановилась.

Михей взглянул на Маринку, перестал жевать, лениво поднялся на ноги и отряхнулся. Потом медленно направился к ней. Маринка опять испугалась, она повернулась и побежала домой. Но время от времени, хотя ей и было очень страшно, девочка останавливалась, манила козла и бежала дальше. А козёл тихонько трусил за ней.

Маринка забежала в свою калитку и юркнула в дом. От страха она забралась на кровать и притихла.

Козёл вошёл во двор, но, заметив под деревом Толю, остановился, нервно потряхивая бородой. В его глазах загорелись злые огоньки. Наверное, он вспомнил, как стоял здесь у пня с защемлённой бородой, а его враги торжествовали победу. А может быть, и так, просто по своей драчливой натуре. Он нагнул голову и пошёл к Толе...

Толя и теперь не может вспом-

нить, как это произошло. Он почему-то вдруг оглянулся и увидел козла.

— Витька, козёл!.. — дико крикнул Толя. «Спасайся, кто может», — тут же скомандовал он себе, подпрыгнул и уцепился за нижний сучок дерева. Но сколько ни болтал ногами — забраться на него не мог. А Михей подошёл к мальчику вплотную и слегка толкнул его рогами чуть пониже спины. От страха Толя взвизгнул и ещё сильнее заболтал ногами. Козёл немного попятился, разбежался и ударил покрепче. Теперь Толя завизжал от боли, а козёл ударил в третий раз...

Толяне выдержал, разжал руки и мешком плюхнулся прямо на козла. Не ожидавший этого Михей тоже испугался и отпрыгнул далеко в сторону. Толя вскочил на ноги, бросился на улицу. Козёл—за ним, но калитка захлопнулась перед его носом. Михей потоптался у ворот, не зная, как выбраться.

Витя видел, как козёл погнался за Толей. Сам он устал сидеть на дереве, ему было уже не до скворцов, добраться до которых он так и не сумел. И он начал спускаться вниз. Неосторожно нажал на подгнивший сучок. Сучок обломился. От неожиданности Витя вскрикнул. Топтавшийся у калитки Михей посмотрел вверх и увидел мальчика. Тряхнув головой, козёл вернулся к дереву.

Витя поспешно спускался. Он добрался уже до нижнего сучка, сел на него и только хотел повиснуть на руках, чтобы спрыгнуть на землю, как вдруг увидел козла и замер.

А Михей стал на задние ноги, передними упёрся в дерево и ткнул рогами в Витины пятки.

Витя вскрикнул и забрался повыше. Козёл подождал немного, затем отошёл к забору и улёгся в тени. Казалось, он задремал. Мальчик снова стал спускаться, но козёл вскочил и опять подбежал к дереву, потом улёгся здесь же.

Прошло около часа. От неудобного положения у Вити ныли руки, ноги, спина, кружилась голова. Напрасно он то умолял козла уйти, то ругал его, то грозил, то громко призывал Толю на помощь. Козёл не уходил, да ему и некуда было уйти, а Толя не появлялся.

Витя чувствовал, что ещё немного и он свалится на землю, где его ждал проклятый козёл. Он горько раскаивался в своей затее — стать цирковым артистом. Безнадёжно оглядываясь по сторонам, мальчик вдруг увидел Тимашука, который шёл по улице.

— Дядя Никифор! — завопил Витя. — Дядя Никифо-ор! Идите сюда!..

Никифор Семёнович остановился, огляделся по сторонам, но на пустынной улице никого не было. И он двинулся дальше.

Витя завопил опять:

— Дядя Никифор! Это я, Витя! Идите скорее к нам. Ваш Михай меня караулит!..

На этот раз Тимашук увидел Витю. Он торопливо пересек улицу, зашёл во двор. Узнав хозяина, козёл вскочил на ноги.

— И давно он тебя блокировал? — спросил Тимашук Витю.

— Давно. У меня уже сил не стало...

— А ты зачем на дерево залез?

— За скворцом.

— А, за скворцом! Ну, так тебе и надо. Не разоряй гнёзд.

— Я больше не буду, дядя Никифор!.. Только уведите скорее своего Михея. Руки совсем онемели...

— Ничего, слезай. Сейчас уведу. Ну, ты, разбойник, марш домой! — скомандовал Тимашук козлу.

Михей послушно пошёл со двора, а Витя, наконец, спустился на землю.

Толя потом рассказал, что козла привела Маринка.

— И опять приведу, если за птичками полезете, — пригрозила она.

Так бесславно кончилась затея с обучением скворца.

А о Маринке узнала вся улица. Одна она теперь не боится страшного козла. И даже

больше — призывает его в свои защитники. Стоит только кому-нибудь из ребят обидеть Маринку, как словно изпод земли появляется Михей и, нервно потряхивая бородой, направляется к обидчику. Тот, конечно, не дожидается, пока Михей начнёт его таранить, и со всех ног пускается наутёк. Маринка же в благодарность всегда чем-нибудь угощает своего страшного друга — кусочком хлеба, морковкой или сахаром.

Даже взрослые удивляются такой дружбе. А мама и бабушка по-

прежнему боятся, когда видят Маринку и Михея вместе, и всегда гонят козла.

Однако удивительнее всего то, что Михей перестал задирать ребят, когда с ними бывает Маринка. Он или лежит в тени и дремлет, изредка поглядывая на них, или где-нибудь в сторонке пощипывает травку, или же старательно отдирает афиши, которыми оклеен забор. Но если Маринки нет — козёл разгоняет всю компанию. Он беспощадно мстит ребятам за свой позор у чурбана.

V

За Береговой улицей город кончается и дальше расстилается луг, по которому стайками толпятся молоденькие кудрявые берёзки. Берёзки убегают в ближний лес. Эти места любят ребята. Они забирают с собой продуктов и приходят сюда на весь день. Здесь можно интересно поиграть, нарвать цветов, набрать ягод, грибов.

Нравилось сюда ходить и Михею, так как тут было вдоволь свежей, сочной травы.

Солнце уже склонялось к лесу, когда однажды ребята, утомлённые и голодные, возвращались домой. Далеко отстав от них, плелась Маринка. Сегодня ей удалось убежать из дома вместе с ребятами — бабушки не было дома, она ушла за молоком.

Маринка устала и отставала всё больше. Старшие заспорили, как лучше ловить раков, и забыли про неё.

Вдруг откуда-то со стороны выскочили две собаки. Одна чёрная

большая, другая — белая, поменьше. У обеих хвосты загнуты кренделями, зубы оскалены. Вот они сошлись, друг друга обнюхали. Не понравились. Зарычали, потом хрипло, взахлёб, залаяли. Встали рядом, друг на друга не смотрят, рычат и задними лапами землю скребут. Порычали и так же, не глядя друг на друга, разошлись в разные стороны. Нагнув носы к земле, собаки пробежали по кругу и сошлись опять, оцетинились, с визгом бросились одна на другую, сцепились в один чёрно-белый клубок. Они катались по земле, вскакивали и всё старались ухватить друг друга за горло. Наконец, одной удалось вцепиться в шею другой. Раздался громкий визг, хрипение. Чёрная собака отпрыгнула в сторону и бросилась бежать, белая помчалась за ней.

Всё это происходило недалеко от Маринки, и она стояла чуть живая от страха. Хотела позвать ребят — и не могла, хотела бежать, а ноги приросли к земле. Пока Маринка приходила в себя, опять появилась белая собака. Большими прыжками она неслась по дороге. Её глаза злобно сверкали, шерсть вздыбилась, зубы оскалились. Уже слышалось тяжёлое прерывистое дыхание.

Маринка зажмурилась. Она вдруг вспомнила, как волк съел Красную шапочку, и приготовилась умирать, хотя умирать Маринке очень не хотелось. Увидев Маринку, собака на секунду остановилась, но уже в следующее мгновение бросилась на неё. Девочка закрыла лицо руками и упала на землю. Она почувствовала, как через неё что-то перелетело, обдав жаром

и противным запахом. И тут же раздался пронзительный визг, визг перешёл в озлоблённое рычание. Затем послышались какие-то глухие удары и снова — собачий визг, в котором были ярость, боль, страх.

Но вот визг стал быстро удаляться и вскоре затих. Только теперь Маринка осмелилась поднять голову и открыть глаза. Она с удивлением увидела козла, который нервно потряхивал бородой и оглядывался во все стороны.

— Михей! — прошептала Маринка побелевшими губами. — Михей, иди скорее сюда. Меня собака хотела съесть. Как Красную шапочку...

Михей ничего не знал про Красную шапочку, но понимающе глядел на девочку и кивал головой. Он тоже шёл домой, когда увидел

вдали Маринкин красный сарафан, и заторопился получить от девочки кусочек хлеба или сахара. Он видел драку собак. А когда одна из них бросилась на Маринку, козёл в несколько прыжков оказался рядом с ней и ринулся на собаку. Его удар был так силен, что собака перевернулась в воздухе и упала на землю. Не дав ей подняться, Михей сделал ещё прыжок и угодил длинным рогом в оскаленную собачью пасть. Собака бросилась на козла, но он успел ударить её ещё раз.

Ребята, услышав собачий визг, оглянулись. Витя размахивая удочкой, бросился к сестре на помощь. Но добежать он не успел, да и вряд ли остервеневшая собака испугалась бы его. К счастью, Михей уже расправился с собакой

и теперь стоял, не зная, что делать дальше: то ли убежать, то ли поднять на рога и Витю...

Козёл нагнул уже голову, но Маринка схватила его за шею.

— Михей, миленький, это же Витя. Не надо его трогать. Он тебя боится...

А Витя стоял в нерешительности. Маринка обняла козла за шею и пошла навстречу брату. Когда оставалось шагов пять, Витя отступил с дороги в сторону. Козёл покоился на него, но послушно шёл рядом с девочкой. Витя пошёл сзади. Вскоре к нему присоединились остальные ребята.

Такой порядок движения козлу не нравился. Он не любил, когда враги были сзади. Поэтому остановился и повернулся к ребятам. Они тоже остановились, попятились.

— Михей, это наши. Это они пришли меня спасать. Ты их не обижай, — уговаривала Маринка козла. — Пойдем домой!

Михей подумал, потряс бородой и послушался.

Вся Береговая улица с удивлением смотрела на странную процессию: впереди шли Маринка и козёл, а шагах в десяти — остальные ребята...

С этого случая и установилась дружба Михея с ребятами. Он теперь сопровождает их во всех походах. И нет более надёжной охраны. За это ребята угощают козла хлебом, сахаром, капустой — кто чем.

А всё благодаря Маринке. Молодец, девочка!

Ну, а больше и рассказать о ней нечего. Что можно рассказать о человеке, которому только пять лет.

СКАЗКИ

КАК БОРОВИЧОК ДРУГА ИСКАЛ

Кира Ткаченко

В лесу шёл дождь: серебряные капельки скользили с берёзовых веток и обрывались вниз на колючие растопырки ёлочек-недотрог. И берёзки, и ёлки, и осинки — всё сердилось на дождь, всё ёжилось и встряхивалось. Капельки дождя падали на землю, где их ждали с нетерпением и корни сердитых деревьев, и трава, а пуще всех — старый гриб-боровик, который рос под колючей ёлкой.

— Ах, какой чудесный дождик! — говорил гриб, подставляя голову под дождевые струйки. Он был очень доволен собой и считал, что лучшего места в лесу не сыщешь. — Это ничего, что я расту в одиночестве, зато никто не бегает, не лезет под ноги.

— Ой, какой ты скучный, — вдруг проигищал голосок, и под ёлкой что-то завозилось.

Старый боровик удивлённо оглянулся — никого, но сопение и возня продолжались где-то совсем рядом. Вдруг боровик почувствовал, как у него кто-то защекотал пятку.

— Это кто ещё тут озорует? — Старый боровик сердито топнул ногой. И тотчас увидел, как из-под прошлогодней листвы высунулся белый любопытный носик.

— А, внучек, — успокоился боровик. — Вылезай, вместе теперь постоим.

— Вот ещё глупости, стану я с тобой тут стоять, — фыркнул боровичок, потягиваясь и разминая затёкшую в земле ножку. — Так не-

долго и зачервиветь. Нет уж, я лучше пойду да друга себе поищу, весёлого, красивого.

И пошёл.

«Эх, молодо-зелено», — подумал старый гриб-боровик, глядя вслед удаляющемуся светлому беретнику, лихо сбитому на самую макушку.

Между тем боровичок шагал себе, шагал. Вот и лес кончился. Вышел боровичок на опушку, оглянулся, видит — на берёзовом пенёчке детишек-грибков целая куча.

Обрадовался боровичок: «Вот и товарищи».

Бросился со всех ног к ним, да споткнулся, упал, нос разбил, коленко ударил.

— Ребята, помогите, — просит он грибков. А те не то чтобы помочь чужому, сами себе норовят на голову сесть, все сразу на пенёк залезть стараются, толкаются, шутят:

Мы опять
ночь и день
забираемся на пенёк.
Кто залезет
всех быстрее —
тот сильнее
и умнее.

«Нет, видно, это не товарищи, — подумал боровичок. — Их самих мир не берёт». — И отправился дальше. Идёт, песенку напевает, что про опят сочинил:

Вы, опёнки,
ножки тонки,
хвостуньшики вы, опёнки,
хоть толкаетесь, дерётесь,
на пенёк не заберётесь.
А я гриб-боровик,
я толкаться не привык.

Вдруг видит под осиной, как уголёк, горит что-то.

— Пойду посмотрю, — решил боровичок. Подходит ближе — гриб стоит.

— Ты кто такой? — спрашивает боровичок.

Гриб вежливо свою оранжевую шляпку приподнял, ножку протянул — знакомится: — «Подосиновик». — А ножка-то грязная, вся в цыпках.

— Ах, так ты, оказывается, грязнуля: ноги не моешь. Не хочу с таким дружить...

Вы весёлые друзья,
потанцую с вами я.
Хорошо на лугу
танцевать в кругу...

У девчонок ножки тонкие, слабые, не выдержали, подкосились. Попадали девчонки, плачут: «Откуда ты такой грубый взялся, не хотим с тобой дружить, хороводы водить...»

Хоть и в красном ты берете,
а грязнее всех на свете.
Я же гриб-боровик,
грязным быть я не привык.

Подосиновик обиделся, надулся, смотреть на боровичка не хочет, а тому и не надо — раз грязнуля.

Пошёл дальше. Отошёл от опушки, а впереди поле: трава высокая, цветы разные. По полю в светлых платьях грибки-девчонки, полевые опёнки, хороводы водят. За ручки держатся и тонкими голосками песни поют:

Рано-рано мы встаём,
солнцу песенку поём.
Наши жёлтые береты
тёплым солнышком согреты.
Хоровод, хоровод
водит весь грибной народ.

Боровичок — к ним. Схватил девчонок за ручки, те — пищать: «Ой, больно, пусти!» Боровичок внимания не обращает — как закружит всех:

— Фу-ты, ну-ты, — фыркнул боровичок, но делать нечего: настолько мил не будешь. Пошёл опять в лес. А лес кругом неродной — ни берёз, ни ёлок нет, одни мохнатые сосны стоят, ветками шумят, иглами колются, шишек под ноги набросали. Не нравится боровичку такой лес, решил он выбраться отсюда поскорее. Но только шаг ступил, как кто-то его за ногу схватил, прилип и масляным голосом зашептал. Все шепчет, шепчет что-то, а разобрать, что шепчет, трудно:

Ши-ши-ши,
ши-ши-ши...
Мы — маслята-масляши.
Уходить ты не спеши,
с нами рядом посиди...

Ши-ши-ши, не уходи,
не спеши, не спеши.

Ши-ши-ши,
ши-ши-ши...

Посмотрел боровичок вниз, видит — жёлтый гриб.

— Ой, какой прилипало! Отпусти меня!

А маслёнок всё шепчет, не отпускает. Видит боровичок — плохо дело: со всех сторон окружили его маслята и все шепчут — ещё заговорят до смерти. Рванулся, поразбросал всех в разные стороны и бежать.

Бежал, бежал, выбежал на лесную тропинку. Смотрит, а у тропинки на зелёной траве-мураве белый мячик лежит.

«Вот и хорошо, — подумал боровичок, — хоть в футбол поиграю, всё веселей будет».

Подбежал, ножкой поддал, а из мяча:

Я гриб-дождевик,
долго спать я привык.
Кто нарушил мой покой?
Кто толкнул меня ногой?
Пуф-ф-ф...

И в глаза — дымом. Боровичок от неожиданности на ножку сел да как начал чихать, еле отчихался...

— И что это за мячик такой зловредный? — размышляет он.

— А это гриб такой, порхавка-дождевик, — объяснила боровичку трава-мурава. — Ты его в следующий раз не трогай.

— Уж не трону. Пойду к другим грибам, неужели все такие недоτροги.

Недалеко пришлось боровичку идти. Решил он отдохнуть. Только присел, видит — рыжие грибы... Боровичок обрадовался, подсел ближе, а те к земле прижались, губы подобрали, не хотят с боровичком разговаривать: «Ты не нашего леса гриб».

— А вы кто такие?

— Мы — рыжики!

— Сами рыжие, а воображают — есть чем гордиться! Я и так с вами дружить не стану. Пойду в свой лес.

Долго шёл боровичок по незнакомому лесу. Много грибов встречал: и подберёзовиков, и моховиков, и сыроежек. Но друга среди них так и не нашёл.

Совсем загрустил боровичок, а тут уж и день кончается, темнеет в лесу. Делать нечего — придётся идти домой, там дедушка ждёт, правда, скучный очень, но ведь свой, родной, не обидит, не прогонит.

Наконец добрался боровичок до дома. Ещё издали увидел он знакомую ёлку, а деда-боровика, как ни старался, разглядеть не мог, даже когда совсем близко подошёл, не увидел.

«Может, уже темно очень, потому не видно, — подумал боровичок. — Подожду до завтра, а как солнце встанет, — пойду искать. Да и устал я сегодня, беретик-то мой вон как запылится, совсем тёмным стал, почти как у дедушки... Буду лучше спать».

Лёг боровичок спать. А утром проснулся оттого, что кто-то тормошит его: за нос щиплет, в ушко дует, даже росой брызнул. Боровичок от страха глаза ещё сильнее зажмурил — боится: вдруг чудище какое. А тот, кто тормошил, видно, догадался:

— Не бойся, братец! — кричит. — Вставай скорее!..

Боровичок услышал голоса и успокоился — такими они ему родными и похожими на его собственный показались.

Открыл он, наконец, глаза, а вокруг него много-много маленьких боровичков. У этих уж ножки не подкосятся, как станет он с ни-

ми хороводы водить. Чистенькие, не то, что подосиновик; беленькие, не то, что рыжие рыжики, и не си-неют от злости, как гриб-моховик. Словом, свои, родные братья и сёстры.

Обрадовался боровичок, схватил всех в охапку и давай кружиться, песни петь:

Вот так утро, утро, утро,
будто всё из перламутра.

Ласковые ёлки —
зелёные иголки,
на берёзах рожки,
из золота серёжки,
а в кустах, взгляни-ка,
спеет земляника.

Хорошо у нас в лесу
пить превкусную росу...

Наплясались, накружились боровички, сели под ёлкой отдохнуть, ножки подобрали, тут-то и взгрустнули немного, как стал их боровичок про дедушку расспрашивать.

— Жалко дедушку — в землю ушёл. Зато нас вон сколько после себя оставил, чтобы мы росли и радовались, что на земле живём, росой умываемся, дождик пьём.

Расти дружный и крепкий народ — боровик, белый гриб.

КУКУШКИНА АРИФМЕТИКА

Яков Танин

Вертушка-кукушка
Сидит на суку
И громко считает:

Кедровые новые
Катят орешки.
А мальчики-с пальчики —

— Ку-ку!
Ку-ку!
А белочки-девочки
По лесу в спешке

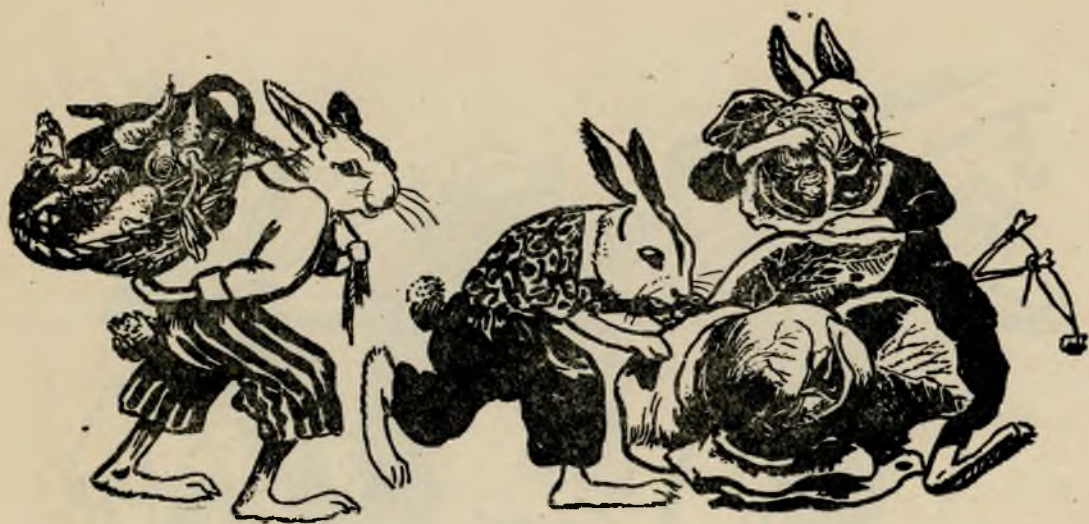
Серые зайчики
Морковные хвостики
Спрятали за щеки.
Колючие ёжики

Иглы, как ножики,
 Воткнули маслятам
 В мясистые ножки
 И тащат,
 И тащат,
 И тащат,
 И тащат,
 И глазки испуганные
 Таращат.
 А сверху —
 Кукушка сидит на суку
 И громко считает:
 — Ку-ку!
 Ку-ку!
 Шла девочка лесом.
 Узнай-ка — откуда?
 Несла в теске
 Настоящее чудо.
 Немало ей пройдено!
 Ты загляни-ка:
 Малина! Смородина!
 Земляника!
 Должно быть, весь лес
 Исходила она.
 Немало чудес
 Повидала она.
 И тащит —
 К обеду ей надо поспеть —
 Лесную
 Пахучую
 Вкусную снедь.
 А сверху —
 Кукушка сидит на суку
 И громко считает:
 — Ку-ку!
 Ку-ку!
 К ней — белки с вопросом:
 — Не много ль мы носим?
 Кукушка считает
 Вверху на суку
 И им отвечает:

— Не много —
 Ку-ку!
 И с новыми силами
 Белочки в спешке
 Бегут за кедровыми
 Снова орешками.
 Подходят зайчатки:

Пусты уже грядки.
 Быть может,
 С морковным запасом
 в порядке?

И снова кукушка
 Кукует в ответ:
 — Ку-ку! Ку-ку!
 Пока ещё нет!
 И зайчики прытко бегут
 в огород,

Капусту и репу
 Берут в оборот.
 Ежи подбегают:

— Пусть нам сосчитают!
 Кукушка кукует —
 Покоя не знает.
 Кукушка считает ежам
 на суку:

— Ку-ку!
 Ку-ку!
 Ку-ку!
 Ку-ку!..

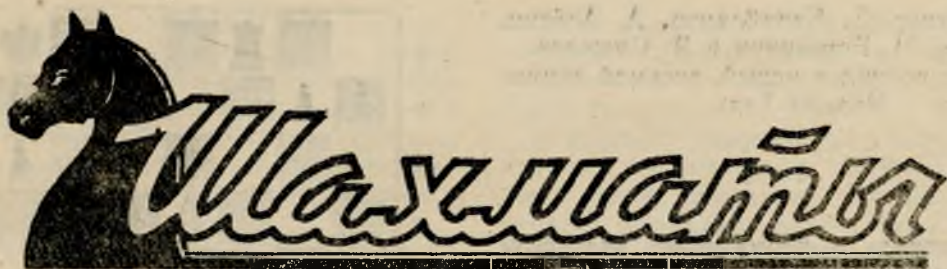

Анюта дошла, наконец, до
опушки.

Анюта спросила
У мудрой кукушки:
— Скажи мне, кукушка,
Не хватит ли на год
И мне,
И подружкам
Набранных ягод?

Кукушка смеётся
Анюте в ответ:
— Нет!
Нет!
Нет!
Нет!
Не на год
Здесь ягод,
А лишь на обед.

Михаил Воробьев

ВОСЬМОЙ ЧЕМПИОН МИРА

Однажды на дачу на Рижском взморье, где отдыхал чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник, пришёл мальчик. В руках у него были шахматы. Он считал, что никто, даже М. Ботвинник, не может называть себя чемпионом мира, пока не сыграет с ним. Это был одиннадцатилетний Михаил Таль. По независящим от юного шахматиста причинам, матч тогда не состоялся.

...Прошло 12 лет. Михаил Таль стал выдающимся шахматистом. В трудной борьбе он победил сильнейших противников и добился права играть матч на первенство мира по шахматам.

М. Ботвинник и М. Таль до этого состязания ни разу не встречались за шахматной доской. 15 марта 1960 года они вступили в единоборство. Два месяца шла напряжённая борьба. Матч закончился на 21-й партии с результатом 12,5 : 8,5 в пользу М. Таля. Шахматный мир провозгласил нового чемпиона — 23-летнего советского гроссмейстера.

* * *

Шахматы имеют многовековую историю. Они созданы гением индийского народа около полутора тысяч лет назад. Своё дальнейшее развитие и совер-

шенствование получили в Средней Азии. Из Индии и Средней Азии шахматы распространились по соседним странам, попав и в древнюю Русь. Легендарные русские богатыри Илья Муромец, Алёша Попович, Добрыня Никитич, Михайло Потык так хорошо играли в шахматы, что часто пользовались ими для разрешения военных и дипломатических задач.

Например, Михайло Потык, отправившийся на сбор дани, играл в шахматы со шведским королём, а в другой былине рассказывается, как он обыграл турецкого султана.

Многими сильными шахматистами славилась Россия, но особенно блестящими успехами отличался гениальный Михаил Иванович Чигорин. Он был сильнейшим шахматистом мира второй половины XIX века.

Особый расцвет шахматная культура получила у нас за годы Советской власти. Советские шахматисты — сильнейшие в мире.

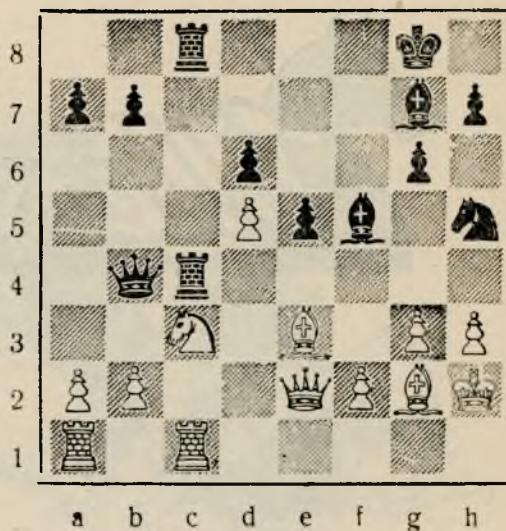
Мы говорили, что шахматы имеют многовековую историю, однако звание чемпиона мира появилось сравнительно недавно, менее ста лет назад. «Счастливец», которые владели шахматной короной, было только семь — В. Стейниц,

Эм. Ласкер, Х. Капабланка, А. Алёхин,
М. Эйве, М. Ботвинник и В. Смыслов.

И вот появился **новый**, восьмой чемпион
мира — Михаил Таль.

* * *

Посмотрите и внимательно разберите
предлагаемую вам позицию, которая
встретилась в одной из партий матча
М. Ботвинник — М. Таль.

ОРГАНИЗУЙТЕ САМИ

Организацию шахматного коллектива в школе следует начать с выявления учеников, которые умеют или хотят научиться играть в шахматы. Для этого нужно объявить запись в шахматный кружок и составить списки по классам (начиная с 3-го). Затем провести общешкольное собрание шахматистов, на котором оформить организацию шахматного коллектива и выбрать бюро в составе трёх-пяти человек. Бюро следует выбирать из наиболее активных и квалифицированных шахматистов.

Свою работу шахматный коллектив должен проводить в тесном содружестве с пионерской, комсомольской организациями и домом пионеров, опираясь на их помощь.

Преподаватель физкультуры окажет содействие в приобретении шахматного инвентаря, помещения для игры и в организации учебных занятий. Может помочь шахматному коллективу и школьный

библиотекарь, который подберёт литературу по шахматам.

Учебные занятия в шахматном кружке должны проходить один раз в неделю под руководством квалифицированного шахматиста (2—3-го разрядов).

Особое внимание следует уделить проведению личного первенства школы по шахматам. Его обычно проводят в несколько этапов.

В первом этапе принимают участие все школьники, не имеющие никакой спортивной квалификации. Они разбиваются на группы по шесть человек в каждой и играют по две партии.

Участвовать в соревновании второго этапа допускаются школьники, уже имеющие 5-й разряд, а также получившие его в соревнованиях первого этапа. Здесь так же, как и в первом этапе, участники разбиваются на группы по шесть человек и играют между собой по две партии.

Школьники, имеющие 4-й разряд и выше, получают право играть в финале (третий этап) первенства школы, который следует проводить уже одной группой в составе не менее одиннадцати человек (лучше всего двенадцать-шестнадцать). Участники финала играют между собой по одной партии.

К участию в турнирах не следует допускать учеников, имеющих плохие отметки.

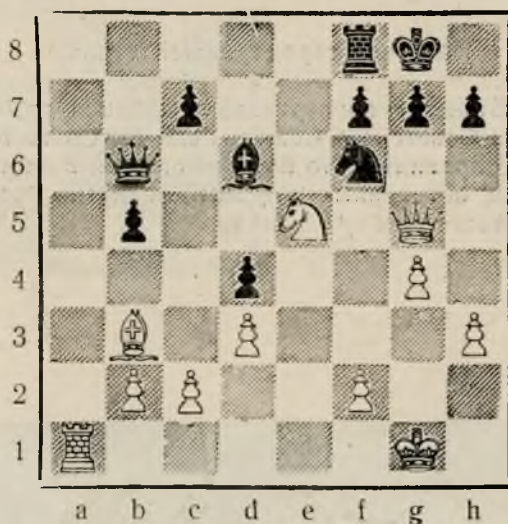
Кроме личного первенства, интересно провести и командное первенство школы. Каждый класс должен создать команду в составе четырёх мальчиков и двух девочек. Командное первенство лучше всего проводить по системе с выбыванием, —

то есть команда, проигравшая встречу, выбывает из соревнования; и так до тех пор, пока не останется одна команда — победительница.

Командные соревнования можно проводить и на первенство пионерской дружины между отрядами. Полезно встречаться с командами других школ. Неплохо организовать в школе шахматный вечер, в программу которого можно включить сеанс одновременной игры в шахматы, молниеносный турнир, конкурс решений задач и этюдов, шахматную викторину.

В стенгазете полезно регулярно помещать заметки о новостях школьной шахматной жизни.

Найдите лучший ход

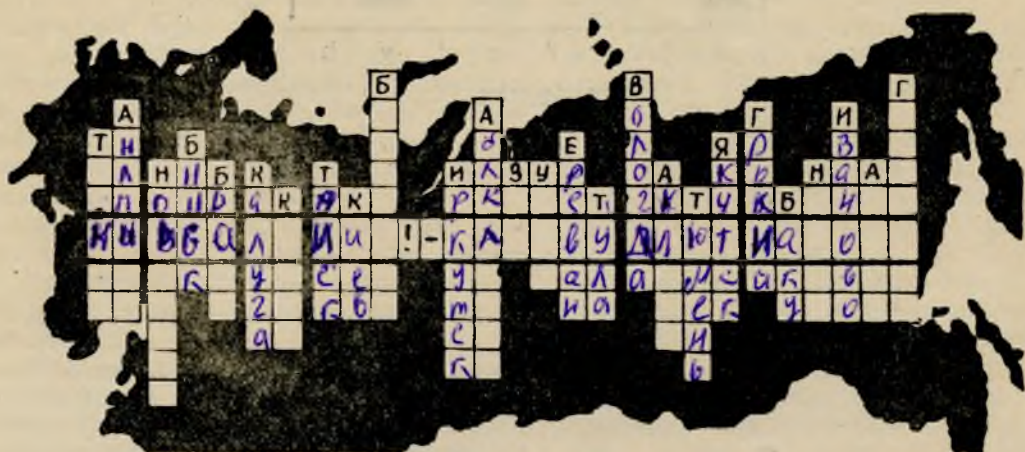
Ход белых

В часы ДОСУГА

ЗАДАЧА

Назовите города нашей страны

Впишите по вертикали названия городов Советского Союза. Если вы сделаете это правильно, то по горизонтали, в клетках, обведённых жирными линиями, прочтете строку из песни.

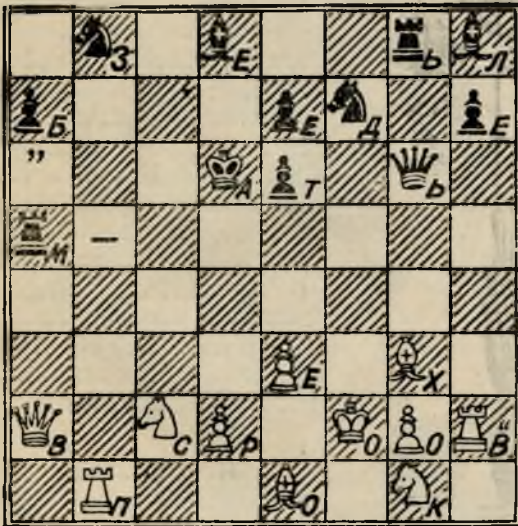
Составил В. Алексеюк.

ЗАДАЧА

Начиная с буквы «Л» и пропуская одинаковое количество кружков с буквами, вы прочтёте известные слова М. Горького. Второй круг служит продолжением первого. Начинать читать его нужно с буквы «Т».

Составил В. Алексеюк.

ЗАДАЧА

Ходом шахматных фигур

На шахматной доске расположено несколько фигур, каждой из которых соответствует определённая буква. Сделайте каждой фигурой по одному ходу, разместив их на поле так, чтобы, читая слева направо, вы получили русскую народную пословицу.

Составил А. Хайт.

По горизонтали:

1. Болотная птица. 6. Небольшой лесной зверёк-грызун. 8. Насекомое, относящееся к группе короткоусых мух. 9. Животное из семейства полорогих. 10. Короткохвостый десятиногий морской рак. 12. Хищное животное из семейства кошачьих. 14. Птица из отряда буревестниковых. 16. Крупная степная птица из отряда журавлиных. 20. Мелкое насекомое. 22. Млекопитающее из отряда зубастых китов. 23. Бесхвостое земноводное. 26. Пресноводная рыба из семейства карпо-

вых. 27. Хищная ночная птица. 28. Вид морского рака. 29. Хищное животное одного рода с собакой. 31. Хищная птица. 33. Животное из семейства лошадиных. 36. Промысловая рыба из семейства окуневых. 38. Крупная пресноводная рыба. 39. Дикое непарнокопытное млекопитающее, обитатель Юго-Восточной Азии и Южной Америки. 41. Хищное животное из семейства куньих. 42. Крупное коротконое животное, обитающее в тропических странах. 43. Хищное животное из семейства кошачьих. 46. Вид дикого горного барана. 47. Большая сова. 48. Дикое горное животное. 51. Плоская морская рыба. 52. Насекомое. 63. Водоплавающая птица с широким плоским клювом. 54. Дикий бык. 55. Насекомое, представитель класса жёсткокрылых.

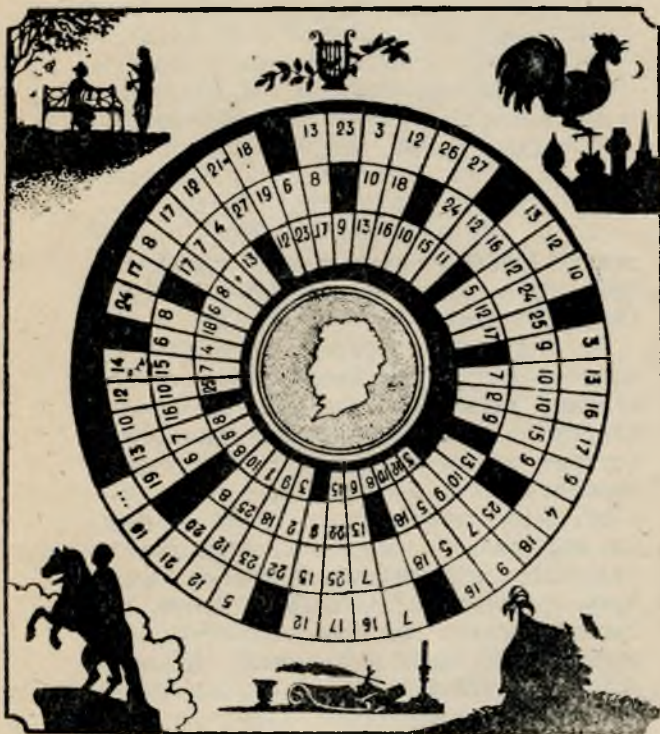
По вертикали:

2. Крупное хищное животное из семейства кошачьих. 3. Домашнее животное. 4. Жвачное животное из семейства оленевых. 5. Животное с ценным мехом из породы грызунов. 6. Хищное животное из семейства куньих. 7. Хищное животное из семейства собачьих. 11. Род низших обезьян. 13. Тёмно-бурое хищное животное из семейства куньих. 15. Травоядное млекопитающее с длинными изогнутыми рогами. 17. Жалящее насекомое. 18. Рыба из семейства карповых. 19. Небольшой хищный зверёк из семейства куньих. 21. Вьючное животное. 24. Очковая змея. 25. Водоплавающая птица. 30. Промысловая рыба с мясом розового цвета. 32. Крупное пресмыкающееся животное. 34. Большая бегающая птица жарких стран.

35. Очень крупная рыба из породы осетровых. 37. Лошадь. 39. Хищник из семейства кошачьих. 40. Домашнее рогатое животное. 44. Хищная рыба из семейства

тресковых. 45. Копытное млекопитающее. 49. Хищная рыба, обладающая электрическим зарядом. 50. Членистоногое животное.

КРИПТОГРАММА «ПУШКИН»

Найдите слова, значения которых указаны ниже, и разместите эти слова в клетках криптограммы (соответственно номерам).

I. 24, 7, 5, 18, 4, 9, 3 — предводитель крестьянского восстания в повести «Капитанская дочка».

II. 16, 18, 16, 27, 19, 10, 18 — героиня романа в стихах «Евгений Онегин».

III. 24, 9, 16, 7, 1, 12, 23 — верный сторож царя Дадона из «Сказки о золотом петушке».

IV. 22, 9, 13, 15 — название стихотворения, начинающегося словами: «Мчатся гучи, вьются тучи...»

V. 18, 17, 11, 8, 24 — имя кузнеца (героя повести «Дубровский»), спасшего кошку с кровли горящего сарая.

VI. 25, 14, 21, 6, 8, 25, 18 — героиня пушкинской поэмы-сказки.

VII. 2, 7, 23, 12, 3, 13, 23, 8, 20 — известный русский поэт, подаривший А. С. Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю ученику от побеждённого учителя».

VIII. 13, 23, 18, 26, 23, 18 — одна из форм народного творчества, использованная поэтом.

Если слова будут найдены правильно, то в криптограмме вы прочтаете (по движению часовой стрелки) строки А. С. Пушкина из романа в стихах «Евгений Онегин».

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«ПУТЬ НАШЕЙ КНИЖКИ»

Книга — большой, хороший друг человека. Она раскрывает перед нами незнакомый, неизведанный мир. словно сказочный ковёр-самолёт, переносит она читателя в другие страны, рассказывает ему о жизни, быте других народов, даёт возможность заглянуть в давно минувшие времена и узнать о происходивших и волновавших тогда народы собы-

тиях. Много интересного, полезного, важного и нужного узнаём мы из книг. Они учат жить.

Все вы, ребята, конечно, любите книгу и много читаете. У каждого из вас наверняка есть свои любимые произведения, героям которых вы подражаете, на которых хотите походить. У многих есть свои домашние библиотечки.

Но беря книгу в руки, читая её, редко, наверное, кто из вас задумывался над тем: а кто же сделал книгу? Какой путь прошла она? Сколько времени потребовалось на её изготовление? А ведь путь этот большой и сложный. Над книгой, попавшей к вам, потрудились много рабочих-полиграфистов.

Недавно Тюменское книжное издательство выпустило в свет повесть П. М. Горбунова «Путь нашей книжки». Сам старший полиграфист, Пётр Михайлович рассказывает о рождении книги. Рассказ ведётся от лица мальчика Саши Бугрова, с которым вы уже знакомы по первой детской повести Горбунова «Записки Саши Бугрова».

В летние каникулы группа ребят решила заняться полезным делом — написать книжку о типографии. Мысль эту подсказал им старый наборщик Михаил Терентьевич.

Написать книжку — заманчиво. Но как они, эти книжки, пишутся? Ведь писать книгу — очень сложно. К тому же о типографии. А вдруг ничего не получится!

«Дело это большое, — говорит ребята-

там и Михаил Терентьевич. — Книга требует огромного труда. Не раз придётся переписывать то, что напишете... А почему о типографии? — обращается он к Мише Струкову, отвечая на его вопрос. — Вот ты, Миша, говоришь, что читал книжку о природе. И я их читал, и Галя, и Алёша, и Саша, наверное, перечитали немало. А читал ли ты книжку о рабочих-полиграфистах?.. Наверно, не читал. И о производстве нашем многие ребята ничего не знают, потому что книг таких для вас написано мало. Вот вы возьмитесь да и напишите книгу сами для себя. И другим будет интересно почитать».

Многое узнали ребята от старого рабочего о труде полиграфистов, о том, как выпускались ещё во времена Ивана Грозного первые книжки, как они набирались, печатались и о том, как набираются и печатаются теперь.

Сомнения рассеиваются, и ребята принимаются за дело. Каждый цех типографии они решили описывать отдельно. Вначале линотипный, затем — наборный, потом — стереотипный, печатный и т. д. — в том порядке, в каком проходит свой путь книжка. Распределили, кто в какой цех пойдёт. Для того чтобы кто-то руководил работой, собирал сочинения и правил их, выбрали старшего — редактора. Быть редактором выпало на долю Саши Бугрова, у которого уже был писательский опыт. В прошлые летние каникулы Саша жил в деревне у деда. Всё интересное, что видел и слышал Саша в деревне, на озере Чёрном, он записывал в тетрадь. А когда вернулся в город, сдал ее в школьный уголок юного натуралиста, озаглавив — «Записки Саши Бугрова».

Распределив обязанности, ребята отправились в типографию. Они ходят по цехам, наблюдают за работой линотипистов, наборщиков, печатников, цинкографов, стереотипёров, переплётчиков, изучают машины, расспрашивают рабочих о их специальности. Разобраться во всём увиденном и услышанном ребятам помогают родители — работники типографии.

Не всё идёт гладко. Разные характеры ребят, неодинаковое отношение к делу создают помехи, трудности. Но на-

стойчивость и трудолюбие побеждают — книжка готова. «Путь нашей книжки» — так назвали её ребята. Много интересного, полезного почерпнули они во время работы.

Прочитав «Путь нашей книжки», и вы узнаете о том, как делается книга и кто трудится над ней, а узнав, наверняка ещё больше полюбите книгу и будете бережнее обращаться с ней.

«ВОРОБЬИШКО»

«Воробьишко» — первая книжка П. И. Анисимова, изданная Тюменским книжным издательством и рассчитанная на ребят младшего школьного возраста. В ней всего три коротеньких, очень простых по сюжету рассказа: «Воробьишко», «Яшка», «Кутька». Но с какой любовью в этих небольших рассказах говорит автор о природе, о лесе, о его маленьких обитателях, рассказывает о их приключениях.

Рассказы П. И. Анисимова учат любить природу, животных.

Для самых маленьких Тюменское книжное издательство выпустило недавно новые сказки.

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОРОБЬЯ-ЗАБИЯКИ»

Так называется новая книжка М. А. Михайлова. Герой сказки — маленький воробей, по прозвищу Забияка. Характер у него сварливый, задиристый. Забияка только о том и думает, с кем бы ему подраться. То он налетит на воробья и отберёт у него зёрнышко или корочку хлеба, которые тот найдёт, то пребольно оттеревит за перья какого-нибудь зазевавшегося воробьишку. Особенно доставалось от Забияки маленьким желторотым воробьишкам.

Долго озорничал Забияка. Но наконец рассердились воробьи и прогнали его из деревни в лес. Вот тут-то, в чужом, незнакомом лесу, лодырю, неумехе Забияке пришлось трудно. Много страху терпелся задира, насиделся голодом, коченел на морозе. И пожалел Забияка о том, что обижал воробьишек.

Нужно жить дружно, помогать друг другу, обязательно трудиться, драчуна, лодыря ждёт наказание — вот вывод, к которому приходит маленький читатель, прочитав или прослушав сказку Максима Аксёновича.

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТЁНКА ПИКА»

Во второй книжке, выпущенной для малышей, рассказывается о приключениях котёнка.

Маленький шалунишка котёнок Пик без разрешения мамы Мурки-чёрной шкурки убежал из дому. Стоило только ему выскочить на крыльцо, как сразу же началось необычное.

Двор... Какой он большой и как в нём интересно! Важно гуляют куры. Они всё время роют лапками землю, что-то клюют и, перебивая друг друга, без конца разговаривают:

— Ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко-ко.

Вдруг Пик вздрогнул, прижался к порогу и от страха закрыл глаза — на

крыльцо заскочила большая белая курица и направилась прямо... к Пикю.

Не успел Пик избавиться от одной опасности, как возникла другая. Спрыгнув с крыльца и перебравшись через изгородь, Пик попал в огород. Ой, а сколько здесь незнакомого! Пожалуй, тут даже интереснее, чем во дворе. Вон из земли торчат какие-то красные камешки. Бросился к ним Пик, понюхал и огорчённо отвернулся — камешки пахли чем-то незнакомым и несъедобным. «Что же это такое?» — думает он. Но сколько ни думал, так и не додумался.

Оглянулся он вокруг — покачиваются на кустах какие-то зелёные и красные шарики. Обрадовался Пик, решил поиграть. Сначала поиграл зелёными: ударит лапкой по шарiku — тот закачается. Интересно! Подбежал к кусту с красными шариками. Ударил по одному лапкой, шарик сорвался и упал Пикю на голову. В тот же миг что-то мокрое залепило ему глаза.

Тут Пик сразу вспомнил маму, стал звать её. Но мамы близко не было, и она не услышала его. Протёр он тогда лапкой глаза и увидел — лежит шарик на земле, а из него красный сок течёт. «Что же это такое?» — снова думает Пик. Только хотел он понюхать шарик да по-

пробовать — нельзя ли его съесть, как замер.

На грядке, неподалёку от загадочного шарика, сидела страшная зелёная зверюга. Сидела и смотрела прямо на Пика.

— Ш-ш-ш! — зашипел Пик, выгнув спину, как учила мама, и поднял хвост. Шёрстка на нём встала дыбом. Весь он распушился и стал большим-пребольшим, страшным-престрашным.

Шипит Пик на зверюгу, пугает её, ждёт, когда она убежит. А зверюга его вовсе не боится. Сидит, смотрит своими огромными выпученными глазами и ждёт, что дальше будет.

Пик уже дуться и пыжиться устал, шипеть ему воздуха не хватает.

Замолчал он, хвост опустил. «Ну, — думает, — сейчас она меня съест...»

— Ква-ква-ква! — вдруг сказала страшная зверюга. — Ты откуда здесь взялся?

— Я гуляю, — тихо ответил Пик. И заторопился: — До свидания! Мне некогда! — А сам бочком, скорее, скорее в сторону, в кусты. Ну её! Пусть себе сидит одна. Ему и без неё хорошо».

Снова перелез Пик через изгородь, уже с другой стороны огорода, и очутился... в лесу.

Сколько интересного увидел он здесь! Сколько нового узнал! Сколько страху натерпелся! А у каких лесных зверюшек в гостях побывал!

Обо всём этом, ребята, вы узнаете, прочитав книжку Людмилы Сергеевны Рождественской «Приключения котёнка Пика».

«ПРО АЛЁШУ И ГАЛОШУ»

Хороший подарок — книжку весёлых стихотворений — получают ребята дошкольного и младшего школьного возраста.

Называется она — «Про Алёшу и галошу». Написал стихи украинский поэт Григорий Филиппович Бойко. А перевели их с украинского языка на русский наши, тюменские, поэты — Танин, Лецкин, Ружанский.

Встретились мальчишки и спрашивают один у другого:

— Ты, Тимка, весь в царапинах. Наверное, упал?

Ответил Тимка нехотя:

— Да нет... Кота купал...

— А я без драки выкупал

Котёнка своего.

— Так ты же не выкручивал

И не сушил его!..

(Стихотворение «Почему Тимка поцарапан?»)

Маленьким умельцам посвящены стихотворения «Колобок», «Малышка», «Вишенка», «Отчего часы остановились?», «Поросята», «Помощники», «Мы сжигаем листья».

О находчивости, сообразительности малышей говорят стихотворения: «Я и ты», «Мудрый Толя», «Про большие уши», «Разговор», «Письмо», «Барабан».

— Кто к столу пойдёт обедать?
— Я.
— Кто желает крем отведать?
— Я.
— А помоем кто посуду?
— Ну хоть раз ответь ты, Люда,
А то: я да я!

(Стихотворение «Я и ты»).

Маленькие хвастуны высмеиваются в стихотворениях «Шмели», «Хвастунишка», «Муха пыль подняла».

Интересны стихотворения «Сороконожка», «Загадочный случай» и другие.

«У НАС СБОР»

Для ребят младшего и среднего школьного возраста книжное издательство выпустило небольшой сборник рассказов Ирины Алексеевны Круглик «У нас сбор».

Составляя план работы звена, заспорили пионеры. Хотелось провести что-нибудь новое, интересное, но что?

Спорили-спорили, однако так ничего нового и не придумали.

И вот, неожиданно для всех, тему для сбора подсказала мама Лиды — звеньевой.

Каждый вечер после ужина Лиды и мама мыли на кухне посуду. Мыли и в то же время разговаривали. Лиды рассказывала маме о том, что произошло за день. Так же случилось и на этот раз, после бурного собрания звена. Лиды пожаловалась маме, как неудачно у них всё получается, неинтересно живёт звено.

— А что делали, мама, вы, когда ты была пионеркой? — спросила она.

Мама улыбнулась, задумалась, а потом сказала:

«— У нас тоже были споры о том, что должны делать пионеры. Но дела всегда находились. Они были и интересные, и серьёзные».

И мама рассказала, как они занимались ликвидацией безграмотности.

Как это было интересно! Счастливая мама.

«— А в лагерях, — продолжала рассказывать мама, — мы всегда всё делали сами: и прибирали, и стирали, и еду готовили. Никаких у нас поваров не было. Одни вожатые-комсомольцы, чуть постарше нас. А ты представляешь, если бы взять, ну, хотя бы твоё звено, поселить за городом и сказать: вот вам лагерь, живите, делайте всё сами, отдыхайте, ходите в походы, одним словом, покажите, какие вы есть пионеры...»

— Ой, знаешь, как бы это хорошо было! — Глаза у Лиды заблестели.

— Не знаю, боюсь, что половина твоего звена оказалась бы белоручками. Не зря ведь у вас сегодня такой спор вышел. А чего, собственно, нам гадать? Вот предложи своему звену сбор на тему: «Кто умеет варить обед?»

— А как это?

— Очень просто. Соберётесь у кого-нибудь дома, принесёте продуктов и будете сами готовить обед. Вот и посмотрите, кто что умеет».

Лидино предложение в звене было встречено с радостью.

Как прошёл этот интересный и необычный сбор, вы узнаете, когда прочтаете рассказ.

Кроме рассказа «У нас сбор», в сборник входят рассказы «Лёня-мясокомбинат» (о дружбе ребят) и «Узелок» (о настойчивости и упрямстве).

«ПОСАДИЛА ВАЛЯ ЛУК»

Сборник стихотворений «Посадила Валя лук» — вторая детская книжка Михаила Александровича Лецкого. Первая его книжка — «Мишкина шапка» написана о маленькой мастерице девочке Вале.

В сборнике «Посадила Валя лук» Михаил Александрович рассказывает о той

же живой, любознательной и трудолюбивой девочке.

Всё интересует Валу: и отчего медведи лапу, а не мёд зимой сосут? и почему у кошки нет ручек, а только ножки? и почему весной от грома в небе молния блестит? Много разных «почему» задаёт она своему папе. (Стихотворение «Вот зачем стучит топор»).

А вот Валя огородница.

Посадила Валя лук
 В ящике с землёю.
 Поливала Валя лук
 Каждый день водою.
 Как из садика придёт —
 Сразу смотрит в ящик —
 Всё в порядке —
 Лук растёт
 Самый настоящий.

Кроме лука, посадила она пять горошин, из которых вырос горох.

Рада Валя:
 — Всё могу!
 Вот ещё есть место
 Посажу-ка я муку,
 Пусть растёт здесь тесто.
 Будет тесто — размешу,
 Напеку оладий
 И, конечно, приглашу
 В гости весь наш садик.

Но сколько ни поливала девочка землю, не выросло тесто. (Стихотворение «Посадила Валя лук»).

В стихотворении «Это надо понимать»

Валя радуется приходу весны. Ведь теперь

Можно валенки снимать,
 Можно в ботиках резиновых
 По лужицам шагать..

Однако девочка любит не только весну. Она ждёт не дожётся, когда наступит зима, придёт Новый год и можно будет снова наряжать ёлку. Валя делает ёлочные игрушки, а чтобы приблизить наступление Нового года, обрывает на календаре все листочки.

Ещё много интересного узнаете вы о маленькой Вале, если прочитаете книжку М. А. Лецкого «Посадила Валя лук». Выйдет она в 1961 году.

«МАРИШКИНЫ СКАЗКИ»

В 1961 году появится в продаже книжка—«Маришкины сказки».

«Маришкины сказки» — сказки о растеньях.

Маленькая девочка Маришка, а сказки, так же, как и вы, ребята, любит слушать. Ляжет в кроватку на правый бочок, прикроет глазки и слушает.

Вот сказка о трёх сестричках-клюков-

ках: Выскочке, Плаксе и Краснощёчке. Из этой сказки вы узнаете о том, что ждёт того, кто никогда и никого не слушается, а везде суёт свой любопытный нос, кто без конца хнычет и плачет. Узнаете и о том, какую пользу приносит краснощёкая, спелая клюква. («Сказка о клюкве»).

Следующая сказка — «Сказка о сорняках и Ржаном Колоске».

О добром, скромном и ласковом Ржаном Колоске, приносящем людям пользу, и о злых, хвастливых сорняках, которые стремятся навредить человеку, говорится в этой сказке.

Третья сказка называется: «Сказка о том, как цветы были рассеяны по порядку». В ней рассказывается, почему из года в год все цветы вырастают на определённом месте и цветут одним, определённым цветом.

Написала эти сказки К. И. Ткаченко.

«ТАЙНА ГОЛУБОЙ ПЕЩЕРЫ»

Для ребят среднего школьного возраста Тюменское книжное издательство выпустит в 1961 году книгу «Тайна голубой пещеры».

«Тайна голубой пещеры» — сборник, включающий в себя две повести («Мы с Митяем», «Тайна голубой пещеры») и несколько небольших рассказов.

И в повестях, и в рассказах Станислав Владимирович Мальцев — автор этого сборника — рассказывает о жизни пятиклассников.

Закадычные друзья-приятели Коля Рыжов и Митя Чумаков, всезнающий Петька — редактор классной стенгазеты «Ёжик», получивший за свою начитанность прозвище «профессор»; Света Мартынова, художник-карикатурист, отличница, остроумная девочка, которую мальчишки считают задавакой и за глаза зовут ехидной; председатель совета отряда Костя; толстый Вовка, Вася Пиджаков, Лена, Натка и другие ребята — герои повестей.

Интересной жизнью живут ребята: собирают металлолом и сдают его государству; организуют пионерскую лотерею; ездят в колхоз с концертом; борются за стопроцентную успеваемость класса, для

чего организуют интересную форму помощи отстающим — группу «скорой помощи»; выпускают сатирическую стенгазету; следят за чистотой своего класса — моют полы, протирают парты и стёкла; работают в зоологическом уголке и делают ещё много других нужных и полезных дел.

Однако центральное место в обеих повестях занимают Коля Рыжов и Митя Чумаков. Подвижные, озорные, любознательные, выделяются они среди ребят своими поступками и приключениями. Неразлучные друзья, мечтающие поскорее окончить школу и поступить в училище водителей межпланетных кораблей, Митя Чумаков, или Митяй, как зовут его ребята, и Коля Рыжов всегда и всюду вместе — вместе в школу ходят, на одной парте сидят, вместе с уроков сбегают, вместе двойки получают.

Обе повести ведутся от имени Коли Рыжова.

Повесть «Мы с Митяем» состоит из коротеньких главок, в которых Коля Рыжов рассказывает о том, что произошло с ним и с Митяем в течение целого учебного года.

Вот Митяй и Коля заключили конвенцию, в результате выполнения которой — по расчётам Митяя — они должны стать круглыми отличниками. (Что это за конвенция и стали ли друзья отличниками, вы узнаете из главы «Наша конвенция»). А вот Митяй мечтает о будущем («Митяй-фантазёр»).

Прочитав главу «Митяй—«сирена», вы узнаете о том, как находчивость Митяя выручила ребят из безвыходного положения. О забавных приключениях друзей повествует глава «Мы с Митяем—сыщики».

О том, как друзья по всем правилам науки выращивали для колхоза цыплят и как выработывали у котов Васьки и Ур Мурыча условный рефлекс — отвращение к цыплятам; о «замечательном» открытии Митяя; о том, в какое смешное положение попадают друзья, решившие сбежать с контрольной по арифметике; как они чуть было не поссорились и о многом другом, приключившемся с Митяем и его другом Колей Рыжовым, узнаете вы, прочитав повесть «Мы с Митяем».

В повести «Тайна голубой пещеры» де-

ло происходит уже летом, в пионерском лагере. В красивом, живописном месте расположен лагерь. Речка, лес — всё рядом. Казалось бы, что может быть лучше. Но друзья недовольны. Жёсткая лагерная дисциплина пришлась им не по вкусу.

«— Что это за лагерь такой,— рассуждает Митяй. — Тоска зелёная. Как в детском саду. Это не бери, туда не ходи, на речку один не бегай, далеко не плавай... Скукота!»

Мнение Митяя разделяет и его друг— Коля Рыжов: «Действительно, Митяй прав. Лагерь нам попался какой-то никудышный. Скука смертельная! Ни походов, ни военных игр!..»

И однажды друзья нарушают дисциплину — сбегают с «тихого часа» и отправляются купаться. Здесь, добравшись до запретной и такой манящей середины реки, они начинают нырять — измерять глубину. Глубоко, пожалуй, не достать дно.

— А я достану! — заявляет Коля Рыжов и, набрав побольше воздуха, ныряет.

Речка и вправду оказалась глубокой. Плыл Коля, плыл и уже совсем было собрался поворачивать назад, как увидел наконец дно.

Камни, песок, ракушки блестят.

«Что бы такое взять, — думает Коля, — чтобы показать Митяю, а то не поверит». Вдруг он увидел большую раковину. Схватил её Коля и скорее назад. Вынырнув, он с торжествующим видом протянул раковину другу, но... раковина оказалась фляжкой, настоящей алюминиевой фляжкой.

Что такое? Как попала плотно закупоренная фляжка в реку?

Быстро отвинтили друзья пробку, потрясли фляжку — оттуда выпал свёрнутый в трубку листок бумаги. Развернули

листок — кусок карты, а внизу, под картой, еле-еле заметно сереют остатки каких-то слов.

Письмо! Таинственное письмо!

Долго разбирали ребята письмо, складывали размытые, еле видные буквы, наконец прочитали: «Ценное месторождение... одноглазый... угрожает гибель... чёрн... документы... пещера... под корой... Вход в пещеру возле одинокой сосны у поворота реки». И всё, больше ничего нет.

Онемевшие от дохнувшей на них таинственной истории сидели друзья и смотрели друг на друга. Кому-то угрожала опасность, в какой-то пещере под корой спрятаны, очевидно, очень важные документы. Надо немедленно разыскать эту пещеру, найти бумаги, пока ими не завладел одноглазый шпион, пробравшийся, видимо, в состав геологической экспедиции. Наверное, этот шпион всех поубивал и только последнему из геологов удалось спрятать документы, а известие об этом — записку — запаковать во фляжку и бросить в реку!

Друзья решают опередить одноглазого, найти бумаги и сдать их по назначению.

На следующий день, прихватив с собой немного хлеба, они выступают в путь. По дороге к ним присоединяется Петька-профессор, собиравший в лесу гербарий.

Много интересных, зачастую смешных приключений происходит с ребятами в лесу.

Наконец, они у цели — пещера найдена. Теперь нужно спуститься в неё и отыскать документы.

Удалось ли ребятам найти документы и что с ними произошло, вы узнаете из повести «Тайна голубой пещеры».

Рассказы, помещённые в сборнике, также посвящены дружбе, товарищеской выручке, школьным делам и отдыху ребят.

ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ «В ЧАСЫ ДОСУГА»

ЗАДАЧА

Назовите города нашей страны

Термез, Анадырь, Новгород, Бийск, Ереван, Тула, Вологда, Абакан, Тюмень,
Брест, Казань, Канск, Томск, Киев, Бел- Якутск, Гродно, Баку, Нарын, Иваново,
город, Иркутск, Акмолинск, Зeya, Ухта, Алдан, Грозный.

Получится по горизонтали: «Мы все за мир! Клятву дают народы».

ЗАДАЧА

Начиная с буквы «Л» и пропуская каждый раз две буквы, вы прочтёте:
Любите книгу — источник знаний.

ЗАДАЧА

Ходом шахматных фигур

„Б	Е	З	Д	Е	Л	Ь	Е
	-	М	А	Т	Ь		
		В	С	Е	Х		
	П	О	Р	О	К	О	В”

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Чибис. 6. Белка. 8. Овод. 9. Коза.
10. Краб. 12. Рысь. 14. Альбатрос. 16.
Дрофа. 20. Комар. 22. Кашалот. 23. Жа-
ба. 26. Линь. 27. Сова. 28. Омар. 29. Волк.
31. Сокол. 33. Осёл. 36. Судак. 38. Сом.
39. Тапир. 41. Ласка. 42. Носорог. 43. Ягу-
ар. 46. Архар. 47. Филин. 48. Серна.
51. Камбала. 52. Муха. 53. Утка. 54. Тур.
55. Жук.

По вертикали:

2. Барс. 3. Собака. 4. Лось. 5. Бобр.
6. Барсук. 7. Лиса. 11. Павлин. 13. Выд-
ра. 15. Баран. 17. Оса. 18. Карась. 19. Со-
боль. 21. Мул. 24. Кобра. 25. Чайка.
30. Лосось. 32. Крокодил. 34. Страус. 35.
Белуга. 37. Конь. 39. Тигр. 40. Корова.
44. Налим. 45. Зебра. 49. Скат. 50. Паук.

КРИПТОГРАММА «ПУШКИН»

I. Пугачёв. II. Татьяна. III. Петушок.
IV. Бесы. V. Архип. VI. Людмила. VII.
Жуковский. VIII: Сказка.

Заменив цифры буквами, прочитаем
(по движению часовой стрелки) следую-
щие строки из «Евгения Онегина»:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...

Ответ к шахматной задаче на стр. 195.

1. K15 : f7.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Лецкин. Мы — дети Октября. (Стихи). <i>Художник М. Рогожнев</i>	3
П. Горбунов. Настоящий товарищ (Рассказ). <i>Художник И. Котовицков</i>	4
Л. Преображенская. Наш сапожник (Стихи). <i>Художник И. Котовицков</i>	14
В. Еловских. Чика. (Рассказ). <i>Художник Е. Васильев</i>	16
Я. Танин. СТИХИ ПРО АНЮТУ. Анютины глазки. Помощница. Ходики. По воду. Анютина обувка. (Стихи). <i>Художник В. Челинцова</i>	25—30
В. Шугаев. Шурка Жёлудь из 4 «Б». (Рассказ). <i>Художник В. Васильев</i>	34
С. Мальцев. Мы с Митяем. (Повесть). <i>Художник И. Котовицков</i>	39
М. Лецкин. В мороз. (Стихи). <i>Художник М. Рогожнев</i>	70
Б. Володин. Как мы спасали Серёжу. (Рассказ). <i>Художник Е. Васильев</i>	71
Е. Чекмезова. Вёдра. (Рассказ). <i>Художник М. Рогожнев</i>	75
Е. Ружанский. Шурка Орлёнок. (Рассказ). <i>Художник И. Котовицков</i>	78
И. Давыдов. Сокровища стеклянных шкафов. (Очерк). <i>Художники И. Котовицков и А. Семёнов</i>	86

РАССКАЗЫ НАТУРАЛИСТА

М. Михайлов. Безбилетный пассажир. <i>Художник Е. Васильев</i>	106
М. Мамин. Журка. <i>Художник Е. Васильев</i>	109
В. Сидоренко. В тайге	113

УГОЛОК ТУРИСТА

В. Бугров. ИЗ ВСЕВЕДКИНЫХ СКАЗОК. Как Компас с Картой повздорил. <i>Художник В. Васильев</i>	115
--	-----

ПИСАТЕЛИ НАШЕГО СЕВЕРА

И. Истомин. Ёнко. (Рассказ). <i>Художник П. Суханов</i>	119
И. Юганпелик. Новогоднее утро. (Стихи). <i>Художник П. Суханов</i>	129

У НАС В ГОСТЯХ «БЯРОЗКА»

С. Граховский. Память. (Стихи). <i>Художник П. Суханов.</i>	133
А. Герус. Горячее сердце. (Очерк). <i>Художник П. Суханов.</i>	134
Е. Ружанский. Памяти юного героя Тихона Борона. (Стихи). <i>Художник П. Суханов</i>	139

ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д. Калмыков. Петькин сон. (Пьеса). <i>Художник И. Котовщиков</i>	141
--	-----

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

М. Лецкин. Пойдём поймаем радугу. Сломался карандаш (Стихи). <i>Художники М. Рогожнев, И. Котовщиков</i>	149—152
Б. Козулин. Лёшин выходной. (Рассказ). <i>Художник Л. Коркин</i>	156
Г. Бабкин. Как Иринка с папой поссорилась. (Рассказ). <i>Художник Е. Васильев.</i>	160
А. Шестаков. Мастер. Вот глупышка. (Стихи). <i>Художник Л. Коркин</i>	164—165
П. Анисимов. Маринка и козёл. (Рассказ). <i>Художник В. Васильев</i>	167

СКАЗКИ

К. Ткаченко. Как боровичок друга искал. <i>Художник В. Челинцова</i>	184
Я. Танин. Кукушкина арифметика. <i>Художник В. Челинцова</i>	189

ШАХМАТЫ

М. Воробьёв. Восьмой чемпион мира	193
Организуйте сами	194
В часы досуга. Задачи, кроссворд, криптограмма	196—199
Книжная полка. <i>Художник М. Рогожнев</i>	200
Ответы к разделу «В часы досуга»	208

СИБИРСКИЕ ЗВЕЗДОЧКИ

Редакторы Е. Ф. Данилина, З. И. Михеева.
Обложка В. Н. Челинцовой. Техн. редактор Л. Т. Овечкин.
Корректоры А. Н. Беляева, Р. Г. Солодкина.

Подписано в печать 18/II-61 г. Формат бум. 84x108¹/₁₆.
21,73 печ. листа. 16,3 уч.-изд. листа. РД 00009.
Тираж 5000 экз. Зак. № 6485. Цена 90 коп.

Типография № 1, Тюмень, Первомайская, 11.

10p

НОВАЯ ЦЕНА
10 руб — коп

КОП руб
~~НОВАЯ ЦЕНА~~

Цена 90 коп.